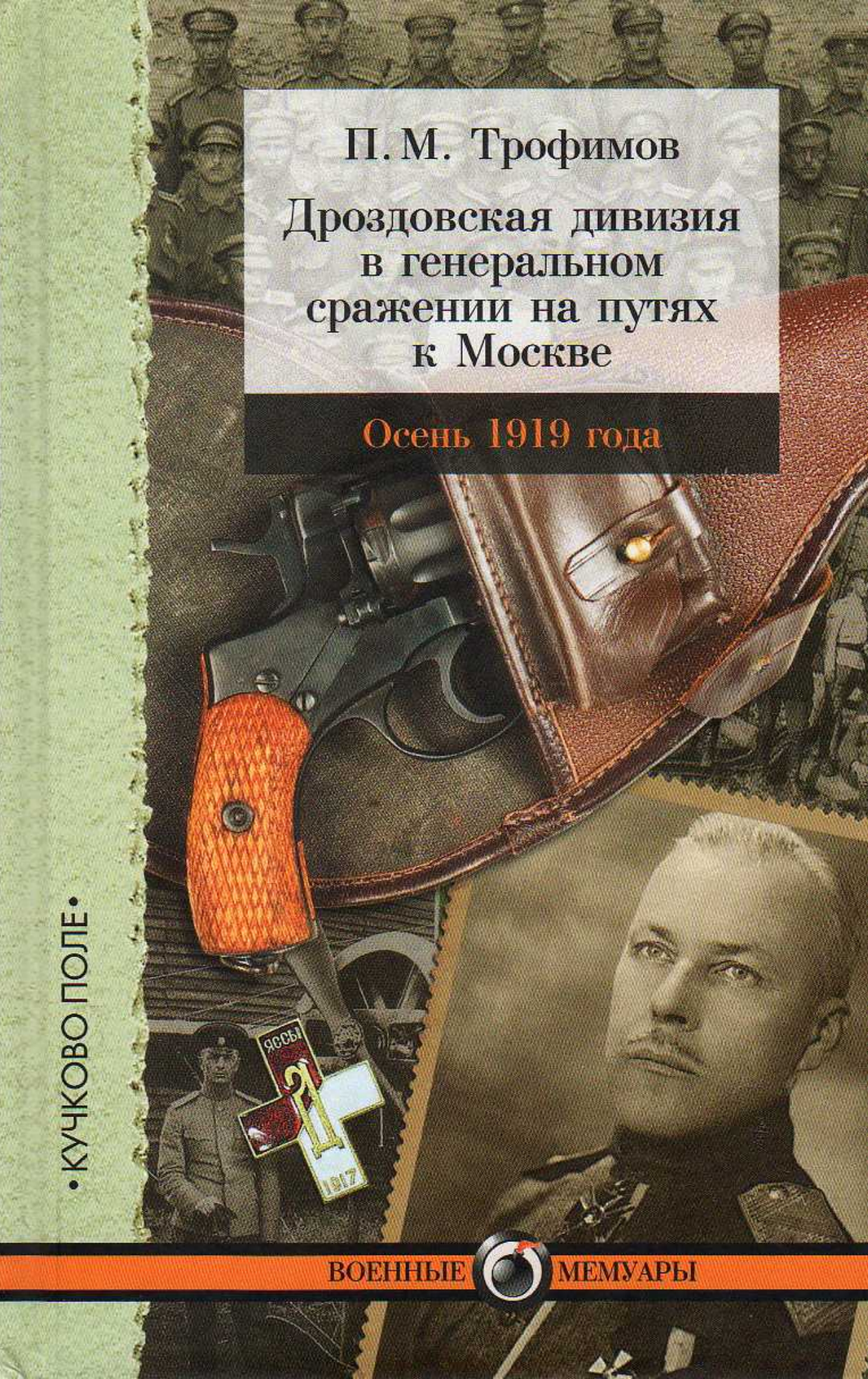
П. М. Трофимов

Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве

Осень 1919 года



• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

П. М. Трофимов

Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года

Государственный архив
Российской Федерации

П. М. Трофимов

Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва
2018

УДК 94(47)"1919"
ББК 63.3(2)612
Т76

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

Научный редактор и составитель издания Р. Г. Гагкуев,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра военной истории России Института российской истории РАН

Научные рецензенты:
А. В. Посадский, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления (филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы) (Саратов)
А. С. Пученков, доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета

Издание печатается по рукописи из коллекции
Государственного архива Российской Федерации
(Ф. 5881. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–83.)

Трофимов П. М.
Т76 Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года / подгот. текст., вступ. ст., коммент. Р. Г. Гагкуева. — М.: Кучково поле, 2018. — 256 с. — (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0901-6

Книга капитана Павла Михайловича Трофимова — участника Белого движения на Юге России в рядах Дроздовской дивизии ВСЮР рассказывает об одном из наиболее значимых событий Гражданской войны в России — решающих сражениях между ВСЮР и РККА, состоявшихся летом — осенью 1919 г. Исследование написано по горячим следам — работа над рукописью книги датируется 1923–1925 гг., когда впечатления от закончившейся Гражданской войны были еще очень свежи. Ее основной задачей автор видел анализ причин поражения наступления на Москву ВСЮР летом — осенью 1919 г. Будучи непосредственным участником наступления белых, Трофимов постарался встать над ситуацией и осмыслить ее максимально непредвзято, не игнорируя «теневые стороны» жизни белых армий Юга России.

УДК 94(47)"1919"
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-9950-0901-6

© ФКУ «Государственный архив Российской Федерации», 2018
© Гагкуев Р. Г., вступ. ст., коммент., 2018
© ООО «Кучково поле», дизайн-макет, издание, 2018

Капитан Трофимов о генеральном сражении белых и красных на путях к Москве в 1919 году

Предлагаемый вниманию читателей очерк капитана Павла Михайловича Трофимова рассказывает об одном из наиболее важных эпизодов Гражданской войны в России — решающем сражении на путях к Москве, разыгравшемся осенью 1919 г. между белыми Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) и Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА). Данная работа уникальна прежде всего по той причине, что представляет собой не столько воспоминания, написанные одним из непосредственных участников этого события, сколько попытку анализа и осмысления причин поражения белого «похода на Москву», предпринятого в 1919 г.

Подробности жизни П. М. Трофимова на сегодня мало известны. Единственным опубликованным источником, на основании которого можно проследить основные вехи его биографии, остается написанная в 1938 г. известным в русской эмиграции публицистом и общественно-политическим деятелем Н. А. Цуриковым посмертная статья о П. М. Трофимове[1].

---

[1] *Цуриков Н. [А.]* Памяти героя-дроздовца // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 57. С. 40–45. Рукопись статьи хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 179: *Цуриков Н.А.* «Памяти героя-дроздовца капитана Трофимова». 1929 г. Л. 1–8).

Будущий офицер-дроздовец родился 2 (15) сентября 1894 г. в городе Сенно Могилевской губернии[1]. Известно, что его отец был нотариусом в городе Сморгони, а дядя — известным врачом, гласным городской думы и приват-доцентом Киевского университета. В 1913 г. по окончании Виленской классической гимназии Трофимов был зачислен в Петербургский политехнический институт, на экономическое отделение. Начавшаяся Первая мировая война не дала ему закончить экономическое образование. В 1916 г. он поступил в Киевское пехотное военное училище. Блестяще закончив обучение, Трофимов ненадолго остался в училище помощником курсового офицера. Уже в июле 1917 г. он отправился на Юго-Западный фронт, где оказался в рядах 14-го стрелкового полка генерал-фельдмаршала И. В. Гурко, входившего в состав знаменитой 4-й стрелковой дивизии, получившей еще по окончании Русско-турецкой войны (1877–1878) неофициальное название «железной»[II].

В конце 1917 г., после того как разложение его полка стало уже необратимым, Трофимов, узнавший о формировании на Румынском фронте в Яссах добровольческих частей для борьбы с пришедшими к власти большевиками, принял решение присоединиться к ним. В составе группы офицеров, которую возглавил капитан Л. И. Андреевский, поручик Трофимов 2 (15) января 1918 г. отправился в Яссы. Уже 9 (22) января[III] он записался в 1-ю бригаду

---

[1] Ныне — административный центр Сенненского района Витебской области Республики Беларусь.

[II] В августе 1914 — августе 1916 г. 4-й стрелковой бригадой, развернутой затем в дивизию, командовал генерал-майор (с мая 1916 г. — генерал-лейтенант) А. И. Деникин.

[III] По другим данным — 13 (26) января (*Колтышев П. В.* Поход дроздовцев Яссы — Дон. 1200 верст. Воспоминания дроздовцев. 26 февраля (11 марта) — 25 апреля (8 мая) 1918 г. // Дроздовский и дроздовцы: [сб. док. и воспоминаний] / сост. и ред. Р. Г. Гагкуев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 253).

русских добровольцев, формирование которой было начато полковником М. Г. Дроздовским. В составе Сводно-стрелкового полка отряда полковника Дроздовского Трофимов проделал в феврале—апреле 1918 г. ставший широко известным 1200-верстный поход Яссы — Дон, в результате которого отряд добровольцев Румынского фронта в мае соединился с Добровольческой армией под командованием генерал-лейтенанта А. И. Деникина.

В составе 2-го офицерского (с 1919 г. — Дроздовского) полка, а затем в рядах Дроздовской дивизии Трофимов провел всю Гражданскую войну, вплоть до эвакуации осенью 1920 г. Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля из Крыма. В июле 1919 г. он был произведен в капитаны и назначен начальником пулеметной команды 1-го офицерского генерала Дроздовского полка.

26 июня 1920 г. Трофимов был ранен и эвакуирован в тыл по ранению, но уже 14 августа он прибыл по излечению обратно и назначен на должность временно исполняющего обязанности командира 1-го батальона своего полка. В августе 1920 г. Трофимов был назначен командиром 1-го батальона своего полка. По словам Н. А. Цурикова, «еще в училище Павел Михайлович специализируется в пулеметном деле и, в совершенстве его изучив, ведет в перерывах между боями занятия даже с офицерами. Необыкновенное спокойствие и выдержка Павла Михайловича сделали его, однако, не только знатоком, но и настоящим виртуозом пулеметного боя. В ряде боев, когда капитан Трофимов был уже командиром пулеметной роты 1-го [Дроздовского] полка, например в одном из самых страшных боев дроздовцев под Ореховым (в 1920 г. — *Р. Г.*), губительный огонь трофимовских пулеметчиков решает исход дела. В одном из последних боев 1920 г. Трофимов в качестве командира 1-го батальона [1-го Дроздовского полка] принял на себя главный удар: целый день своим огнем отбивал конные атаки красных,

чем облегчил отход наших частей в Крым. Несколько раз он был ранен. В августе 1920 г. был ранен в грудь, но в тыл не эвакуировался»[I].

После эвакуации белых из Крыма в составе Дроздовского стрелкового полка 1-го армейского корпуса Трофимов оказался в Галлиполи, переехав в 1921 г. в Болгарию. Неоднократно раненный за годы войны уже в эмиграции он был награжден орденом св. Николая Чудотворца (приказ главкома от 22 декабря 1921 г. № 509). По замечанию Цурикова, в эти годы «он играл, часто внешне, по скромности, незаметную, но очень большую роль, неизменно избираясь членом суда чести». В конце 1923 г. Трофимов переехал в Прагу, где поступил в Русское высшее училище техников путей сообщения, закончив двухгодичный курс обучения. Во время жизни Чехословакии Трофимов активно участвовал в жизни Общества галлиполийцев в Праге, а в 1926–1927 гг. был председателем его правления.

В эмиграции жизнь Трофимова была связана с двумя основными направлениями. Начиная с 1925 г. первенствующей для него стала работа в боевой организации генерала от инфантерии А. П. Кутепова, ставившей своей целью разведывательную и террористическую деятельность на территории СССР. Как отмечал хорошо знавший его Цуриков, «...Павел Михайлович постепенно все глубже уходит в специальную работу, играя все большую роль в организации генерала Кутепова. Имея возможность по своим исключительным личным данным прекрасно устроиться, он живет как отшельник и иногда даже голодает, бросая выгодную службу, если она мешает его работе. Он выполняет ряд серьезных и иногда рискованных поручений, разъезжает по многим странам»[II].

Во второй половине 1920-х гг. Трофимов становится одним из доверенных лиц Кутепова, выполняя его личные

[I] *Цуриков Н. [А.]* Памяти героя-дроздовца. С. 41.

[II] Там же. С. 42.

поручения. Но активное участие в антисоветской деятельности уже в скором времени привело его к гибели. Выполняя в 1929 г. поручение, полученное от организации генерала Кутепова, Трофимов нелегально перешел границу СССР, где был арестован органами безопасности и погиб. Подробности выполняемого им задания и обстоятельства смерти к настоящему времени неизвестны.

Второе направление работы Трофимова в эмиграции было связано с военно-исторической деятельностью. Как отмечал Цуриков, наряду с работой в боевой кутеповской организации он «...одновременно не бросает любимых им занятий по изучению военного дела, состоя одним из активных участников кружка по изучению мировой войны»[I]. В 1921 г. Трофимов принимал участие в выверке алфавитного списка участников похода Яссы — Дон к воспоминаниям полковника П. В. Колтышева[II]. В первой половине 1920-х гг. Трофимов вместе с капитаном И. В. Виноградовым составил не опубликованные до настоящего времени «Календари дроздовцев» за два наиболее интересных периода существования дроздовских частей — похода Яссы — Дон и Второго Кубанского похода[III].

Во время учебы в Русском высшем училище техников путей сообщения Трофимов в июне 1923 — сентябре 1925 г. написал публикуемый в этой книге очерк «Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью

[I] *Цуриков Н. [А.]* Памяти героя-дроздовца. С. 42.

[II] *Колтышев П. В.* Поход дроздовцев Яссы — Дон... С. 396.

[III] ГА РФ. Ф. 5895: Харжевский Владимир Григорьевич, генерал-майор Дроздовской дивизии Добровольческой армии (1918–1920), председатель Общества дроздовцев в Праге (1924–1941). Оп. 1. Д. 28: «Календарь дроздовцев (составленный совместно капитаном Виноградовым и капитаном Трофимовым). Поход из Румынии 1918 г. 1 января 1918 г. — 31 мая 1918 г.». Машинопись. Л. 1–11; Д. 29: «Календарь Дроздовцев (составленный совместно капитаном Виноградовым и капитаном Трофимовым). 2-й Кубанский поход 1918 г.». Машинопись. Л. 1–12.

1919 г.»[I]. Как участник описываемых событий он уделил основное внимание не столько своим воспоминаниям, сколько разбору и анализу причин проигрыша ВСЮР Красной армии решающего сражения Гражданской войны. Уникальность и основательность работы Трофимова связана прежде всего с использованием им многочисленных воспоминаний своих сослуживцев и выверки рукописи его работы рядом офицеров ВСЮР, игравших в событиях осени 1919 г. значимую роль[II]. Среди них были Л. И. Андреевский, В. К. Витковский, М. А. Звягин, Н. Н. Колосовский, В. В. Манштейн, В. С. Титов, А. В. Туркул, А. К. Фридман, В. Г. Харжевский и др. Заметно слабее был имевшийся в распоряжении Трофимова корпус источников и литературы с советской стороны. Единственным материалом, полное название которого он привел в своем очерке, была статья советского военного специалиста В. К. Триандафиллова «Краткий статистический сборник операций Южного фронта по разгрому Деникинской армии», опубликованная в 1921 г. Наибольший интерес представляют находившиеся в его распоряжении отдельные документы штаба командира группы войск 14-й армии РККА Ю. В. Саблина, захваченные Трофимовым в октябре 1919 г. на станции Дмитриев.

До настоящего времени неопубликованной остается другая крупная работа Трофимова, рассказывающая о действиях Дроздовской дивизии в Северной Таврии

[I] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–83. Другой экземпляр рукописи хранится в фонде генерал-майора В. Г. Харжевского (ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 41: *Трофимов П. М.*, капитан. «Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 г.». Рукописный очерк с приложением схем военных действий. Л. 1–112).

[II] Отдельно сохранились замечания и подготовительные материалы Трофимова к своему очерку (ГА РФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 42: *Трофимов П. М.*, капитан. Замечания по поводу своего очерка «Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 г.». Машинопись. Л. 1–171).

в 1920 г., написанная им во второй половине 1920-х гг. В ней автор вновь не только восстанавливает события, но и дает анализ причин поражения Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля в 1920 г.[I] За полтора года до смерти, 10 мая 1928 г., на собрании памяти главнокомандующего белыми силами в 1920 г. генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля Трофимов выступил с большой речью, в которой дал подробный обзор участия Врангеля в Белом движении[II].

Характеризуя в посмертной статье Трофимова. Н. А. Цуриков писал о нем: «Вся недолгая, но такая ясная жизнь Павла Михайловича Трофимова — это одна прямая линия. Никаких отклонений в ней не было. Блестящий боевой офицер, вдумчивый, инициативный, ответственный, самоотверженный строитель-организатор, ничего лично не искавший и все время беспрерывно себя затрачивавший, и мужественный, бесстрашный герой — служитель долга и чести. Таков был этот подлинный и чистейший белый рыцарь. Для многих и многих, кто его по-настоящему знал, гибель капитана Трофимова была тяжелым ударом и лично переживаемым горем. Такой она остается и сейчас»[III].

Несмотря на большой объем проделанной работы по изучению опыта Гражданской войны в России, работы

[I] ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 44–47: «*Трофимов П. М.*, капитан. Из истории дроздовцев. Боевые действия дроздовцев Дроздовской стрелковой дивизии в Крымский период Гражданской войны. Май — октябрь 1920 г. Рукопись». Ч. I–VI. Черновики материалы записок П. М. Трофимова о военных действиях Дроздовской стрелковой дивизии в Крымский период содержатся в этом же фонде (Д. 49, 50 а, 50 б).

[II] Запись непубликовавшейся речи также хранится в фонде В. Г. Харжевского: ГА РФ. Ф. 5895. Оп. 1. Д. 66: «Речь капитана П. М. Трофимова на торжественном заседании дроздовцев по случаю смерти генерала Врангеля. Запись речи. Копия В. Г. Харжевского». Л. 1–9.

[III] *Цуриков Н. [А.]* Памяти героя-дроздовца. С. 44.

Трофимова не были известны ни современникам (за пределами круга офицеров-дроздовцев, помогавших в их создании), ни тем более следующим поколениям историков и исследователей этого исторического периода. До настоящего времени в научный оборот введены лишь незначительные выдержки из работ Трофимова[1].

Рукопись предлагаемого вниманию читателей очерка хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Оригинальный текст представляет собой авторскую рукопись, начисто переписанную Трофимовым в отдельную тетрадь. Текст рукописи содержит минимальные авторские исправления и дополнения, а также авторские постраничные примечания. При публикации раскрыты сокращения, сохранены незначительные выделения, сделанные автором при написании чистовой рукописи. Даты в очерке приведены в двух форматах. Первой указывается дата по Юлианскому календарю (старому стилю), действовавшему в 1918–1920 гг. на территориях, подконтрольных белым на Юге России, и использовавшемуся Трофимовым при написании очерка. Второй (в скобках) — дата по Григорианскому календарю (новому стилю), введенному в РСФСР Советом народных комиссаров с 1 (14) февраля 1918 г. и приведенному в тексте научным редактором издания.

Р.Г. Гагкуев

---

[1] См.: *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.

П. М. Трофимов

ДРОЗДОВСКАЯ ДИВИЗИЯ В ГЕНЕРАЛЬНОМ СРАЖЕНИИ НА ПУТЯХ К МОСКВЕ ОСЕНЬЮ 1919 ГОДА

По поводу очерка «Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года»

На настоящий очерк меня натолкнули работы по изучению военной истории Белого движения на Юге России в комиссии Дроздовской дивизии[1]. При детальном изучении хода событий все с большей ясностью вырисовывается значение 1919 года, в который решалась судьба Белого движения и предопределялась на некоторый период история России. В этом году мое внимание особенно привлекли те решительные дни, которые наложили печать на все последовавшее. До этих дней борьба ширилась и крепла, после них — замирала и слабла, несмотря на отдельные периоды некоторого оживления и ожесточения.

Сумма разрешенных столкновений в течение полутора месяцев на громадном пространстве составляла то, что я позволил себе назвать генеральным сражением. Разбросанность операций на громадном пространстве и в силу этого крайняя эпизодичность личных впечатлений участников сильно затушевывают истинную сущность событий. Если весь ход их своевременно не зарегистрировать, то со временем они совершенно изгладятся из памяти и окажутся невосстановимыми.

Моя цель — записать все то, что создает рельефность общей схемы, является канвой событий. Ни мои личные силы, ни материалы, ни обстоятельства времени не позволили мне взглянуть на работу в более широ-

ком масштабе, и я вынужден был ограничиться рамками [Дроздовской] дивизии[2], давая беглые общие обзоры только для выяснения логики событий.

Источниками событий со стороны советской послужили:

1. Статья [В. К.] Триандафиллова[3] «Краткий статистический сборник операций Южного фронта по разгрому Деникинской армии»[1]. На основании этой статьи даны все ориентировки в масштабе армий и фронта, приведены оперативные документы, характеристики и цифры.

Более общие обзоры сделаны на основании разных статей в советской военной прессе, главным образом книжек журнала.

2. «Военная наука и революция» за 1921 год[4].

3. Статья в обрывке какого-то военного журнала, подобранного мною на поле сражения, трактующая об операциях в Орловском районе.

Более мелкая ориентировка о частных планах и намерениях красного командования на разных участках фронта сделана на основании показаний пленных и понимания намерений [противника] командным составом нашей дивизии.

По поводу статьи Триандафиллова, послужившей главным материалом с советской стороны, надо сказать, что она довольно верно рисует события с точки зрения штаба Южного фронта, и в искажениях действительности по большей части сказывается не тенденция, а, по-видимому, неверная ориентировка со стороны своих войск. Не имея возможности приводить слишком длинные выдержки, я старался переложением теперь делать в них те же обороты речи и сохранял характеристики выражения.

---

[1] Статья напечатана в первом «Сборнике трудов военно-научного общества при академии Генерального штаба». (*Здесь и далее — примеч. авт.*)

С нашей стороны почти не оказалось документальных источников, и сбор материалов отнял массу труда и времени. Материалами письменного характера послужили:

1. Выписки из дневника начальника дивизии генерала [В. К.] Витковского.

2. Краткая история 2-го [Дроздовского] полка, составленная капитаном Волочковым.

3. Дневник ефрейтора 3-й батареи [Дроздовской артиллерийской бригады], носящий характер журнала военных действий батареи.

4. Выписки из разного рода дневников и воспоминаний офицеров.

Общая ориентировка о положении на всем фронте и на участке соседней [Корниловской] дивизии проверены на основании:

5. Секретных оперативных сводок штаба главнокомандующего, представленных в мое распоряжение для [работы] Русским заграничным историческим архивом в Праге.

Главную массу материала составляли записи, [сделанные] на основании собеседований с лицами командного состава дивизий, рядовыми участниками событий и личных воспоминаний. В частности, все развитие событий было мной проштудировано со следующими лицами как составителями (должность в описываемый период):

1. Генерал [М. А.] Звягин — командир 2-й бригады [Дроздовской дивизии].

2. Генерал [А. В.] Туркул — командир 1-го батальона, а затем 1-го [Дроздовского] полка.

3. Полковник [А. К.] Фридман — временно командующий 1-м [Дроздовским] полком.

4. Генерал [В. Г.] Харжевский — командир 2-го батальона 1-го [Дроздовского] полка.

5. Генерал [В. В. фон] Манштейн — командир 3-го [Дроздовского] полка.

6. Полковник [Л. И.] Андреевский — помощник командира 2-го [Дроздовского] полка и временно командующий полком.

7. Полковник [В. С.] Титов — командир 2-го батальона 2-го [Дроздовского] полка.

8. Полковник [Н. Н.] Колосовский — командир 1-го батальона 2-го [Дроздовского] полка.

Кроме того, мною были опрошены десятки лиц младшего командного состава разных степеней и просто рядовых участников.

В отношении отдельных мест остались пробелы. Например, однообразные [действия] Самурского полка к югу от Дмитровска не позволили расположить ряд интересных боевых эпизодов в хронологическом порядке приблизительно восьми дней. Нет возможности точно связать с днями бои [этого] полка между 18 и 22 сентября (1 и 5 октября). Остались почти вовсе не освещенными действия правофлангового отряда в последних числах октября и первых ноября. В смысле общих ориентировок я только сейчас нащупал возможность получить ориентировку о действиях 3-го Марковского полка в Кромском районе. Со временем могут всплыть интересные подробности действий разных отрядов, разбросанных на громадном фронте дивизии. Но все это может только изменить оттенки деталей, но не должно нарушить правильного изложения хода событий на участке [Дроздовской] дивизии.

Я полагаю, что при принятой мною системе описаний событий все те общие характеристики и оценки, которые могут быть опровергнуты недоступными мне документами и источниками, легко будет выкинуть или изменить, а подробное описание фактов сохранит свою цену при всяких условиях.

Описание действий дивизии составлено применительно только к десятиверстной карте. Только в описа-

нии боев за Севск в сентябре месяце я пользовался более подробной земской картой и той же картой при описании взятых переправ у Неруских Дворов в первых числах октября. Общие ориентировки сделаны применительно к двадцатипятиверстной карте.

П. [М.] Трофимов

Вступление

К лету 1919 года борьба на Южном фронте приобретает первенствующее значение. В мае происходит перелом, и войска Вооруженных сил Юга России[5], теснимые до этого времени к казачьим областям, переходят в решительное наступление. Советские армии терпят жестокие поражения. Занятие богатых и громадных южных областей приводит к быстрому увеличению сил и средств борьбы и открывает перспективы решительных действий для свержения советской власти и захвата жизненных центров государства. С выходом в 20-х числах июня на линию Царицын — Харьков Главнокомандующий [ВСЮР] генерал [А. И.] Деникин отдает приказ о движении на Москву[6]. По мере развития наступления фронт все ширился и скоро растянулся на громадном пространстве от Волги до Днепра, а левый фланг армий перебрасывался на правобережную Украину. Советские войска неизменно терпели поражение за поражением и отступали в сильно расстроенном виде.

На главном направлении, по прямым путям от Харькова через Курск и Орел на Москву, наступал 1-й армейский корпус[7] [Добровольческой армии][8]. Почти в месячных боях на линии Ворожба — Обоянь — район севернее города Короча красные были расстроены. Корпус сломил их сопротивление, овладел в начале сентября городами Щигры, Курск[9], Льгов и двинулся на север по путям к Ливнам, Орлу и Брянску.

К этому времени правая конная группа генерала [А. Г.] Шкуро [(3-й Кубанский конный корпус)][10] наступала в направлении города Воронеж, а левее — 5-й кавалерийский корпус овладел районом [городов] Конотоп — Бахмач. Еще левее войска Киевской группы ([Войска Киевской области])[11] действовали на Черниговском направлении, занимали город Киев и развивали наступление в правобережной Украине. Общая обстановка благоприятствовала наступлению, и 1-й армейский корпус с полной энергией рвался вперед, вдаваясь мощным и широким клином, обращенным своей вершиной по направлению к Москве, в расположение советских войск.

Грозные успехи белых войск юга, захват богатейших хлебных и чрезвычайно важных экономических областей, все нарастающая их сила, увеличивающиеся ресурсы[12] и уже реально вырисовывавшаяся угроза политическому центру советской власти вынуждали красное командование напрячь все свои силы на исправление положения[13].

Общее положение на всех советских фронтах к этому времени может быть охарактеризовано как благоприятное. Хотя кольцо враждебных сил и продолжало охватывать Совдепию, но только на Южном фронте противник держал инициативу в своих руках и был опасным. На востоке войска адмирала [А. В.] Колчака откатились к сентябрю за реку Тобол, и не представлялось возможным, чтобы они были способны в ближайшем будущем восстановить борьбу в широком масштабе[14]. Ничтожность сил, а главное бедность ресурсов белых на севере, на Архангельско-Мурманском фронте[15], и на северо-западе, на Юденическом фронте[16], делали их второстепенными. Западный фронт, по пассивному поведению лимитрофных государств[17], походил, скорее, на военную границу, чем на боевой фронт.

На Юге силы развернутых с обеих сторон войск были приблизительно равны, с известным перевесом в сторону красных[18], и успехи белых армий определялись их качественным превосходством. Быстрое занятие обширных областей затрудняло организацию [белых частей], что в связи с недочетами в устройстве их и особенно в личном составе администрации и целого ряда других более сложных причин лишало армии надежного и прочного тыла[19]. Мобилизация давала ничтожные результаты, формирования в тылу были неудовлетворительны, пополнение на фронт поступало в незначительном количестве[20]. Сила войск возрастала главным образом за счет притока добровольцев во вновь занимаемых местностях, мобилизации в прифронтовых районах попечением самих частей и отчасти постановкой в строй пленных красноармейцев[21].

Продолжительное (сравнительное) господство советской власти в Центральных районах России позволило ей организовать административное управление. Система террора подавляла сопротивление населения, как активное, так в значительной мере и пассивное. Строгий учет и жестокие кары за дезертирство по системе круговой поруки в семье, а иногда и деревне, давали в руки красного командования значительные контингенты пополнений[22]. Организация резервной армии (запасные части), хотя и скрипевшая, и трещавшая по всем швам, как вообще все советское строительство в это время, обеспечивала планомерное их использование. С другой стороны, успехи красных или пассивность противника на других фронтах позволяли производить с них переброски [частей][23]. Подводя итог, приходится признать, что красные войска были способны выдержать более продолжительную борьбу, чем белые.

Советское командование в подготовке предстоящих операций обращает свою деятельность в двух направле-

ниях: первое — оно энергично работает над приведением в порядок уже развернутых на фронте войск и второе — над созданием ударных групп из перебрасываемых частей. Для достижения первой цели оно настойчиво проводило однообразную организацию [воинских частей], сводя все местные формирования в соответствующие единицы и придавая их более крупным соединениям. Для всех частей устанавливалось общая нумерация. Притоком пополнений и расформированием малочисленных и небоеспособных частей увеличивается численность остающихся. Агитационным компонентом, направлением в армию большого числа коммунистов и организацией сплошной системы наблюдения достигается улучшение стойкости и надежности частей. Для младшего командного состава издается ряд инструкций и наставлений по тактике[24].

Мероприятия этого рода должны были восстановить боеспособность фронта, захватить же инициативу предполагалось созданием активных групп из свежих частей. В первую очередь на Орловско-Брянское направление перебрасывались Латышская[25] и Эстонская[26] дивизии, [Отдельная] стрелковая бригада [П. А.] Павлова, [Отдельная Червонно-казачья] бригада [В. М.] Примакова[27] и полк Вохра[28]. Из них первая, а отчасти и вторая, являлась гвардией советской власти и, безусловно, значительно превосходила качественно все остальные части. В дальнейшем на Южный фронт[29] предположены были переброски 55-й стрелковой дивизии, выведенной в резерв в район Вязьмы и здесь пополнявшейся и отдыхавшей, 52-й стрелковой дивизии с Тульской стрелковой бригадой с Западного фронта[30], 5-й и 29-й стрелковых дивизий из Сибири, из состава 4-й советской армии. Помимо этих крупных соединений, в период операций была произведена переброска еще многих, более мелких. Приток пополнений происходил непрерывно как до начала операций, так и во время их течения.

В предстоящих действиях советское командование ставило себе задачей не только остановить движение на Москву, но и вообще ликвидировать белых на Юге. В течение сентября армии ВСЮР продолжали наступать, и 1-й армейский корпус особенно настойчиво двигался на прямых путях к Москве. В этот же месяц красные заканчивали подготовку к переходу в наступление. Сторонам предстояло встретиться в сражении, которому суждено было решить судьбу не только отдельного периода кампании, но и определить исход всей борьбы...

Против войск генерала Деникина действовали семь советских армий, входивших в состав двух фронтов: Юго-Восточного[31] (11-я[32], 10-я[33], 9-я[34] армии) и Южного (8-я[35], 13-я[36], 14-я[37] армии), и наконец, большая часть сил 12-й армии[38], входившей сначала в [состав] Западного фронта, но затем переданной в Южный. Армии Южного фронта (считая с 12-й) были развернуты правым флангом на правом берегу реки Днепра, главной массой сил между Днепром и верховьем Дона и левым флангом на левом берегу Дона, до района несколько западнее города Новохоперска, и прикрывали центр от Европейской России. Решительные действия предстояли именно на этом фронте.

Более детально советские армии располагались следующим образом:

12-я армия правым флангом занимала район на правом берегу Днепра, вытянутый дугой от местечка Падичи на реку Березню через Новоград-Волынский — Житомир — Фастов до местечка Ладыженцы на Днепре. Далее на левом берегу Днепра фронт проходил севернее реки Десны и левым флангом подходил к ней у города Сосница. В состав армии входило четыре стрелковых и одна кавалерийская дивизия, из которых только две бригады действовали против поляков, а остальные силы находились только против войск Киевской группы.

14-я армия была развернута от района станции Бахмач до шоссе Курск — Фатеж — Кромы и имела в своем составе четыре стрелковых дивизии и одну кавалерийскую бригаду.

13-я армия была развернута от шоссе Курск — Фатеж — Кромы до верховьев Дона и имела три стрелковые дивизии на фронте и одну формирующуюся (55-ю).

В районе к востоку от Воронежа действовал 1-й конный корпус [С. М.] Буденного[39] в составе сначала двух, а затем трех кавалерийских дивизий.

8-я армия действовала на левом берегу Дона до станции Еланское Калено, что западнее города Новохоперска. В нее входило семь стрелковых дивизий слабого состава.

Общая численность войск фронта, действовавших против армий генерала Деникина, достигала 80 000 штыков и сабель, а с перебрасываемыми с северного участка Западного фронта Латышской и Эстонской дивизиями и более мелкими частями, сосредоточенными в составе ударной группы, приблизительно равнялась 100 000. Из них около 10 000 действовало на правом берегу Днепра, около 70 000 находилось между Днепром и Воронежем (включительно) и около 18 000 — на левом берегу Дона[40].

По советским источникам наша численность представлялась в следующем виде:

Южнее и восточнее Воронежа, против 8-й советской армии действовало 24 500 донцов[41]. От Воронежа до Бердичева была развернута Добровольческая армия[42] генерала [В. З.] Май-Маевского в составе 29 000 штыков и 17 000 сабель[43]. Против двух бригад 44-й стрелковой дивизии на правом фланге 12-й армии находилось 32 000 штыков и 2500 сабель польской армии[44].

К сожалению, при составлении данного очерка не удалось достать сведений о боевом составе Вооруженных сил Юга России, [относящихся] непосредственно к данному периоду[45], и приходится пользоваться [дан-

ными], относящимися ко времени более чем на месяц раньше[1]. В это время все силы войск генерала Деникина, развернутые от Черного Яра на Волге в Астраханском районе до правого берега Днепра в Екатеринославском районе и по нижнему течению Днепра, сосредоточенные на Северном Кавказе, расположенные на охране побережья с запасными и формирующимися частями, составляли 99 000 штыков и 43 000 сабель при 558 орудиях[46].

Добровольческая армия, развернутая на линии Короча — Ахтырка — Полтава — Екатеринослав — Александровск включительно: 25 000 штыков и 7000 сабель при 143 орудиях (без тыловых гарнизонов и армейских запасных частей). В середине сентября Добровольческая армия подверглась значительным изменениям в своем составе. Из нее были выделены войска Киевской группы [(Войска Киевской области)][47], действующие на Черниговском направлении и западнее, и ряд отдельных частей. С другой стороны [был] произведен ряд формирований. Конная группа Шкуро ([3-й Кубанский конный корпус]) на Воронежском направлении [была] передана в Донскую армию.

Хотя эти цифры и не связаны непосредственно с периодом, охватываемым очерком, но они дают представление как вообще о тех силах, которыми располагали белые на Юге, так и о жидкости фронтов.

На главном Московском направлении действовал 1-й армейский корпус генерала [А. П.] Кутепова в составе двух пехотных дивизий:

— 1-й пехотной дивизии генерала [Н. С.] Тимановского (три бригады: Корниловская, Марковская и Алексеевская[48]);

— 3-й пехотной дивизии генерала [В. К.] Витковского (три полка).

---

[1] Из документов Русского исторического архива в Праге. Боевые составы Вооруженных сил Юга России к концу июля 1919 года.

В начале октября бригады 1-й пехотной дивизии получили названия дивизий, а 3-я пехотная дивизия [была] переименована в Дроздовскую. Правый фланг корпуса находился на железной дороге Старый Оскол — Касторная — Елец, а левый — на линии Воронеж — Севск.

Правее, в районе Воронежа, действовала конная группа генерала [А. Г.] Шкуро, а левее, в районе Конотоп — Бахмач, — 5-й кавалерийский корпус. Таким образом, на Московском направлении наступала фаланга основных частей Добровольческой армии, имевшая на флангах конные группы. Если сосредоточение сил на главном направлении не выражалось заметно в численном отношении, то необходимо заметить, что в 1-й армейский корпус входили лучшие дивизии войск Юга, являвшиеся волевым ядром борьбы против большевизма, закаленные в тяжелых испытаниях предшествовавших периодов Гражданской войны.

Главное советское командование, преследуя цель полного разгрома ВСЮР, выбрало операционным направлением предстоящих действий линию Орел — Курск — Харьков — Ростов[-на-Дону], полагая таким образом нанести удар кратчайшими путями к жизненным центрам противника — Донской и Кубанской областям. Командование Южного фронта ставило себе первой задачей разбить «ядро деникинских сил, Добр[овольческую] армию, как самую стойкую, сильную и способную к сложному маневрированию. Разгром этой армии, по мысли шта[ба] Юж[ного фронт]а, должен был привести к разгрому всех сил Деникина»[1, 49]. В частности, удар намечался по наиболее активной части ее, 1-му армейскому корпусу.

То обстоятельство, что 1-й армейский корпус вклинился в расположение советских войск, проявляя наибольшую наступательную энергию на путях от Курска

---

[1] Из статьи [В. К.] Триандафиллова «Краткий стратегический очерк операций Южного фронта по разгрому Деникинской армии».

к Орлу, привело к мысли атаковать его левый фланг ударной группой, стремясь выйти в тыл войскам, наступающим в Орловском направлении, и правый фланг — Конным корпусом Буденного, который должен был овладеть Воронежем и развивать удар в западном направлении на станцию Касторная — Курск. Соответственно с этим планом производилось сосредоточение войск в двух группах: 1) на фронте хутор Михайловский — Орел — главные силы 14-й армии, правофланговые части 12-й и ударная группа из вновь перебрасываемых частей и 2) под городом Воронежем — Конный корпус Буденного.

Интересно отметить, как в связи с предстоящими операциями красным командованием оценивались в качественном отношении свои армии: 14-я армия, на которую было обращено особое внимание, считалась лучшей в организационном и качественном отношениях; 13-я армия состояла из сильно потрепанных и недавно пополненных дивизий; 16-я армия имела очень малочисленные дивизии, пострадавшие во время рейда генерала [К. К.] Мамантова, но с хорошими кадрами; 12-я армия считалась самой дезорганизованной и в значительной степени разложившейся[50].

В численном отношении сосредоточение выражалось следующим образом: на фронте хутор Михайловский — Орел собиралось несколько более 30 000 штыков и сабель и под Воронежем — 6000 сабель. Всего в операции должно было принять участие с войсками 13-й и правофланговыми частями 8-й [армий] (у Воронежа) свыше 55 000 штыков и сабель. Первоначально пунктами высадки эшелонов ударной группы намечались города Дмитриев — станция Дерюгино, но выдвижение Дроздовской дивизии вынудило перенести сосредоточение в район города Карачева.

Наступление Дроздовской дивизии от реки Сейма к реке Нерусе

К первым числам сентября 1919 года, почти в месячных маневренных боях сопротивление противника было сломлено — [3-я] дивизия переходит в наступление, выходит на реку Сейм и 7 (20) сентября форсирует ее на плечах отступающих на своем правом фланге [красных] на участке деревни Липино — город Льгов. На левом фланге переправа задерживалась упорными боями с вклинившейся в прорыв между дивизиями и 5-м кавалерийским корпусом 46-й советской стрелковой дивизией, действовавшей от Путивля к местечку Терны. Наконец, противник был разбит и здесь и в полном беспорядке отброшен за Сейм. Левее кавалерия заняла город Конотоп. 10—11 (23—24) сентября 1-й и 2-й [Дроздовский] полки форсировали Сейм у села Тёткино и города Рыльска.

К 12 (25) сентября на правом участке Самурский пехотный полк занимал села по южному берегу реки Прут (местное название Прутище) и имел правофланговые части в районе деревень Филиппово — Ширково. На левом участке 2-й [Дроздовский] полк в этот день вышел к северу от Рыльска на линию Хвойные Пруды — Жговечь, а 1-й [Дроздовский] полк — Крупец — Дроновка. Неудачные попытки правофланговых частей 5-го кавалерийского корпуса переправиться у Путивля и наличие сильной группы красных в районе городов Глухов —

Путивль задерживали дальнейшее наступление левого фланга дивизии.

К этому времени в состав дивизии, еще носившей наименование 3-й пехотной, входили:

1. 1-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк (два батальона, около 1600 штыков).

2. 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк (три батальона, около 900 штыков).

3. Самурский пехотный полк (три батальона, около 900 штыков).

Таким образом, дивизия имела всего восемь батальонов общей численностью около 3400 штыков[1].

Артиллерия дивизии состояла из легких и двух гаубичных четырехорудийных батарей. Одна легкая батарея и взвод гаубиц ушли с переброшенным на Черниговское направление [13-й] Белозерским пехотным полком, и в дивизии осталось 20 легких полевых пушек и 6 гаубиц.

Средствами дивизии производилось формирование: 3-й батальон 1-го полка оставался в районе Ворожбы и разворачивался в 3-й офицерский генерала Дроздовского стрелковый полк (в батальоне было 800 штыков). В артиллерии формировались несколько батарей, из которых некоторые вышли на фронт. В ближайшее время 1-й и 2-й полки составляли 1-ю бригаду под командованием генерала [К. А.] Кельнера. Полками временно командовали полковник [А. К.] Фридман и полковник [А. Ф.] Голубятников. Самурский полк под командой полковника [Е. И.] Зеленина непосредственно подчинялся начальнику дивизии. Дивизией командовал ге-

---

[1] Основной тактической единицей в это время был батальон: при непомерно больших фронтах их невозможно, да и бесцельно было занимать сплошными линиями, и продвижение совершалось линией групп со значительными прорывами. По большей части каждая группа состояла из батальона. Боевой состав дивизии с пулеметами и вспомогательного назначения командами достигал 4500 штыков.

нерал [В. К.] Витковский. Штаб корпуса находился на станции Готня.

Со стороны противника против дивизии действовали 7-я и 41-я стрелковые дивизии и Кубанская кавалерийская бригада. Левее, в районе Глухова, находилась 57-я стрелковая дивизия.

С переходом через Сейм болотистое нижнее течение реки Свапы разделяло фронт на два разобщенных участка. На левом наступление задерживалось отставанием 5-го кавалерийского корпуса, на правом же оно вынуждалось движением [вперед] Корниловской бригады 1-й пехотной дивизии. Корниловцы заняли к десятым числам в районе железной дороги Курск — Орел село Смородинное, левее они приближались к городу Фатеж. В связи с этим Самурскому полку было приказано выйти на линию деревень Рожня — Машкина Былица — Никифоровка. К вечеру 11 (24) сентября десять рот [полка] с девятью легкими орудиями и двумя гаубицами собираются в селе Ольшанка и выступают в 20 часов с целью выйти в тыл группы красных, обороняющих сильные позиции на северном берегу Прута в районе железной дороги. Для демонстрации и обеспечения Льгова оставлялись две роты и полковые команды с несколькими орудиями и бронепоездами.

Выступившая из Ольшанки группа переправляется через болотистый Прут между деревнями Журавлинкой и Юрьевской и направляется на Рожню. Колонну вели надежные проводники. Были приняты особые меры к скрытности движения. Деревни обходились стороной, а на случай стрельбы со стороны противника на нее было запрещено отвечать до особого приказания. К рассвету колонна подошла к Рожне и захватила в ней обозы частей 3-й бригады 7-й стрелковой дивизии, после чего немедленно двинулась на деревню Орлянку. В последней неожиданно для красных [она] атаковала стоящие в резерве

62-й и 63-й полки и совершенно разгромила их. Командир 63-го полка был убит. Канцелярии штабов, околотки и имущество команд связи целиком попали в наши руки.

Командующий отрядом капитан [Д. В.] Житкевич оставляет в Орлянке 1-й батальон с тремя орудиями 4-й батареи, а с остальными силами двигается на Рожню и Машкину Былицу с целью перехватить железную дорогу. Только главные силы выступили из Орлянки, как оставшийся 1-й батальон был внезапно атакован. Одно время создалось весьма тяжелое положение, и артиллерия вынуждена была стрелять на картечь. Скоро наши части оправились, и наступавший батальон 61-го полка был окружен и полностью взят в плен. После этого эпизода 1-й батальон занял село Узник.

Тем временем остальная колонна двигалась к Машкиной Былице и около 16 часов заняла ее, захватив там начальника штаба Льговской крепостной зоны. Пленный показал, что наше наступление у железной дороги в этот день отбито и фронт остается на своем месте по Нижнему Пруту. Движение отряда капитана Житкевича оказалось для красных совершенно неизвестным. Капитан Житкевич приказывает разобрать железную дорогу в нескольких местах и установить артиллерию для борьбы с бронепоездами.

Остаток дня проходит совершенно спокойно, если не считать двух эпизодов. Со стороны Дмитриева подходил эшелон с пехотой, но, обстрелянный артиллерийским огнем, он ушел обратно. Бронепоезда с юга подходили к разобранным местам пути, но были отогнаны и ушли обратно к станции Конышевке. Капитан Житкевич боялся, чтобы противник не ушел ночью, стремился занять возможно широкий фронт и разбросал свои силы. С рассветом 13 (26) сентября предполагалось наступать на юг.

Ночью у южной окраины [села] произошла сильная ружейная перестрелка с противником, а утром перед рас-

светом был замечен большой обоз, двигавшийся южнее Машкиной Былицы на Рожню. Команде конных разведчиков было приказано захватить его, но при приближении наших всадников с повозок ссаживается пехота и огнем отгоняет ее. За красной пехотой появляются колонны конницы. Шесть рот самурцев разворачиваются на линии Машкиной Былицы, имея правый фланг западнее железной дороги, а левый — к востоку от села. Красные наступают несколькими густыми цепями. По железной дороге идут два бронепоезда. Конница начинает охватывать наш левый фланг. Бронепоезда и наземные батареи ведут сильный огонь. 9-я рота за железной дорогой скоро была отрезана от остального батальона и рассеяна. Охват конницы вынуждает командира батальона смещать свои роты влево, и скоро центр защищающихся [был] прикрыт только огнем батарей и редкой цепочкой разведчиков с пулеметами. В тылу у Булгаковки появляется эскадрон красных, но его прогоняет команда конных разведчиков.

Часа через полтора боя определенно выясняется, что удержаться не удастся и начинается отход. Положение отряда исключительно тяжелое. Охват кавалерии с востока вынуждает отходить на север; хутора и села на севере заняты красными. Пехота идет вперед и очищает путь. Артиллерия сдерживает наседающего сзади противника и обстреливает конницу. Каждая задержка грозит создать катастрофическое положение. Отряд отступает через Булгаковку, минует Яндовище, сильно занятое красными, и направляется на Заслонку. За Яндовищем красная конница занимает кладбище и открывает сильный ружейный и пулеметный огонь по 3-й батарее. Артиллеристы картечью прогоняют красных. У Заслонок, наконец, удается выйти из-под охвата конницы, и отряд сворачивает на юго-восток к Узнику, надеясь соединиться с 1-м батальоном. У села отряд занимает позицию фронтом на запад. 1-й батальон, как оказалось, выступил на помощь, но опоздал и уча-

стия в бою не принимал. Красные, очистив себе пути на север, оставили самурцев в покое и продолжали движение к Дмитриеву. Шесть рот ночуют в селе Узник, а 1-й батальон переходит в село Севенки. Части, оставленные в районе железной дороги, к ночи подходят к селу Конышевка. В следующие дни Самурский полк снова начинает продвигаться вперед и без соприкосновения с противником 15 (28) сентября занимает линию [деревень] Узник — Машкина Былица — Александровка — Наумовка.

Тем временем на левом участке дивизии, как уже упоминалось, 1-я бригада вынуждена была остановиться в ожидании продвижения конницы. Действующая против нее 4-я[1], 1-я и 2-я бригады 41-й стрелковой дивизии, разбитые в боях при форсировании Сейма, поспешно отошли по путям к Дмитриеву, Севску и Глухову и с ними потерялось соприкосновение.

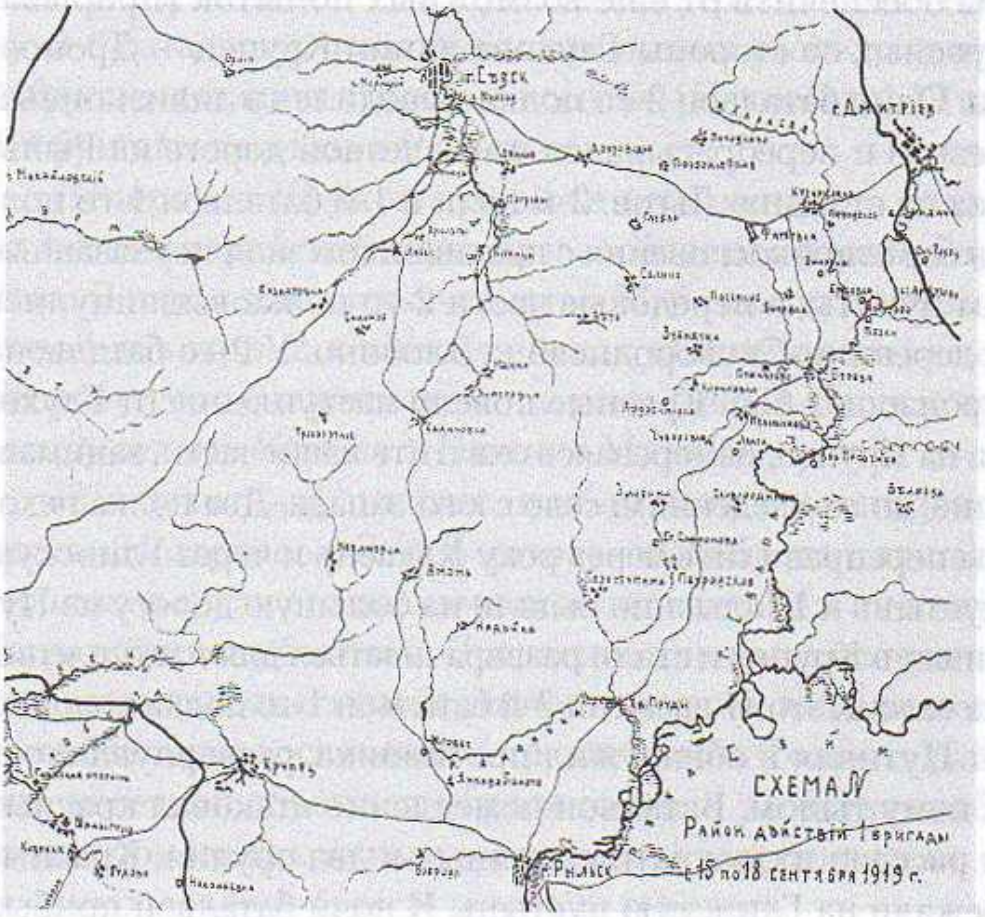
До 13 (26) сентября попытки [конницы] переправиться у Путивля оставались безуспешными. 5-й кавалерийский корпус встречал серьезное сопротивление по всему течению Сейма до впадения его в Десну. На участке 2-й кавалерийской дивизии красные даже переправились на наш берег у села Нижние Млины.

1-й бригаде было приказано оказать содействие коннице ударом на Путивль. Для выполнения этой задачи 3-й батальон 1-го [Дроздовского] полка, разворачивающийся на станции Ворожба в полк, должен был 13 (26) сентября сосредоточиться на станции Путивль, а 14-го совместно с частями 1-й кавалерийской дивизии овладеть переправами через Сейм и городом. 2-й батальон должен был выступить на Путивль из Дроновки и атаковать обороняющего переправы противника с тыла. 14 (27) сентября батальоны почти одновременно появи-

[1] Приданная к 41-й стрелковой дивизии бригада в составе 1-го Белопольского, 2-го Сумского и 3-го Лебедянского полков.

лись у Путивля, но противник боя не принял и поспешно отошел на север под нашим артиллерийским огнем.

Таким образом, наступление [3-й пехотной] дивизии задерживалось на фронте частей влево и расположение ее приняло по отношению к Корниловской бригаде характер уступа назад, что имело свои последствия при развитии дальнейших операций. Энергичный нажим со стороны корниловцев на путях к Орлу и отсутствие такового со стороны дроздовцев привлек главное внимание красного командования к Орловскому направлению, и им уже принимались меры к организации флангового удара, для чего намечалось сосредоточение прибывающих подкреплений в районе города Дмитриев — станция Дерюгино.



Район действий 1-й бригады 3-й пехотной (Дроздовской) дивизии Добровольческой армии
с 15 (28) по 18 сентября (1 октября) 1919 г.
Карта составлена П. М. Трофимовым

К этому времени 1-я кавалерийская дивизия перешла наконец через Сейм, и 3-я пехотная дивизия получила возможность дальнейшего наступления на север, на путях к Дмитриеву и Севску. Разграничительная линия между ней и 5-й кавалерийским корпусом была назначена по селам Сухое — Боброво — Сучкино — Орля (все пункты для конницы).

15 (28) сентября началось наступление 1-й бригады. 2-му [Дроздовскому] полку было приказано выйти на линию сел Петровское — Переступино; 1-му батальону 1-го [Дроздовского] полка — оставить наблюдение в селе Крупец, перейти в деревню Надейку; 2-му батальону 1-го полка — из Путивля перейти в Николаевку, чтобы обеспечить от еще возможных попыток [прорыва] красных со стороны Глухова линии Крупец — Дроновка. Один батальон 2-го полка выводился в дивизионный резерв и перебрасывался по железной дороге из Рыльска на станцию Льгов. 2-й полк и 1-й батальон 1-го полка без соприкосновения с противником заняли указанные им пункты, а передовые части 2-го полка выдвинулись к деревням Сковороднево — Злобино. У 2-го батальона произошел бой. Красные повели наступление от Глухова на Крупец, намереваясь охватить наши части, занимавшие, по их сведениям, село с юго-запада. Два полка пехоты переправились через реку Клевень и через Глинскую пустынь и Шалыгино вышли на большую дорогу из Путивля в Крупец и стали разворачиваться для наступления на село. К этому времени 2-й батальон 1-го полка подошел от Путивля и обнаружил противника, развернувшегося к нему тылом. Батальон немедленно атаковал красных и рассеял их, захватив пленных и два орудия. Красные бежали на Глинскую пустынь. К ночи батальон прибыл в деревню Николаевку и стал по квартирам. 1-я кавалерийская дивизия заняла на путях от Путивля к Глухову села [нрзб] и Кочерга.

16 (29) сентября наступление продолжалось на всем фронте дивизии. 1-я бригада [3-й пехотной дивизии] по-прежнему сохраняла уступный порядок на левом фланге. Самурский полк довольно легко опрокинул [противника] во встречном бою и овладел линией Генеральшино — Першино — Сухой Ровец — Пески. Выяснилось, что после боя 13-го числа противник очищал весь этот район и только накануне вновь занял его. На участке 1-й бригады наши части вошли в соприкосновение с оторвавшимися ранее красными. 2-й [Дроздовский] полк легко сбил их слабые части у деревень Меньшиково и Афанасьевка, занял главными силами деревни Пушкарево — Звенячка и достиг передовыми отрядами деревень Кузнецовка, Почепное, Семино и Веть. 1-й батальон 1-го полка занял деревню Хомутовку, 2-й батальон с полковыми командами расположился в Крупце, выдвинув две роты в деревню [Неумоевку]. Штаб 1-й бригады перешел в Рыльск.

Вечером в Крупец прибыли разъезды для связи от 1-й кавалерийской дивизии и сообщили о взятии Глухова. В городе был захвачен штаб 57-й советской стрелковой дивизии. 2-я кавалерийская дивизия начала переправу через нижнее течение реки Сейма, на участке между селами Камень и Нижние Млины.

[3-я пехотная] дивизия приближалась к линии городов Дмитриев — Севск, которая приобрела для противника в связи его планами особое значение и не могла быть уступлена без боев. Последние дни наше наступление развивалось почти без сопротивления, а временами даже без соприкосновения с противником. Только в районе железной дороги, где бронепоезда и удобства сообщения помогали красным организовать сопротивление — соприкосновение [здесь] почти не терялось.

О группировке противника в наших штабах имелись самые неполные и неясные сведения. Когда, например, противник оторвался на участке 1-й бригады, войсковая

разведка не имела достаточных средств и возможность обследовать столь обширные районы, и сведения о красных поступали только от местных жителей, опрашиваемых нашими разъездами. Таким образом, о противнике было известно весьма немногое. Схематически эти сведения сводились к следующему: в районе железной дороги находились пехотные части, отступающие перед Самурским полком; в промежутке между Дмитриевым и Севском 2-й [Дроздовский] полк обнаружил присутствие слабых и нестойких частей противника; в районе Севска находились войска и местные коммунистические отряды невыявленной численности и качества.

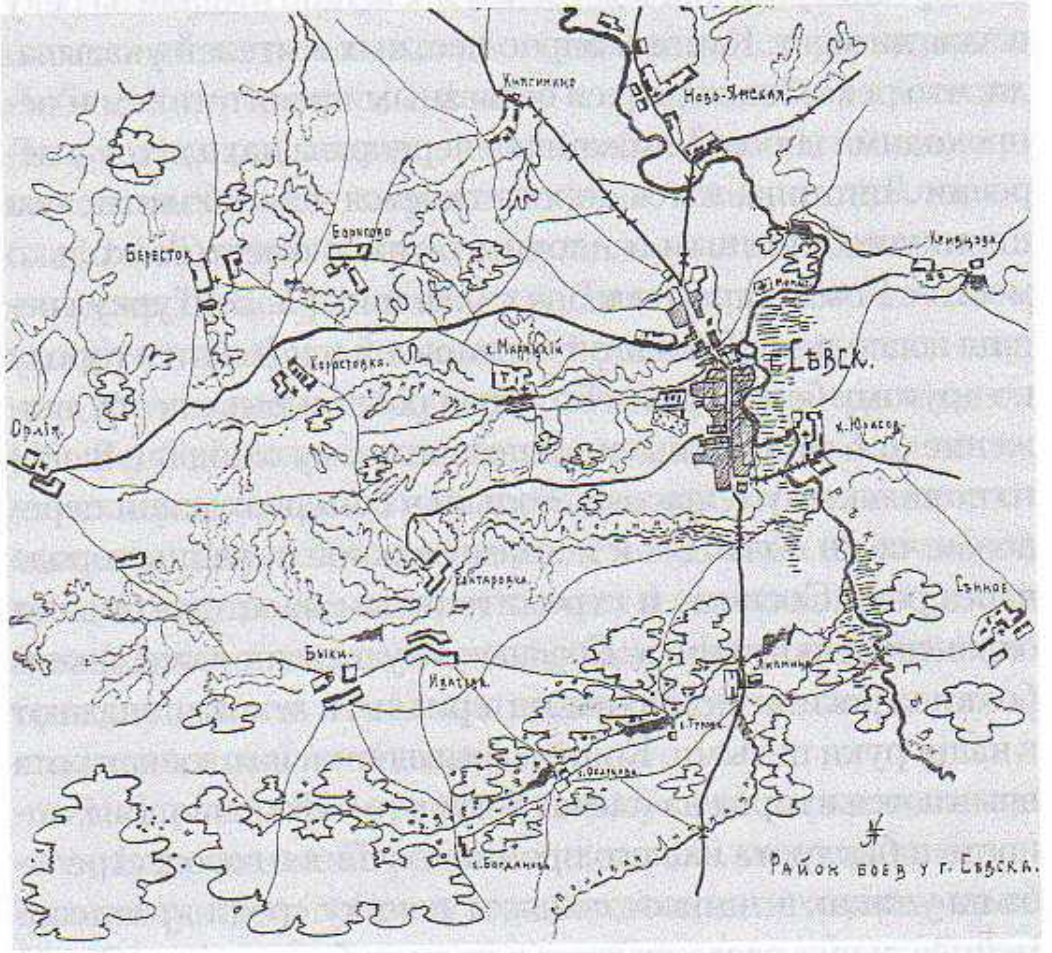
Приказом по [3-й пехотной] дивизии ставилась задача выйти на линию Дмитриев — Севск. Самурский полк должен был 17-го оттеснить противника к Дмитриеву и 18-го овладеть городом. 2-й [Дроздовский] полк 18-го выйти на фронт Кузнецовка — Пробожье Поле; 1-й [Дроздовский] полк 17-го занять исходное положение, а 18-го овладеть Севском. Дивизионный резерв (2-й батальон 2-го полка) переходил со станции Льгов в деревню Ширково на Пруте.

17 (30) сентября Самурский пехотный полк на участке правофлангового батальона наступал двумя колоннами и с боем выбил красных из деревень Карманово, Погорельцово, Мокрынь и Снецкая, причем были захвачены пленные 61-го, 367-го и 369-го полков. На участке левого батальона красные оказывали упорное сопротивление. Их поддерживали два бронепоезда и автоброневик с пушкой. Наше наступление успеха не имело.

2-й [Дроздовский] полк оставался на месте. Беспечно выброшенная на десять верст вперед в деревню Кузнецовку рота обозначила угрозу с этой стороны Дмитриеву и, естественно, привлекла к себе внимание красных. Утром у села появилась конница в значительных силах, быстро окружила роту и полностью ее уничтожила. Ободренная легким успехом, она устремилась к селу Береза,

но была отбита огнем сторожевых частей и больше в этот день деятельности не проявляла.

Приказом по 1-му [Дроздовскому] полку 17-го числа должно было быть занято исходное положение для наступления на Севск в следующем виде: 1-й батальон направлялся из деревни Хомутовки в деревню Путятовку по большой дороге из Глухова; 18-го батальон должен был развивать наступление в охват Севска с запада; 2-й батальон и полковая команда 17-го сосредоточивались в деревне Калиновка, а 18-го должны были наступать на город с юга.



Район боев у города Севска
Карта составлена П. М. Трофимовым

Тридцативерстное расстояние между Крупцом и Хомутовкой при отсутствии проволочной связи в этом бедном

телефонными и телеграфными линиями районе требовало значительного времени для доставки приказа в 1-й батальон, и командир его, не дождавшись приказа, по собственной инициативе решил приблизиться к Севску с целью войти в соприкосновение с противником и выяснить его расположение. Утром батальон выступил из Хомутовки. Противник долго не обнаруживался. Движение происходило через деревни Юдино — Клинцы — Погребы — Сенное. Колонна начала приближаться к Севску.

Только на полпути между Сенным и хутором Юрасов были обнаружены цепи красных, которые после первых артиллерийских выстрелов поспешно отошли за реку и зажгли мост. Карта и опрос местных жителей указывали, что река Сев является серьезным препятствием и непроходима вброд. Ближайшая переправа находится у деревни Липница, здесь дорога тянется через болотистую низину по длинным и плохим гатям и имеет несколько мостов. Командир батальона полковник [А. В.] Туркул решил воспользоваться этой переправой и подойти к городу по другому берегу реки. Большая роща скрывала это движение от Севска, и красные по-прежнему ожидали нашего появления у Юрасова. Только в сумерках наши передовые части подходят к мостам у южной окраины города через реку Сосницу и стремительным налетом сбивают охраненье противника. Красные не успевают даже зажечь бочки керосина и горючие материалы, и мосты попадают в наши руки целыми. Конные разведчики и головная рота врываются в город на плечах бегущего охранения. Внезапность и быстрота нашего проникновения в город, стрельба на улицах в темноте создают панику среди красноармейцев, и они рассеиваются в полном беспорядке. Скоро весь город переходит в руки батальона. В числе трофеев захвачен отдел снабжения 41-й стрелковой дивизии. Батальон располагается в тесных квартирах в южной части и выставляет сильное круговое охранение.

2-й батальон и полковые команды вечером подходят в деревню Калиновку и не могут установить связь с 1-м батальоном, который разыскивается в районе деревни Познятовки. Высланные разъезды выяснили, что еще днем в деревне Сальное находился местный коммунистический отряд Севского района, выступивший из города на Глухов. По показаниям жителей, настроение в отряде озлобленное, но паническое. Вечером отряд ушел из Сального в неизвестном направлении. Только утром 18 сентября (1 октября) в штаб 1-го [Дроздовского] полка в деревне Калиновке поступили сведения о занятии накануне Севска 1-м батальоном, и туда выступили остальные части полка по большой дороге через деревню Лобки. К вечеру весь 1-й полк сосредоточился в Севске. День в этом районе прошел спокойно: разбитый противник рассыпался и соприкосновение с ним потерялось.

17 (30) сентября уже ощущалось усиленное сопротивление красных на путях к Дмитриеву. То значение, которое приобрел для красных район Дмитриева в связи с их планами, побуждает молодого и энергичного [Ю. В.] Саблина, командовавшего группой советских войск в районе железной дороги, к принятию решительных мер для его обеспечения. 18 сентября (1 октября) он сам переходит в наступление и направляет против 2-го [Дроздовского] полка Кубанскую кавалерийскую бригаду и часть пехоты, а против Самурского полка — главные силы своей пехоты.

На правом фланге самурцев правый отряд наступает от Карманово. Передовые части его, переправившиеся накануне через Свапу и заночевавшие в хуторе, утром [были] атакованы красными и отброшены за реку. Отряд вовремя подошел к реке, чтобы прикрыть артиллерийским огнем обратную переправу. Дальше отряд двигался на село Михайловку, сбил красных и на их плечах занял мост через Свапу и село. Наша артиллерия заставляет

сняться с закрытой позиции батарею противника, причем разбивает одно ее орудие. В районе железной дороги противник предупреждает наступление 1-го батальона и сам атакует его значительными силами на фронте Новое Першино — Сухой Ровец. Завязывается упорный бой. Красные обнаруживают намерение переправляться у деревни Пески. С большим трудом, при поддержке полкового резерва наступление было остановлено и в общих чертах удержана старая линия.

Утром же начинается наступление конницы против 2-го [Дроздовского] полка. Практикуемая командованием полка разброска своих сил мелкими частями по всему фронту участка сразу же отдает в руки конницы легкий успех. Сторожевое охранение левофлангового батальона [было] прорвано у села Почепное, конница быстро появляется у села Звенячка и атакует главные силы батальона, только что собравшиеся с квартир для дальнейшего наступления. Роты выходят за село на бугры к югу и, охватываемые конницей, вынуждены отступать. Вскоре отход принимает весьма поспешный характер. Полторы роты, занимавшие деревни Селино и Веть, уже не могут соединиться с батальонами и отходят самостоятельно. Опрокинув левофланговый батальон, красная конница направляется в тыл правофланговому. Командир [2-го Дроздовского] полка полковник Голубятников, выехавший на стрельбу с командой конных ординарцев, обнаруживает это движение, пробивается через редкую лаву и теряет всякую связь с частями своего полка.

Тем временем правофланговый батальон уже начал наступать от села Пушкарево на север, но очень скоро обнаружил прорыв левее и остановился. Высланная разведка установила движение нескольких сотен всадников от Кирилловки на Меньшиково. Командир батальона спешит предупредить противника у Меньшиково, отводит сюда батальон и занимает позицию. Завязывается оже-

сточенный бой. По-видимому, все внимание красной конницы сосредоточивается на этом батальоне, и она почти прекращает преследование 1-го батальона. Значительные группы конницы начинают собираться у Чубаровки. Это обстоятельство вынуждает дальнейший отход от Меньшиково. Под артиллерийским огнем батальон отступает через село Лекта на Сковороднево, у последнего подвергается настойчивым атакам красных, но отбивает их и занимает позицию по буграм южнее села до большой дороги. За это время уже преследуемые части левофлангового батальона приходят в порядок у деревни Сафроново и занимают позицию юго-западнее деревни. Все части полка при отступлении потеряли связь со штабом и между собой. Только ночью связь восстанавливается: отдельные группы 1-го батальона соединяются, и полк, по приказанию командира, отходит на линию Петровское — Переступино, где и ночует. За день понесены большие потери.

Таким образом, обстановка на участке [3-й] дивизии сложилась 18 сентября (1 октября) весьма неблагоприятно. Прорыв центра грозил тяжелыми последствиями. 1-й [Дроздовский] полк оказался далеко выдвинутым вперед на левом фланге и совершенно изолированным, так как правофланговые части 5-го кавалерийского корпуса находились уступом назад, в пятидесяти верстах по воздушной линии. Такое выдвинутое положение необходимо было немедленно использовать для маневра или же тоже отступить. Состояние связи чрезвычайно затрудняло управление войсками. Во всей громадной полосе действий дивизии, шириною более шестидесяти верст, почти не было местных средств связи, за исключением железнодорожной телеграфной линии на участке правофлангового полка. Другая проволочная линия вдоль большой дороги из Глухова через Севск на Дмитровск не могла быть использована дивизией. Итак, вся связь вне железной дороги должна была организовывать-

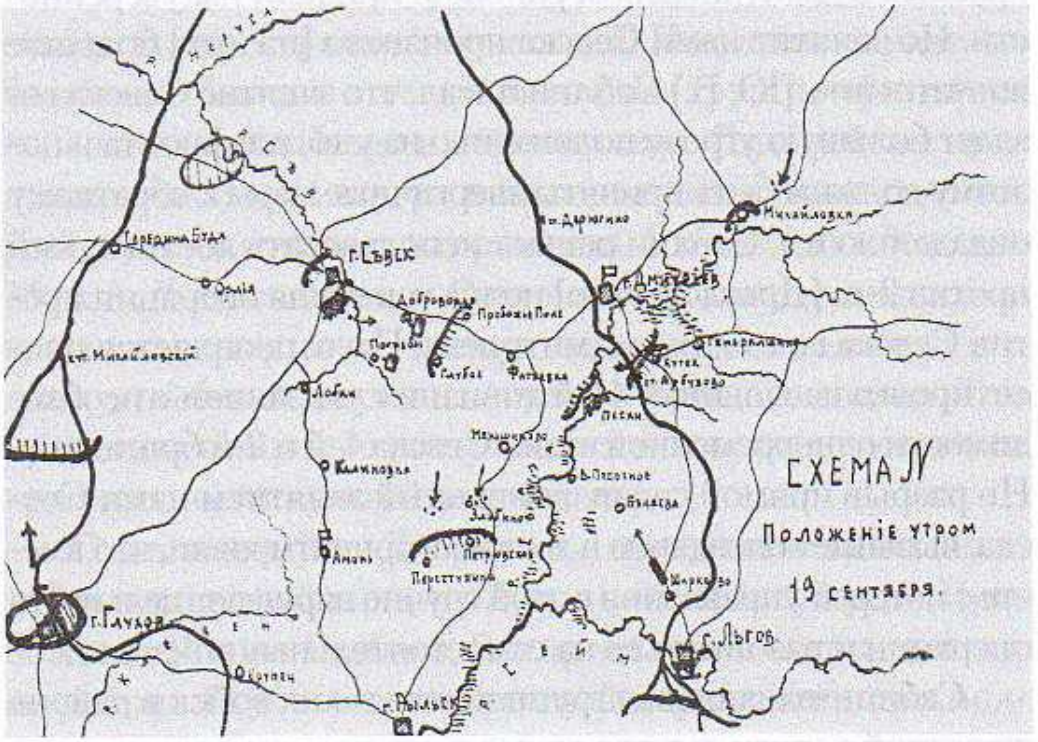
ся войсковыми средствами. Войска же не обладали необходимой материальной частью для создания проволочной связи на столь громадных расстояниях. На участке 1-й бригады [3-й пехотной дивизии], находившейся в самых неблагоприятных в этом смысле условиях, все приказы и донесения передавались конными ординарцами и мотоциклистами[1], что вызывало большую потерю времени и лишало командира бригады [генерала Кельнера] своевременной осведомленности о расположении частей и обстановки у них, до крайности затрудняло управление и предъявляло исключительные требования к командирам полков и батальонов в смысле правильной оценки обстановки, инициативы и решимости.

Командир 1-й бригады генерал Кельнер, находившийся со штабом в селе Амонь, получил из штаба дивизии дневную ориентировку о том, что Самурский полк потеснен сильными атаками на линии Арбузово — Пески, а затем донесенье командира 2-го [Дроздовского] полка о прорыве его фронта конницей и полном расстройстве полка и, не имея сведений о положении у 1-го [Дроздовского] полка, послал с мотоциклистами командиру его копии ориентировки и донесения, предоставляя принять решение по собственному усмотрению в зависимости от местной обстановки. Мотоциклист доставил пакет в Севск уже в сумерках. Командир полка, обсудив положение с командирами батальонов, принимает предложение полковника Туркула удерживать Севск одним батальоном и полковыми командами, а другим ударить в восточном направлении, во фланг и тыл красным, действующим против 2-го полка. Донесение о принятом решении ввиду наступившей ночи было отправлено с мотоциклистом только на рассвете — одновременно с выступлением батальона.

---

[1] Средство команды связи штаба бригады.

Начальник [3-й] дивизии, получив донесение о прорыве [позиций] 2-го [Дроздовского] полка красной конницей, приказал своему резерву (2-й батальон 2-го полка) выступить из деревни Ширково и двигаться через Беляевку в Песочное с целью обеспечить фланг и тыл Самурского полка и для действий в дальнейшем во фланг прорвавшемуся противнику.



Положение сторон во время боев в районе Севск — Дмитриев на утро 19 сентября (2 октября) 1919 г.
Карта составлена П. М. Трофимовым

Таким образом, из суммы частных решений на 19 сентября (2 октября) назревает с нашей стороны следующая операция: оборона Самурским полком на фронте Михайловка — Мармыжи — Куток — Арбузово — Пески; 2-м [Дроздовским] полком на фронте Петровское — Переступино и выдвижение в прорыв между ними дивизионного резерва; удержание частью сил 1-го [Дроздовского] полка Севска (около 800 штыков, 100 сабель, 30 пулеметов и 4 орудия) и удар от Севска на восток для ликвидации

прорыва остальными силами 1-го полка (около 1000 штыков, 60 сабель, 20 пулеметов и 6 орудий). С получением донесения 1-го полка о принятом решении в штаб 1-й бригады 2-му полку было приказано немедленно перейти в наступление и атаковать противника с фронта, но это приказание не могло уже быть выполнено по условиям времени.

События 18 сентября (1 октября) упрочили положение красных в Дмитриевском районе и придали им уверенности. Но занятие нами Севска произвело [на них] большое впечатление. [Ю. В.] Саблин писал, что занятие Севска создает большую угрозу положению на участке фронта и поэтому должны быть приняты энергичные меры к обратному овладению им. Саблин решает использовать достигнутый против 2-го [Дроздовского] полка успех для операции против Севска со стороны Дмитриева. Им отправляется ориентировка начальнику 41-й дивизии с указанием о необходимости одновременной атаки Севска 1-й и 2-й бригадами. Но разрыв прямой связи, вызванный занятием нами Севска, вызывает опоздание в доставке ориентировки, что вместе с потерей управления в этой группе нарушает цельность операции и разбивает ее на самостоятельные эпизоды[1].

Саблин командовал группой советских войск в районе железной дороги, и в это время в его подчинении находились части 7-й стрелковой дивизии, 3-й и 4-й бригад 41-й стрелковой дивизии и Кубанская кавалерийская бригада. Большая часть его сил была связана на участке Самурского и 2-го [Дроздовского] полков. Для намеченной операции он выделил 4-ю бригаду 41-й стрелковой дивизии и Кубанскую кавалерийскую бригаду. Пехоте была поставлена задача утром сосредоточиться на линии Пробожье Поле — Глубое и начать наступление с целью овладения Севском с юга.

---

[1] Изложенные сведения приведены на основании документов, захваченных впоследствии на станции Дмитриев, когда штаб Саблина вынужден был поспешно эвакуироваться, побросав часть своих бумаг.

Таким образом, намерения сторон должны были привести ко встречному бою в районе юго-восточнее Севска.

На рассвете 19 сентября (2 октября) 1-й батальон 1-го [Дроздовского] полка выступил из города. Уничтожение красными мостов у хуторов Юрасов и Новоямское вынудило опять произвести переправу у деревни Липницы. Колонна батальона беспрепятственно двигалась до Доброводья, у которого наши конные дозоры завязали перестрелку с красными. Походное охраненье батальона быстро оттеснило конные группы противника и заняло кладбище и окраину села. Дальнейшее продвижение сильно задерживалось конным полком, который развивал весьма напряженный пулеметный огонь. Между Доброводьем и Сенным несколько эскадронов пытались произвести конную атаку от леса с юга на колонну, но были рассеяны огнем гаубичного взвода. Тем временем головные роты заняли все село и заставили красную конницу отойти к востоку.

Оттесненный из Доброводья противник занял пехотой и смешанной конницей линию бугров впереди Пробожьего Поля и Глубого. Его артиллерия открыла огонь из района Глубого, а на большой дороге цепи при поддержке автоброневика перешли в контратаку против нашей наступающей роты. Лихая работа взвода 1-й батареи, выехавшего в пехотные цепи и встретившего автоброневик красных беглым огнем прямой наводкой, вынудила его поспешно отойти. Наша пехота безостановочным наступлением овладела буграми, и вся артиллерия, выехав на карьер на только что оставленную противником позицию, сосредоточенным огнем приводит в полное замешательство и рассеивает конницу, садившуюся на поданных коневодами лошадей. Дальнейшее стремительное наступление приводит к прорыву фронта красных. Одна группа их продолжает удерживаться у Глубого, другая поспешно отходит на северо-восток от Пробожьего Поля, а часть

попросту рассеивается. Наши передовые части без сопротивления проходят лес на пути от Пробожьего Поля к Фатеевке и за ним не видят перед собой противника. Значительные группы его наблюдаются южнее и отступают параллельно нашему движению. Полковник Туркул бросает вперед всех конных, взвод легкой батареи и пулеметы на линейных повозках, а пехоте приказывает сесть на повозки и спешить за конным авангардом.

В Фатеевке авангард застиг врасплох 2-й кавалерийский Кубанский полк. Этот полк после боя у Доброводья отошел с фронта и беспечно встал в селе, лежащем в балке, на отдых без всякого охранения, полагая себя прикрытым оставшейся впереди пехотой. Внезапно атакованные красные кавалеристы бросились к восточной окраине и оттуда пытались произвести контратаку, но под огнем пулеметов и артиллерии смешались и с большими потерями обратились в беспорядочное бегство. Среди брошенных убитых оказались командир полка и командир 2-го эскадрона. В наши руки попало свыше полусотни здоровых оседланных лошадей, пулеметы и часть обоза.

По дороге на Дмитриев в паническом бегстве неслись обозы. Ездовые ломали в канавах, о деревья и телеграфные столбы повозки, обрезали постромки и разбрасывали по дороге поклажу. Наши всадники энергично преследовали бегущих. С возвышенности на полпути между Фатеевкой и Кузнецовкой открывалась широкая панорама. Открытый подъем от речки Карасек к востоку образовывал верстах в десяти от нас гребень, тянувшийся в общем направлении с севера на юг. На всем этом открытом пространстве имелся только один небольшой лес у Петровского. Из Кузнецовки, Петровского и Быковки уже наблюдалось бегство обозов в сторону Дмитриева. При первых выстрелах вышедшей на бугры нашей артиллерии все обозы устремились спасаться. По нескольким параллельным дорогам неслись беспорядочные вереницы пово-

зок. От Петровского и Быковки начался поспешный отход пехотных и конных частей противника. Наша легкая батарея повзводно на рысях меняла позиции и непрерывно обстреливала шрапнельным и гранатным огнем колонны войск и обозов, внося в них полное замешательство.

Пехота напрягла все свои силы в преследовании, но не могла превзойти предела возможного. Недостаточное число всадников ощущалось особенно остро. Наши передовые части быстро прошли мост и дамбу в Кузнецовке и несколько восточнее последней рассеяли двинувшегося против них противника. Такое стремительное продвижение к Дмитриеву привело к бегству и войска, отступавшие вдоль реки Свапы со стороны Арбузово. Противник бросал на своем пути артиллерийские зарядные ящики, повозки со снарядами и патронами, приставших лошадей и разное другое имущество. В сумерках колонна батальона перевалила последнюю возвышенность и появилась перед Дмитриевым. Артиллерия сейчас же завязала ожесточенную дуэль с бронепоездами, а пехота повела наступление на город. Скоро бронепоезда отошли, и наши передовые части вошли в Дмитриев.

Батальон сосредоточился в станционном поселке и выдвинул сильные сторожевые заставы на противоположную окраину города, к мосту через Свапу, по дорогам на Пальцево и Дерюгино, и по железной дороге на юг и на север. В момент занятия города наши дозоры убили на улице проезжавшего в экипаже командира бригады. Местный гарнизон успел поджечь деревянный мост через Свапу. Внезапное занятие Дмитриева помешало красным взорвать железнодорожный мост через Свапу, под которым было заложено 18 пудов пироксилина. Поспешность отступления красных была так велика, что одна из батарей побросала южнее города свои орудия и ускакала на передках. Неожиданное для противника занятие Дмитриева отрезало его груп-

пу, действующую против Самурского полка на левом берегу Свапы. За ночь эта группа побросала свои орудия и рассеялась, переправляясь через реку в разных местах мелкими партиями и в одиночку.

Стремительный удар батальона от Севска на Дмитриев сразу свел к нулю весь успех красных накануне и совершенно расстроил их фронт на этом участке. Решительность наступления и дружная, полная порыва работа артиллерии и пехоты сразу же приводят к захвату инициативы в наши руки. Энергия в использовании достигнутых успехов дает блестящие результаты. Безостановочное движение к Дмитриеву создает угрозу прижать действующих в районе деревень Быковка — Арбузово красных к Свапе и принуждает их к поспешному отступлению в полном беспорядке без попыток оказать сопротивление. Удар тараном вдоль большой дороги обеспечивал быстроту и энергию развития наступления и позволил сделать батальону 54 версты, но зато оставил нетронутым ряд групп красных южнее дороги. Потеря связи и созданная паника побуждает все эти группы поспешно отойти на север.

Маневр батальона развивался вне всякой связи с остальными частями дивизии. 2-й [Дроздовский] полк только вечером получил приказание перейти в наступление с целью содействовать удару от Севска, но позднее время и неизвестность о таком направлении действий 1-го [Дроздовского] полка побуждают командира его заночевать на старой линии Петровское — Переступино. Батальон из дивизионного резерва достиг Верхнего Песочного и остановился здесь на ночевку.

На участке Самурского полка день прошел спокойно. Появление батальона полковника Туркула у Дмитриева совершенно не ожидалось, и даже шум боя и разрывы шрапнелей над городом не раскрыли самурцам обстановку. Вызванный ударом на Дмитриев отход красных перед фронтом полка совпал с атакой, предпринятой

последним уже в сумерках, и был объяснен ее результатом. Ночь Самурский полк провел в неведении о занятии города Дмитриева, а 1-й батальон 1-го полка — без связи с частями дивизии. У Севска было спокойно. Днем передовые части красной конницы появились к югу от Севска у деревень Прилепы — Лобки и рассеяли здесь небольшой обоз, идущий к 1-му полку. Благодаря бою 1-го батальона у Доброводья и Пробожьего Поля эти части оказались оторванными от своих главных сил и ночью поспешно очистили занятый район.

Итак, за день обстановка на фронте дивизии резко изменилась, но штабы еще не знали о результате, достигнутом полковником Туркулом. На 20 сентября (3 октября) полкам [3-й пехотной] дивизии ставилась задача выйти на линию Дмитриев — Севск, причем предполагалось, что ее придется брать с боем.

Самурский полк с рассветом 20 сентября (3 октября) продолжает движение к Дмитриеву и на пути подбирает брошенную красными артиллерию. Скоро его конные дозоры входят в связь с охранением 1-го батальона 1-го полка. Перед последним головные части самурцев вступают в Дмитриев. С подходом 1-го батальона Самурского полка батальон полковника Туркула выступает по старой дороге обратно, на присоединение к своему полку и ночует в деревне Фатеевке. Правый отряд Самурского полка продолжает оставаться в селе Михайловке, а остальные части стягиваются к Дмитриеву, чтобы переправиться здесь через Свапу. Около 16 часов красные переходят в наступление на город со стороны Дерюгино силами около бригады пехоты, но их атаки отбиты 1-м батальоном. По сведениям от железнодорожников, севернее Дмитриева выгрузилось два эшелона латышей.

2-й [Дроздовский] полк в этот день легко отгоняет слабые наблюдательные части красных, еще задерживающиеся перед его фронтом, и продвигается вперед. Ночью 2-й и 3-й

батальоны полка соединяются в деревне Кузнецовке. 1-й батальон занимает двумя ротами Почепное, а два орудия выдвигает для обеспечения со стороны Севска. Последнее мероприятие вызывается ошибочными предположениями о действиях 1-го полка, который, по мнению командира, ушел на восток всеми силами и оставил Севск незанятым. В районе последнего происходит бой с группой из 1-й и 2-й бригад 41-й стрелковой дивизии, которая должна была принять участие в операции одновременно с наступлением с юго-востока, но опоздала и еще ничего не знала о поражении войск Саблина, наступая сейчас на Севск своими силами[1]. Пехота красных заняла деревни Княгинино и Борисово и, развернувшись на этой линии, начала наступление на Севск. Скоро против нее втянулись в бой все роты 2-го батальона. Левее полосу местности между ручьем Марицким и рекой Сосницей наблюдали полковые команды. Энергичной контратакой на Княгинино 2-му батальону удалось отбросить красных за село, но они ответили ударом от Борисово и начали сильно теснить левофланговую роту. Одновременно обнаружилось продвижение южнее хутора Марицкого частей противника невыясненной численности.

Воспользовавшись успехом у Княгинино, командир батальона капитан [В. Г.] Харжевский ударил во фланг наступающим от Борисово и отбросил их, захватив 100 пленных и 2 пулемета. Новая попытка красных наступать от Княгинино была отбита блестящей работой взвода 7-й гаубичной батареи и слабым пехотным заслоном. Неудача у Борисово побудила противника прекратить наступление. Наша Севская группа ночует с сильным охранением, упирающимся обоими флангами в реку Сев. Красные занимают Княгинино и Борисово.

---

[1] Неизвестно, дошла ли просьба Саблина до начальника 41-й стрелковой дивизии, и поэтому утверждение, что наступление 1-й и 2-й бригад связано с действиями группы Саблина, в известной мере произвольно. Возможно, что оно было самостоятельной операцией.

В районе железной дороги Саблин вновь пытается вернуть Дмитриев и проявляет редкую энергию со своими сильно потрепанными частями. Он собирает значительную группу в районе станции Дерюгино и перед рассветом 21 сентября (4 октября) при поддержке сильных бронепоездов переходит в наступление. 1-й батальон Самурского полка вынужден оставить город. В нескольких верстах к югу он занимает позицию, останавливает дальнейшее наступление и ведет огневой бой с красными. Утром закончилась починка взорванного железнодорожного моста к северу от Льгова, и к 14 часам к самурцам подходят три наших бронепоезда. Артиллерийский огонь обеих сторон достигает большого напряжения.

Западнее Дмитриева 2-й [Дроздовский] полк наступает на фронте Хипецкое — Меловое — Поповкино и занимает эту линию без боя. Обстановка у самурцев побуждает командира полка направить резервный батальон из Кузнецовки по большой дороге к городу, а 2-му батальону приказать выделить часть сил от Хипецкого к железной дороге с целью угрожать тылу красных, ведущих бой у Дмитриева. Появление 3-го батальона на фланге противника и сила артиллерийского огня решает участь боя, и самурцы между 16-ю и 17-ю часами вновь овладевают городом. Красные отходят в район станции и села Дерюгино. На всем участке между железной дорогой и Севском красным еще не удалось восстановить управление отступающими разрозненными частями, и они исчезли из поля нашего наблюдения. У Севска день прошел спокойно. К вечеру весь 1-й [Дроздовский] полк опять собрался в городе. Красные по-прежнему занимали [линию] Княгинино — Борисово и держались пассивно.

Бой 21-го числа у Дмитриева был последней попыткой противника удержать район Дмитриева — Дерюгино. Красное командование вынуждено было перенести

район сосредоточения перебрасываемых войск значительнее севернее. Первые сведения о предполагающихся переброскаx противника поступили по занятии Дмитриева от железнодорожников. Они сообщили, что им было приказано приготовиться к принятию эшелонов с войсками на станциях Дмитриев и Дерюгино. Прибытие первых эшелонов ожидалось со дня на день. Железнодорожники говорили, что эшелоны должны быть с латышами, и число их будто бы девять. Эти сведения получили косвенное подтверждение из разных источников, но в последующие дни новые части на фронте не появлялись, и им перестали в дивизии придавать значение. Значительно позже в наши руки попали разные документы, доказывающие, что действительно первоначальным планом красных было сосредоточение ударной группы в районе Дмитриева.

21 сентября (4 октября) [3-я] дивизия окончательно утвердилась на линии Дмитриев — Севск. В дальнейшем ей указывалось наступать в общем направлении на город Карачев и ставилось очередной задачей выйти на линию реки Нерусы.

Правее наступала Корниловская бригада, находясь все время уступом вперед. Ее правый полк имел правый фланг приблизительно на меридиане города Малоархангельска, а левый — седлал железную дорогу. Этот полк наступал при поддержке мощных бронепоездов. 3-й Корниловский полк наступал западнее, [ближе] к верховьям реки Оки, приблизительно по линии Становое — Ольховатка — Сабуровка — Богородицкое. 2-й [Корниловский] полк двигался по шоссе Курск — Фатеж — Кромы. В полку насчитывалось до 1800 штыков[51] и с ним действовали две легкие батареи, семь тракторных английских пятидюймовых пушек, четыре английских шестидюймовых гаубицы и три автоброневика. 18 сентября (1 октября) [Корниловская] бригада достигла станции Глазуновки.

2-й полк находился в этот день у села Малахово и имел уступ назад влево у деревень Высокое — [Падубичи]. Между 2-м Корниловским и Самурским полками все время оставался большой прорыв, который временами только сокращался верст до двадцати: связь даже разъездами устанавливалась в виде исключения. Между прочим такое соприкосновение произошло с корниловцами от Высокого и самурцами от Михайловки.

Левее дивизии 5-й кавалерийский корпус после занятия Глухова уклонился к северо-западу. 17-го числа 1-я кавалерийская дивизия вела бой непосредственно у Глухова с наступающей от Ямполя бригадой пехоты, которая едва было не овладела городом. Коннице удалось разбить красную пехоту и занять 18-го числа Ямполь. После этого 1-я кавалерийская дивизия, оставив правофланговые части у Ямполя для прикрытия себя с севера, устремилась на запад к реке Десне. В ближайшие дни она овладевает местечком Воронеж, Шосткинским пороховым заводом[52] и подходит к переправам через Десну у Пироговки и села Лужники. 2-я кавалерийская дивизия выходит на Десну ниже, от села Лужники до Сосницы. В дальнейшем у 1-й кавалерийской дивизии развивается борьба с перешедшим в наступление противником: на правом фланге в районе Ямполь — хутор Горелый и на левом — со значительными силами, наступающими от города Новгород-Северский, в районе местечко Воронеж — Лужники. На последнем направлении находились главные силы дивизии. Вновь установленной разграничительной линией между 1-м армейским и 5-м кавалерийским корпусами город Севск отходил в участок последнего.

22 сентября (5 октября) [3-я пехотная] дивизия продолжает наступать с целью выйти на линию реки Нерусы. Противник оказывает слабое сопротивление, более сильное только в районе железной дороги. Его пехотные части

проявляют малую устойчивость. В связи с новой разграничительной линией с 5-м кавалерийским корпусом 1-му [Дроздовскому] полку приказано выступить из Севска, не дожидаясь подхода к нему частей кавалерии, и наступать к Нерусе в район железной дороги. Самурский полк вышел на линию Михайловка — Пальцево — Киленино — Дерюгино. Противник занимал села Пальцево — Киленино — Дерюгино и очистил их при первых выстрелах нашей артиллерии. 2-й [Дроздовский] полк, выделив один батальон в дивизионный резерв в Дмитриеве, остальными [силами] вышел на линию Бычки — Евдокимовка. Его правофланговый батальон с боем занял станцию Дерюгино, а затем овладел деревней Бычки, выбив из нее 367-й полк и Коммунистический батальон особого назначения, причем захватил несколько десятков пленных. Левофланговый батальон занял Евдокимовку без боя.

Вследствие трудных условий связи 1-й [Дроздовский] полк не получил своевременно приказ на 22 сентября (5 октября) и оставался в Севске. Временно командующий полком полковник [А. К.] Фридман сдал по болезни командование полковнику Туркулу. Не имея общей задачи, командир полка решает разбить находящегося перед фронтом противника и тем развязать себе руки в дальнейшем. Красные продолжали занимать позиции на линии деревень Княгинино — Борисово. Предоставляя отдых только что вернувшемуся из похода в Дмитриев 1-му батальону, полковник Туркул приказывает 2-му батальону разбить действующую перед полком группу противника, для чего оставить небольшой заслон в сторону Новоямского и Княгинино, главными силами наступать в район деревень Коростовка, Борисово, Бересток. После чего двинуться на северо-восток с целью выйти в тыл красным у Княгинино.

В свою очередь красные в этот день переходят с запада в наступление против наших войск в районе Севска.

Пассивность нашей конницы на путях к северу от Глухова позволяет красным тоже ограничиться заслонами в этом направлении и выделить незначительную часть сил 57-й стрелковой дивизии для атаки Севска. Занятие нами последнего сильно беспокоило местное командование противника, так как наступление от него на северо-запад и запад легко выводило на коммуникации 57-й стрелковой дивизии и угрожало отбросить ее в дремучие и малопроходимые брянские леса. Неудачная атака 20 сентября (2 октября) слабыми силами двух бригад 41-й стрелковой дивизии побуждает теперь назначить уже значительно большие силы. Назначенные для операции полки 57-й стрелковой дивизии сосредоточиваются к вечеру 21-го к западу от села Орля и утром 22-го выступают к Севску.

На рассвете 22 сентября (5 октября) 2-й батальон выступает из города, проходит севернее хутора Марицкого и с боем выбивает красных из деревень Борисово и Бересток, после чего направляется в село Княгинино. Местность способствует скрытному продвижению, и батальон совершенно внезапно для противника появляется в тылу, чем вызывает панику в его рядах. Красные в полном беспорядке бросаются долиной реки Сев к деревне Чемлыж, а частью переправляются вплавь и вброд к Новоямскому. Батальон энергично их преследует и захватывает 300 пленных и 6 пулеметов. После преследования батальон собирается у Княгинино и становится на привал, чтобы дать отдых людям после боя и 20-верстного марша.

Между тем обнаруживается движение частей 57-й стрелковой дивизии со стороны села Орля. Утром в штаб [1-го Дроздовского] полка поступают сведения от прибежавших крестьян о том, что к Рейтаровке двигаются большие силы красных. Перед полуднем сторожевые части из хутора Марицкого доносят, что у Коростовки снова появилась пехота противника, а немного погодя

у хутора завязывается жаркая перестрелка. Конные дозоры подтверждают появление у Рейтаровки красной пехоты и почти одновременно из Марицкого, у которого уже шел тяжелый для наших слабых частей бой, доносят, что противник обходит с юга и направляется прямо к городу. В связи с этими донесениями командир [1-го Дроздовского] полка приказывает 1-му батальону отбросить противника, наступающего южнее Марицкого. Встреча с передовыми частями красных происходит в лесках южнее хутора и на линии его восточной окраины. Атака головной роты сразу же опрокидывает их, и рота с полной энергией преследует отходящих. Красные, увлекая за собой резервы, поспешно отступают на Рейтаровку и не пытаются удержаться в ней. Севернее нее рота, прошедшая через южную окраину Марицкого, встречает упорное сопротивление в балках западнее хутора. Здесь только ценою больших потерь и при доблестной поддержке взвода гаубиц, работающих все время в сфере ружейного огня, роте удается постепенно оттеснять противника. В этом месте пленными устанавливается присутствие двух полков 2-й бригады 57-й стрелковой дивизии. Красная артиллерия поддерживает свои части сильным огнем, направленным главным образом на бугры восточнее Рейтаровки. Здесь разрывом шрапнели легко ранен в руку полковник Туркул, который продолжает руководить боем.

Красные выдвигают к Рейтаровке свежие силы и начинают разворачивание южнее реки Сосницы и деревни Ивачева. С наших позиций наблюдались густые стрелковые цепи, постепенно удлиняющие свой правый фланг и, наконец, занявшие все пространство от Сосницы до леса южнее. За цепями виднелись сильные поддержки. Тем временем у Марицкого продолжался упорный бой. Причем замечался подход к противнику поддержек от деревни Коростовки. Севернее стрелковые цепи красных появились на большой дороге из местечка Средние Буды.

Наблюдение ясно указывало, что противник готовится нанести главный удар с юго-запада, вдоль реки Сосницы. Его артиллерия поддерживала сильный огонь из района деревень Ивачева и Быки и очень метко пристрелялась к занимаемым нами позициям. Со стороны противника действовало в этом направлении не менее шести орудий. Большие силы и методичность их разворачивания заставляли весьма считаться с намерениями противника. Начало его наступления можно было ожидать каждую минуту. Из штаба [1-го Дроздовского] полка сообщили, что 2-й батальон уже находится на марше от Княгинино и командир полка приказал ему поспешить с подходом в город.

Перед сумерками массы противника двинулись вперед. Непрерывные цепи в несколько рядов покрыли все пространство между рекой Сосницей и Липницким лесом. Артиллерия открыла напряженный огонь по нашим позициям на открытых буграх. Бой достиг большого напряжения. Благодаря исключительно доблестной работе 1-й батареи полковника [Н. В.] Чеснокова, развившей огонь редкой интенсивности, наступление красных было отбито, и они отошли в исходное положение. Почти сейчас же после отхода от деревни Быки появились новые группы пехоты и, двигаясь по дорогам к хуторам Облецово и Турово, скрылись в Липницком лесу. Это движение указывало на намерение противника развить охват Севска с юга. Полковник Туркул приказал офицерской роте[53] занять мосты через Сосницу, а 2-му батальону быть в готовности поддержать ее. На правом фланге к сумеркам красные вновь появились у Княгинино. С наступлением темноты бой прекратился и огонь затих. Командир полка оставил сильное охранение у мостов через Сосницу, на дороге в Рейтаровку, в хутор Марицкий и на дорогах в Борисово, Княгинино и Новоямское, а остальные части отвел в город и расположил их по квартирам.

Днем, во время боя, Севск посетил начальник [3-й пехотной] дивизии [генерал Витковский], прибывший из Дмитриева на автомобиле. Он ориентировал находившегося в штабе полковника Фридмана о том, что Севск отошел в участок 5-го кавалерийского корпуса и полку приказано наступать к Нерусе и считал необходимым возможно скорее соприкоснуться с левым флангом 2-го [Дроздовского] полка, чтобы фронт [3-й пехотной] дивизии принял более сомкнутый характер. Генерал Витковский остался весьма недоволен, что полк ввязался в упорный бой у Севска и высказал свой взгляд, что задача разбить действующую здесь группу противника ложится на конницу и не должна сдерживать дивизию в выполнении своих задач. На доклад о необходимости добиться решения в развившемся сражении и важном значении исхода его для дивизии генерал Витковский согласился с неизбежностью закончить бой, но высказал настоятельное желание, чтобы [1-й] полк возможно скорее примкнул к левому флангу 2-го. Начальник дивизии уехал обратно в Дмитриев.

Ночью главные силы полка сосредоточились в городе. Сторожевое охранение огибало дугою Севск и упиралось обоими флангами в реку Сев. Правый фланг полка находился восточнее дороги в Новоямское, центр — в хуторе Марицком и левый — у мостов через Сосницу. Таким образом, полк занимал небольшой плацдарм на западном берегу реки, протекавшей здесь в болотистых берегах. Детальная разведка установила, что бродов на этом участке реки нет, мост у хутора Юрасов починить невозможно, а мост у мужского монастыря слегка поврежден, но для переправы пригоден. Мосты у Новоямского и у Липницы не могли приниматься в расчет, так как пути к ним находились под ударами. Полк занимал весьма невыгодное положение для оборонительного боя, слишком малое пространство затрудняло маневрирование, а недо-

статочность сил не позволяла надеяться на оборону всех участков. Отход же под натиском противника грозил катастрофой или как минимум громадными потерями. Боем в течение дня была установлена наличность у противника больших сил, причем части 57-й стрелковой дивизии обнаружили достаточную боеспособность. Против наступательного боя говорили те обстоятельства, что части красных находились поблизости перед нашими позициями почти на протяжении всей дуги и удар потребовал бы выделения значительной части сил для своего обеспечения. Словом, численное превосходство противника, невозможность произвести наступательный маневр всеми силами полка и опасность их разделения, или попросту стесненное исходное положение для маневра, внушали опасения. Кроме того, наступательные бои требовали бы задержки в районе Севска на несколько дней.

Ознакомившись от полковника Фридмана с указаниями начальника дивизии, полковник Туркул только перед рассветом принял решение оставить Севск и приказал начать отход через мост у монастыря. 1-му батальону было приказано прикрыть переправу всех прочих частей полка. 2-му батальону начать отход первым и следовать в Лужники, откуда войти в связь с левым флангом 2-го [Дроздовского] полка. За 2-м батальоном направлялись полковые команды и 3-й батальон[1]. Мост подготовлялся к уничтожению. Главные силы [1-го Дроздовского] полка направлялись через Гапоново в Пробожье Поле, а сильная конная застава непосредственно от переправы была выслана в Доброводье с задачей вести разведку и наблюдать за переправами у Севска и Сенного. Эти распоряжения исходили из решения полковника Тур-

[1] За время стоянки в Севске, путем выделения из каждой роты взвода, были сформированы из 1-го батальона две новых роты и из 2-го — одна. Эти три роты послужили основой вновь формируемого 3-го батальона и были общей численностью около 250 штыков.

кула во исполнения требования начальника дивизии обеспечить левый фланг 2-го [Дроздовского] полка частью сил, а главными — прикрыть направления на Дмитриев и в случае наступления противника дать ему бой не в столь стесненных обстоятельствах, как под Севском.

Сворачивание частей происходило спокойно. С рассветом местность оказалась окутанной густым туманом, и наши передвижения скрывались от наблюдения красных. Весь полк перешел мост и, разделившись на две колонны, направился на Пробожье Поле и Лужники. В это время у южной окраины Севска вспыхнула сильная ружейная стрельба, показавшая, что красные атакуют уже пустой город. Обе колонны без задержки в пути прибыли в пункты назначения и расположились по квартирам. Разведка в сторону Севска не обнаруживала попыток красных переправляться через реку ни в этот день, ни в последующие. Продолжительная пассивность группы красных, занявшей Севск, доказывает, что она преследовала только местные цели обеспечения войск, действующих в районе Средних Буд, и не имела более широких задач.

23 сентября (6 октября), в день отхода 1-го [Дроздовского] полка из Севска, наступление на остальном участке [3-й пехотной] дивизии развивалось. Противник нигде не оказывал сколько-нибудь серьезного сопротивления, и его слабые пехотные части легко выбивались нами из занятых им деревень. Самурский полк к вечеру вышел на линию Разветье — Лубашево — Черновка. 2-й [Дроздовский] полк — Неварь — Хлебтово — Литиж. Его передовые части заняли хутор Владимировский и деревню Кузнецовку. Красные отходили и взорвали большой железнодорожный мост через реку Усожу. В штаб [3-й пехотной] дивизии поступили сведения, что противник отдал приказ об отводе своих частей за Нерусу. Заметно ослабевшее сопротивление его частей на фронте подтверждало эти сведения. Начальник дивизии [генерал Витковский] приказал всем

полкам энергично преследовать отступающих красных и 24 сентября (7 октября) выйти на линию реки Нерусы.

24-го числа Самурский полк продолжает наступление. Он движется в двух группах: правая в составе шести рот и левая — пяти. Одна рота и полковые команды составляют резерв. Боковой отряд правой группы легко выбивает красных из хутора Авилова, деревни Хальзево и уже в темноте занимает деревню Игнатьево. Красные отступают перед ничтожными силами отряда, несмотря на наличие у них превосходных сил и артиллерии. Левофланговые части корниловцев находятся где-то совсем близко, и одно время отряд даже принял их за отступающие правее цепи красных. Главные силы группы двигались через Лобаново и остановились в селе Харланово. Левая группа полка с боем овладевает деревней Амонь, а затем селом Боброво, где останавливается на ночевку. Две роты ведут преследование отступающих красных и вечером подходят к городу Дмитровску[1]. Их появление вызывает панику, и противник очищает город, который занимается ротами. В городе в наши руки попали несколько сот перепившихся красноармейцев.

На участке 2-го [Дроздовского] полка противник сам переходит в наступление в районе железной дороги, и бой длится почти весь день. Со стороны красных действовала пехота, поддерживаемая сильными бронепоездами.

Доставка приказа из штаба 1-й бригады, который перешел в Дмитриев, в 1-й [Дроздовский] полк опять требует продолжительного срока, и он получается с опозданием. Полк должен одним батальоном выйти к Нерусе, в район деревни Бабинец, а остальными силами обеспечивать пути от Севска, располагаясь от Пробожьего Поля и хутора Ступино. Командир полка приказал

[1] У местных жителей Дмитровск называется Митровск, а Дмитриев — Митрослав.

2-му батальону наступать в район Бабинца, 1-му батальону оставаться у Пробожьего Поля и обеспечивать направление на Дмитриев, а сам с 3-м батальоном и полковыми командами двинулся в район Ступино.

В силу запоздания приказа 2-й батальон выступил из Лужников только около полудня. С подходом его к Ступино выясняется, что правее идет бой. В сторону железной дороги слышится оживленный огонь, не вяжущийся с ориентировкой об отходе противника за Нерусу. Командир батальона выехал вдоль большой дороги на бугор и увидел отход левофланговых рот 2-го [Дроздовского] полка под натиском пехоты красных. В это время скрыто расположенная на опушке лесков конница садится на коней и двигается закрытыми от 2-го полка подступками в охват его левого фланга. Капитан [В. Г.] Харжевский быстро подтягивает к бугру батальон и выжидает удобного момента для начала действий. Красная конница, не предполагая противника в сторону Ступино, двигалась в сомкнутом порядке и скоро подставляет 2-му батальону свой фланг. Внезапный беглый огонь артиллерии рассеивает ее колонны и обращает их в паническое бегство. Красная пехота прекращает наступление против 2-го полка и начинает постепенно отходить под прикрытием огня своей батареи, направленного в сторону Ступино. Наступающий вечер побуждает командира [1-го] полка, прибывшего с 3-м батальоном и командами, отдать приказ о расположении на ночевку. 2-й батальон стал по квартирам в хуторе Ступино и Северных Прудках, а 3-й и команды — в селах Избичня и Березовец.

25 сентября (8 октября) наступление к Нерусе продолжилось, и полки выполняют ранее поставленные задачи. Правая группа Самурского полка с боем занимала село Кошелево, а затем села Лубянки и Брусовец. Красная пехота почти не оказывает сопротивления, и весь бой ведется артиллерией. Левая группа сосредоточивается

в Дмитровске и занимает деревню Бычки. У последней добровольно сдаются около 200 человек 60-го советского полка. Окрестное население крайне недовольно советской властью. По селам и лесам скрывается масса дезертиров, которые выходят при нашем появлении. Крестьяне оказывают нам всяческое содействие[54]. Правофланговый батальон 2-го [Дроздовского] полка наступает от деревни Неварь и села Хлебтово и без боя занимает деревню Поповку, другой же батальон опять сталкивается с красными севернее села Литиж и ведет бой до тех пор, пока выход 1-го [Дроздовского] полка в тыл красным вынуждает их поспешно отступить. Тогда батальон двигается вперед, проходит село Упорой и уже глубокой ночью занимает деревню Домаху.

Полковник Туркул со 2-м и 3-м батальонами и полковыми командами утром выступает из хутора Ступино и через деревню Козинки двигается на Бочарово. Местность благоприятствует скрытому движению, и колонна, не обнаруженная красными, выходит в район деревни Голынь, где разворачивается для атаки станции Комаричи. На станции находятся эшелоны. Южнее слышен бой 2-го [Дроздовского] полка и огонь красных бронепоездов. Командир полка приказывает конным подрывникам взорвать пути севернее станции. Появление наших частей и начало боя вызывает панику на станции, и с нее начинают отправлять эшелоны полным ходом на север, несмотря на взрывы, произведенные нашими подрывниками. Происходит сильное крушение, окончательно загромоздившее пути.

Огонь у Комаричей привлекает сюда бронепоезда красных с фронта. Мощная артиллерия их и отчаянная работа команд надолго задерживают взятие станции. Под прикрытием ожесточенного артиллерийского огня противник поспешно собирает у Комаричей кое-какие резервные части, высаживает под огнем из эшелона конницу и производит

несколько энергичных контратак. 2-й батальон наступает от деревни Голынь, здесь же заняла позицию наша артиллерия. 3-й батальон двинулся через Бочарово и наступал под прикрытием лесков. Открытая местность между Голынью и станцией чрезвычайно затрудняла продвижение 2-го батальона. Страшный огонь бронепоездов буквально сметал все открыто появляющееся. В районе расположения нашей артиллерии временами создавался прямо ад от разрывов снарядов. Красным удается накопить у Комаричей значительные силы, и бой принимал все более тяжелый характер. Моментами создавались чрезвычайно острые положения. Доблестная работа артиллерии и упорство пехоты позволяли выходить из них. Наши шесть орудий не могли справиться с мощной артиллерией бронепоездов. Постепенно дух красной пехоты был подорван, но ураганный огонь бронепоездов помогал ей удерживаться. До вечера окраина деревни Голынь засыпается прямо градом снарядов. К вечеру наши части все теснее облегали станцию. 3-й батальон ворвался на южную окраину станционного поселка и с трудом отбил контратаку красных. Во время атаки он понес большие потери от картечного огня бронепоезда. В числе павших был начавший атаку командир роты — доблестный поручик Рябоконь. Только в сумерках сопротивление красных было окончательно сломлено, и наши части заняли станцию и поселок. На станции оставались три частью горящих бронепоезда с 16 орудиями, около 200 груженых вагонов, 5 паровозов и прочая добыча. На ночь части полка расположились в станционном поселке и селе Бочарово.

В результате столкновений 25 сентября (8 октября) противник очистил южный берег Нерусы и отошел за нее. На участке от Дмитровска до железной дороги Неруса протекает в болотистых берегах и не имеет бродов. Мостовые переправы, за исключением двух хороших у Дмитровска и села Радогошь, находились в скверном

состоянии — мосты на них были ненадежные, и через болотистые низины тянулись узкие и ухабистые гати. Противник при отступлении в большей или меньшей степени повредил мосты, а Радогошский вовсе сжег. Только мост у Дмитровска был захвачен Самурским полком целым. Неруса представляла серьезное естественное препятствие на пути [3-й] дивизии. Непосредственно подступающие к реке на северных берегах леса обеспечивали красным закрытый тыл: маскировали их позиции, но не препятствовали артиллерийской обороне.

26 сентября (9 октября) части [3-й пехотной] дивизии разведывали реку и имели задачей захватить, если окажется возможным, переправы. Правая группа Самурского полка расположилась главными силами в деревне Кошелево и оставила в деревнях Брусовец и Лубянки заставы. Вечером красные потеснили заставу из Лубянок, но положение было легко восстановлено поддержками. Левая группа оставалась в деревне Бычки и Дмитровске. Ее передовые части находились на северном берегу реки и обеспечивали мост. 2-й [Дроздовский] полк выдвинул передовые части от деревень Поповки и Домахи к переправе севернее деревни Талдыкиной, а также у деревень Ворониной и Черневой и установил, что весь противоположный берег занят противником.

1-й [Дроздовский] полк выслал один батальон от Комаричей с задачей овладеть переправой через Нерусу в районе Радогоши — железная дорога. Батальон через экономию Лопандино прошел в Радогошь и убедился в невозможности воспользоваться сожженным дотла мостом. Противоположный берег был сильно занят противником, который препятствовал ружейным и пулеметным огнем нашим разведчикам приближаться к берегу. Оставив в селе сильную заставу, колонна направилась вдоль реки в сторону железнодорожного моста. Здесь противник тоже главными силами отошел за реку, но соорудил

на южном берегу небольшое предмостное укрепление с проволочными заграждениями и занимал его маленьким гарнизоном с большим числом пулеметов. Батальон скрытно подошел с неожиданной для красных стороны. Передовая рота внезапно для них появилась из леса на фланге укрепления и стремительной атакой овладела им, захватив 40 пленных и 6 пулеметов. Использовать успех и захватить мост не удалось, так как противоположный берег оказался сильно занятым. Оставив заставы в деревнях Бабинец и Туличево, батальон отошел в деревню Кокино.

На 27 сентября (10 октября) [3-й пехотной] дивизии [было] приказано форсировать Нерусу и продолжать наступление на путях к Карачеву и Брянску. К этому времени Корниловская бригада правее продолжала успешно продвигаться на путях к Орлу, тесня перед собой потрепанные части 9-й советской стрелковой дивизии. 26 сентября (9 октября) ее левофланговые части вышли на линию сел Никольское — Гостомля. На правом фланге бригады, восточнее железной дороги, 1-й Корниловский полк разбил 27-го числа в районе села Грязного четыре полка вновь появившейся 55-й советской стрелковой дивизии, захватил несколько тысяч пленных и одну батарею. По железной дороге наш бронепоезд доходил до станции Еропкино.

Левее [3-й пехотной] дивизии с конницей образовался колоссальный прорыв, достигавший 70 верст. В то время, когда полоса для 5-го кавалерийского корпуса была сдвинута вправо и в нее вошел Севск, главные силы 1-й кавалерийской дивизии были связаны упорной борьбой на путях к Новгород-Северску в районе станции Шостка и местечка Воронеж. Для движения на север понадобилась перегруппировка и замена частей 1-го кавалерийской дивизии частями 2-й. На это уходило время. От Новгород-Северского наступали значительные

силы 46-й советской стрелковой дивизии и против них пришлось оставить со 2-й кавалерийской дивизией еще одну бригаду 1-й. Две другие бригады двинулись на север и к 27 сентября (10 октября) вышли в район станции Михайловский хутор.

На участке [3-й пехотной] дивизии особенно трудной представлялась задача форсирования Нерусы в районе железной дороги. Здесь противник всегда проявлял большую устойчивость и организованность, а теперь еще и естественные условия складывались [для него] исключительно благоприятно. Ввиду этого 1-му [Дроздовскому] полку указывалось, оставив часть сил на своем участке, прочими перейти реку на участке Дмитровск — Радогошь с целью движения на Брасово, обойти противника, обороняющего реку, и вынудить его к отступлению. На запрос 2-го [Дроздовского] полка об имеющихся на его участке переправах было сообщено, что переправ нет вообще. В этот день вернулся из командировки командир 1-го полка полковник [В. А.] Руммель и вступил в командование.

27 сентября (10 октября) правая группа Самурского полка получила приказ о наступлении поздно и только к вечеру подошла в Брусовец. В это время красные вытеснили из деревни Лубянки нашу заставу и заняли село. Огнем артиллерии и контратакой положение было восстановлено. Со стороны противника действовал 62-й полк. Ввиду наступления ночи дальнейшее движение было отложено. Левая группа наступала от Дмитровска и с боем вытеснила противника из деревни Абратеево, в которой заночевали ее передовые части. Главные силы остановились в деревне Дудинки.

2-й [Дроздовский] полк одним батальоном овладел переправой севернее деревни Талдыкиной. Другой батальон неудачно пытался переправиться у деревни Вороженой, а затем двинулся к деревне Черневой. Здесь

артиллерийским огнем удается сбить противника и овладеть мостом, после чего батальон переходит реку. Продвигаясь в северо-восточном направлении, батальоны входят в связь между собой и через некоторое время встречаются с противником в лесу. После боя красные были отброшены, и к вечеру части полка заняли деревню Рублино.

Командир 1-го [Дроздовского] полка поручает пассивную задачу молодому и малочисленному батальону и сменяет на участке Радогошь — Бабинец 2-й батальон 3-м. Команда пеших разведчиков была выслана в деревню Аркино. Смена закончилась только вечером, и батальон немедленно выступил. Ввиду ориентировки 2-го [Дроздовского] полка об отсутствии переправ на его участке решено было переправиться у Дмитровска. Марш батальона происходил под проливным дождем. Ночью пришлось переправляться по полуразрушенному мосту, через небольшую речку, западнее деревни Талдыкиной. Тяжелая переправа отняла около семи часов. Артиллерия и обозы преодолели ее с громадными усилиями. Пушки и повозки застревали в непролазной грязи и их приходилось вытягивать на руках. Только на рассвете батальон двинулся дальше. В Талдыкиной командир батальона получил сведения, что переправы через Нерусу севернее деревни заняты накануне 2-м [Дроздовским] полком. Известия о скверном состоянии ее побудили капитана [В. Г.] Харжевского предпочесть сделать лишний крюк, лишь бы избежать новых затруднений на размокших гатях и полуразрушенных мостах, и он продолжал движение на Дмитровск.

На северном направлении противник все это время держался пассивно, и на правом берегу реки Сев только изредка появлялись его слабые разъезды. В штаб [3-й пехотной] дивизии поступили сведения, будто бы красные оставили город. 1-му батальону 1-го полка было приказано 27 сентября (10 октября) произвести усиленную раз-

ведку и выяснить достоверность этих слухов. Батальон выступил из Пробожьего Поля и через деревню Гапоново вышел на возвышенности восточного берега реки. Сейчас же колонна была обстреляна артиллерийским огнем из города. Установив наличность в Севске противника с артиллерией, батальон вернулся обратно.

26 сентября (9 октября) в Дмитриев прибыл 1-й конный генерала Алексеева полк, который направлялся из состава 1-й пехотной дивизии в 5-й кавалерийский корпус. 27-го числа этот полк начал выдвигаться на путях от Дмитриева к Севску и должен был принять на себя обеспечение этого направления. На следующий день 1-й батальон 1-го [Дроздовского] полка освободился с выходом вперед него конницы и был направлен на север.

Итак, к вечеру 27 сентября (10 октября) [3-я пехотная] дивизия овладела переправами от Дмитровска до Радогоши и продвинулась верст на десять к северу. Для скрытия переправ в районе железной дороги организовывался маневр со стороны Дмитровска. Очередное естественное препятствие падало, и пути для дальнейшего наступления освобождались. Правее дивизии Корниловская бригада заняла город Кромы, левее развивалась операция 5-го кавалерийского корпуса против войсковой группы противника, освобождавшая связанные на этом направлении силы [3-й пехотной] дивизии.

Переход красных в наступление и встречные бои севернее города Дмитровска

Когда сосредоточение ударной группы противника в районе Дмитриева было сорвано быстрым выдвижением 1-го армейского корпуса и в частности Дроздовской дивизии, красное командование переносит его в район Карачева.

Эшелоны Латышской дивизии уже находились в пути с северного участка Западного советского фронта и направлялись через Смоленск и Брянск. В 20-х числах сентября происходит высадка Латышской дивизии, [Отдельной] стрелковой бригады Павлова и [Отдельной Червонно-казачьей] бригады Примакова, и эти войска походным порядком направляются в исходное положение. Состояние транспорта затягивало переброску, и Эстонская дивизия только начинала прибывать в намеченный ей район северо-восточнее Карачева. Энергичное продвижение 1-го армейского корпуса вызывало [у красных] опасение. Чтобы операция не была сорвана, решено было перейти в наступление до окончания полного сосредоточения наличными силами.

К этому времени группировка сторон представлялась в следующем виде: перед фронтом 1-го армейского и 5-го кавалерийского корпусов действовали 13-я и 14-я советские армии. 13-я армия была развернута от верховьев Дона восточнее железной дороги Касторная — Елец до города Кромы включительно. В ее состав входи-

ли 42-я, 3-я, 55-я[I], 9-я стрелковые и Эстонская дивизии общей численностью 16 000 штыков при 126 орудиях[II]. 14-я армия — от Кром (исключительно) — до Новгород-Северского. Ее 7-я, 41-я, 57-я, 46-я стрелковые дивизии, Особая стрелковая и 14-я кавалерийская (бывшая Кубанская) бригады, а также Латышская дивизия, [Отдельная] стрелковая бригада Павлова и [Отдельная Червонно-казачья] бригада Примакова насчитывали в своем составе 24 000 штыков и 4900 сабель. Помимо этих войск непосредственное участие в предстоящих операциях должен был принять Корпус Буденного силою в 6000 сабель при 26 орудиях[55], для содействия которому во взятии Воронежа назначались 12-я и 16-я стрелковые дивизии 8-й армии.

Таким образом, общая численность войск, сосредоточенных красным командованием для операции на главном направлении, превосходила 55 000 штыков и сабель[III, 56].

Главный удар, как уже было сказано, готовился по активной части Добровольческой армии — 1-му армейскому корпусу. Общий план операции сводился к удару группой, сосредоточенной у Карачева (без Эстонской дивизии, которая еще не закончила сосредоточения) в юго-

---

[I] 55-я стрелковая дивизия в советских источниках не упоминается, но она была установлена боями на участке Корниловской бригады и совершенно разгромлена в двух боях у села Грязного и станции Золотарево (по другим данным — села Золотаревка. — *Р. Г.*), причем попал в плен начальник дивизии (речь идет о начальнике штаба дивизии, временно исполнявшим должность начдива, бывшем генерал-майоре А. В. Станкевиче, 13 (26) октября взятом в плен 1-м батальоном 1-го Корниловского ударного полка и повешенном по приговору суда; подробнее см.: Материалы для истории Корниловского ударного полка / отв. сост. М. Н. Левитов; сост., науч. ред., предисл. и коммент. Р. Г. Гаткуева. М., 2015. С. 289—290, 417—418, 421. — *Р. Г.*). По-видимому, дивизия была в дальнейшем расформирована (расформирована в середине октября 1919 г. — *Р. Г.*), и советские источники о ней не упоминают.

[II] По-видимому, здесь не учтена 55-я стрелковая дивизия.

[III] Есть основания предполагать, что советские источники несколько преуменьшают свои силы.

восточном направлении, с целью атаковать во фланг наши войска, наступающие к Орлу, и выйти на линию железной дороги на участке между Малоархангельском и Фатежом[57]. Конный корпус Буденного должен был овладеть Воронежем, а затем действовать в направлении на Курск по тылам белых войск, ведущих бой фронтом на север в Елецком, Новосильском и Орловском направлениях. Атака обеих ударных групп должна была быть поддержана энергичным наступлением всех войск 13-й, 14-й и правого фланга 8-й армий. Наиболее рельефно группировка советских войск выражалось сосредоточением на фронте Орел — станция Михайловский Хутор — свыше 30 000 штыков и сабель и под Воронежем — 10 000.

К последним числам сентября линия фронта на участке 1-го армейского и 5-го кавалерийского корпуса в общих чертах представлялась в следующем виде. 1-я пехотная дивизия имела Марковскую бригаду на Елецком направлении: ее правый фланг находился в районе железной дороги Касторная — Елец, а левый — у города Ливны. Алексеевская бригада имела правый фланг у Ливен, а левый — на путях к Новосилю. Корниловская бригада действовала на Орловском направлении. Линия фронта корниловцев тянулась от железной дороги в 30 верстах севернее станции Касторная, шла по реке Олым, огибала Ливны с северо-востока и севера, проходила несколько южнее местечка Русский Брод, далее через станцию Еропкино, Кромы, несколько севернее Дмитровска и кончалась на реке Нерусе у железной дороги Льгов — Брянск. Далее был сплошной разрыв с 5-м кавалерийским корпусом. Его левофланговые части двинулись против группы красных, действующей у Севска, со стороны станции Михайловский Хутор. Главные силы корпуса были связаны упорной борьбой на путях от Глухова и Кролевца к Новгород-Северскому. Левый фланг [Корниловской бригады] находился у Великого Устья.

В моем распоряжении не имеется данных для учета с нашей стороны всех сил 1-го армейского и 5-го кавалерийского корпуса, но силы, развернутые на фронте Орел — станция Михайловский Хутор, могут быть определены со сравнительно незначительной ошибкой. Здесь действовали Корниловская бригада, 3-я пехотная дивизия и две бригады 1-й кавалерийской дивизии. Корниловская бригада имела правый фланг восточнее железной дороги на линии село Грязное — станция Золотарево, а левый — в районе города Кромы[1].

3-я пехотная дивизия действовала на участке села Лубянки на большой дороге из Дмитровска в Кромы, до станции Комаричи и обеспечивала частью сил направление от Севска. Две бригады 1-й кавалерийской дивизии, как уже было сказано, действовали юго-западнее Севска.

Боевой состав 3-й пехотной дивизии выражался в следующих цифрах:

— 1-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк (три батальона) — около 1900 штыков.

— 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк (три батальона) — около 900 штыков.

— Самурский пехотный полк (три батальона) — около 900 штыков.

Всего в дивизии — около 3700 штыков или 5000 бойцов[58].

Боевой состав Корниловской бригады:

— 1-й генерала Корнилова ударный полк — 1500 штыков.

— 2-й генерала Корнилова ударный полк — 1800 штыков.

— 3-й генерала Корнилова ударный полк — 800 штыков.

Всего в бригаде — около 4100 штыков[59].

Две бригады 1-й кавалерийской дивизии насчитывали около 1500 сабель. Следовательно, с нашей стороны

---

[1] Определенно советскими обозревателями наших сил в районе Орел — Кромы. Т. е., следовательно, Корниловская бригада имела 12 000 штыков и 4500 сабель, что преувеличено свыше всякой меры. Это просто фантазия.

против свыше 30 000 штыков и сабель красных действовало около 9000[I, 60].

Если же считать всех бойцов, т. е. пулеметных номеров, конных разведчиков и разные команды вспомогательного назначения, то наши войска не превосходили 15 000–16 000. Но эту цифру нельзя сопоставлять с приведенными данными о противнике, так как советские источники дают сведения только о числе штыков и сабель. Во всяком случае, красные имели тройное численное превосходство и даже, вероятнее, несколько большее.

В огневых средствах сопоставлять силы трудно, так как [для этого] нет достаточных данных. По пулеметам наши части, по-видимому, были богаче, в пропорциональном численности отношении. Так как будто бы ощущалось на полях сражений.

Наша артиллерия состояла:

В Корниловской бригаде: тяжелая — пятидюймовых пушек 7, шестидюймовых гаубицы 4; легкая — пять-шесть батарей или 20—24 орудия.

В 3-й пехотной дивизии: легкая — пять с половиной батарей (22 орудия); гаубичная — полторы батареи (6 гаубиц).

В бригаде 1-й кавалерийской дивизии — три конных батареи (12 орудий).

Всего 54—56 легких орудий, 6 легких гаубиц и 11 тяжелых орудий и гаубиц[61].

Противник располагал на этом же участке фронта от 130 до 140 орудий.

Для пополнения и подкрепления войск в предстоящей борьбе армейских резервов у нас не было. В первых коренных полках проводились формирования 3-го Марковского и 3-го Дроздовского полков, а также дивизиона

---

[1] Даже если принять во внимание, что как раз в последние дни сентября Корниловская бригада значительно пополнилась постановкой в строй части пленных из состава 55-й советской дивизии и то наши силы не превосходили 10 000 человек.

иркутских гусар[I]. Кроме того, наши корпуса располагали своими запасными частями небольшой численности[62].

В первых числах сентября Корниловская, Марковская и Алексеевская бригады были переименованы в дивизии, а 3-я пехотная дивизия — в Дроздовскую.

Более детально группировка противника на участке Орел — Михайловский Хутор представлялась в следующем виде: на Орловском направлении действовала 9-я стрелковая дивизия, имевшая свой правый фланг в районе Кром; к северу от Дмитровска находилась 7-я стрелковая дивизия; на железной дороге, в районе станции Брасово, действовала группа Саблина[II], в составе 3-й и 4-й бригад 41-й стрелковой дивизии, Особой бригады[III] и 14-й кавалерийской бригады; в районе Севск — Михайловский Хутор находилась группа начальника 41-й стрелковой дивизии в составе 1-й и 2-й бригад дивизии и всей 57-й стрелковой дивизии; в районе Новгород-Северского действовала 46-я стрелковая дивизия, имевшая свой правый фланг на правом берегу Десны, против местечка Короча. Все перечисленные части, за исключением 9-й стрелковой дивизии, входили в состав 14-й советской армии.

Латышская дивизия, [Отдельная] стрелковая бригада Павлова и [Отдельная Червонно-казачья] бригада Примакова по высадке в районе Карачева располагались в деревнях юго-восточнее города, а Эстонская дивизия — северо-восточнее. Все эти вновь перебрасываемые части имели в своем составе около 10 000 штыков и 2500 сабель.

[I] 3-й Марковский полк — в Курске, 3-й Дроздовский полк — в Белополье, дивизион иркутских гусар — в Судже.

[II] Относительно группы Саблина не имеется достаточно точных данных. По одним она состояла из перечисленных частей, по другим в нее еще входила 7-я стрелковая дивизия. По-видимому, последняя версия более вероятна.

[III] Особая стрелковая бригада была передана в группу Саблина из армейского резерва перед переходом в наступление.

Прежде чем переходить к описанию упорной борьбы, продолжавшейся почти полтора месяца, необходимо еще раз остановиться на таком важном вопросе, как те трудные условия, в которых находилось управление, вследствие медленной и ненадежной связи с войсками.

Район действий — Севский, Дмитровский и Кромский уезды Орловской губернии и Дмитриевский уезд Курской, отличался крайне слабо развитой телеграфной проволочной сетью и почти полным отсутствием телефонной. Во всей громадной местности от Кром до Севска, помимо железнодорожного телеграфа, имелись столбовые линии у Дмитриева через села Михайловку и Гостомля в Кромы и от Севска через село Лугань на Борисово. Эти линии могли быть в большей или меньшей мере использованы для организации связи в глубину и являлись скелетом связи [3-й пехотной] дивизии на протяжении всего периода генерального сражения, за исключением, конечно, линии от Севска, как оставшейся за флангом. Гораздо меньшее значение по своему направлению имела линия Севск — Дмитровск — Кромы. Она только отчасти использовалась для разветвления связи и связи по фронту. Помимо этих государственных линий имелось еще самое ничтожное число частных телеграфных линий, являвшихся ответвлениями в богатые экономии. Из них можно указать идущую из Дмитриева в деревню Фатеевку и со станции Комаричи в экономию Лопандино. Все линии, за исключением железнодорожной, находились в полуразрушенном состоянии. Во многих местах отсутствовала проволока и даже столбы. В частности, ответвление из Дмитриева на Фатеевку было почти полностью уничтожено. Железнодорожная телеграфная сеть больше всего пострадала в период боев и подверглась порче как с одной, так и с другой стороны, но на восстановление ее немедленно обращалось внимание как войсками, так и железнодорожным персоналом.

Недостаток личных средств связи предъявлял повышенные требования к войскам. Разброска малочисленных войск по громадному пространству еще больше повышала требования и в то же время делала невыполнимыми даже простые приказания. Личный состав и материальная часть полковых команд связи исключали возможность быстрой прокладки полевых проволочных линий на значительные расстояния. Все силы их уходили на восстановление уже имеющихся столбовых линий, и никогда не удавалось связывать штабы полков с батальонами, оперирующими вне местной сети. Постоянная подвижность частей приводила к тому, что организовывалась только внутренняя связь в квартирном расположении батальонов. Малочисленные бригадные команды связи всецело были заняты восстановлением и наблюдением за работой столбовых линий в тылу. Средствами дивизионной инженерной роты удалось восстановить сильно пострадавшую линию Дмитриев — село Михайловка и сделать ответвление от нее в важном направлении на Дмитровск до села Лобаново, где был установлен головной телеграфный аппарат. Это ответвление было в дальнейшем остовом связи 2-й бригады, и от станции в Лобаново тянулись полевые телефонные линии полков к их штабам.

Итак, для правильной организации связи в условиях непомерно больших пространств потребовалось бы непропорционально большая перегрузка войск командами связи, и все равно быстрая подвижность фронтовых частей не позволила бы им вовремя выполнять необходимые большие работы. На участке [Дроздовской] дивизии проволочная связь представляла из себя только грубый скелет, дополняемый конной связью. Были нередки случаи, когда передача приказания или порученное донесение от батальонов требовало целых суток, и даже связь высших штабов с полками порывалась на несколько дней. Если столь крупные дефекты сильно чувствовались при наступательных операциях, когда сплошь и рядом задачи частям давались по ру-

бежам на несколько дней и события протекали более планомерно, то они должны были особенно сказаться в период борьбы за инициативу, во встречных боях, когда от управления требовалась скорая осведомленность в обстановке на фронте, учет намерений противника, быстрая организация контрманевров и использование достигнутых результатов. Управление имело возможность только в общих грубых чертах руководить событиями, и поэтому многое, что было бы непростительными ошибками и недочетами в нормальных условиях связи, не может быть поставлено в вину в исключительных условиях данного случая.

Нужно отметить, что несравненно большая насыщенность фронта у красных облегчала им организацию связи. Нами неоднократно устанавливалось, что они имели возможность тянуть на десятки верст телеграфные и телефонные линии за своими наступающими войсками, что являлось *совершенно немыслимым* для нас.

Стремительное движение наших войск к Орлу побудило красное командование начать операцию до полного сосредоточения всех намеченных в составе ударной группы войск, и 26 сентября (9 октября) командующий Южным советским фронтом [А. И. Егоров] отдает директиву за № 10726/оп. следующего содержания:

1. Латышская дивизия, [Отдельная] стрелковая бригада Павлова и [Отдельная Червонно-казачья] бригада Примакова подчиняются командующему 13-й армией. Из перечисленных частей составить ударную группу под командованием начальника Латышской дивизии [А. А.] Мартусевича, которую к вечеру 27 сентября (10 октября) развернуть на линии Турищево — Молодовое, с целью решительного наступления в юго-восточном направлении для удара по железной дороге Орел — Курск на ее участке между Фатежом и Малоархангельском.

2. Командующему 14-й армией, продолжая на правом фланге выполнять прежнюю задачу (оборона Десны), ле-

вым флангом, усилив его армейским резервом (бригада), ликвидировать противника, наступающего в районе Дмитриев — Комаричи и нанести решительный удар на Дмитриев с целью овладеть последним, держа связь с ударной группой Мартусевича.

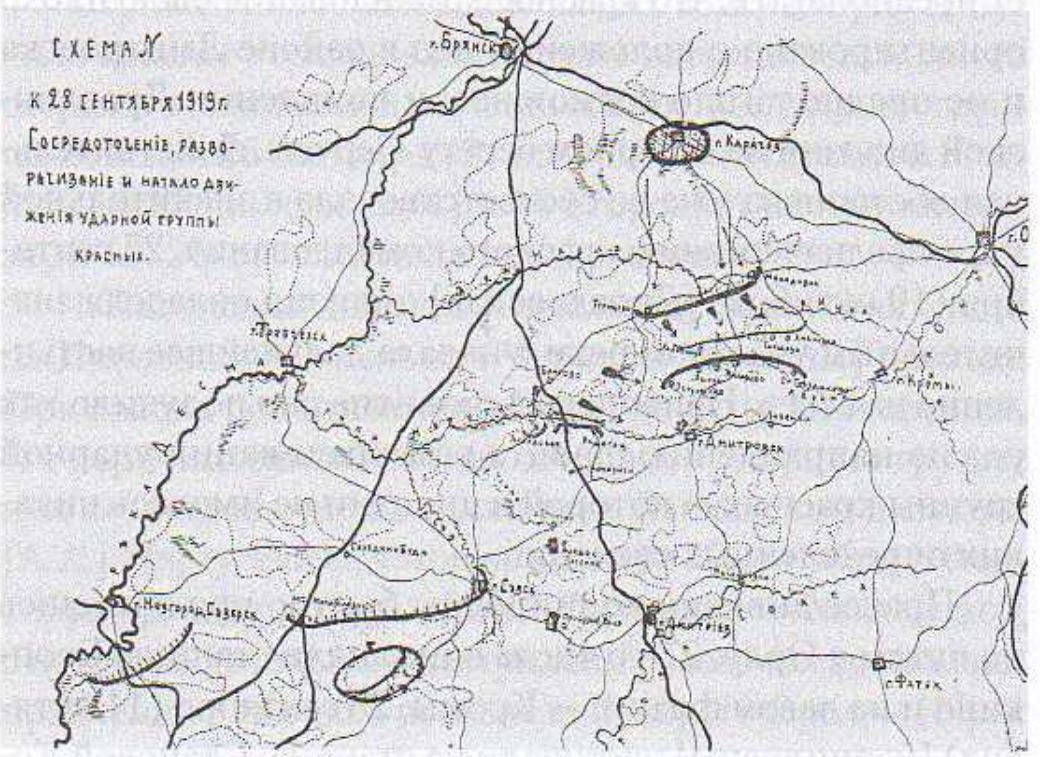
3. Резерв фронта — Эстонская дивизия и полк вохра — в район сосредоточения.

Таким образом, главный удар направлялся на Корниловскую дивизию в Орловском районе и имел целью уничтожение ее совместной атакой с фронта правым флангом 13-й армии и с фланга превосходными силами ударной группы, причем последним был указан пункт устремления на коммуникациях корниловцев. Обеспечение главного удара со стороны Дроздовской дивизии было возложено на левый фланг 14-й армии, усиленный армейским резервом. Направление действий ударной группы, а также задача, данная 14-й армии, заставляет предполагать, что красное командование было плохо ориентировано о положении дел в районе Дмитровска и не предполагало возможности появления Дроздовской дивизии на северном берегу Нерусы. Действительная обстановка уже не соответствовала в значительной мере предначертанию красного командования. 27 сентября (10 октября) [Дроздовская] дивизия овладела значительным участком реки и начала дальнейшее наступление на север. Наибольшее развитие оно получило как раз по направлению фронта разворачивания ударной группы красных, о которой в дивизии не имелось никаких определенных сведений.

Правее дивизии корниловцы быстро продвигались по путям к Орлу. 27-го числа они заняли станцию Еропкино и на левом фланге — Кромы; 28 сентября (11 октября) [корниловцы] наступали на станцию Становой Колодезь; 29-го вышли на линию Богородицкое — станция Стишь — Лаврово верстах в пятнадцати к югу от Орла.

На участке [Дроздовской] дивизии 27 сентября (10 октября) Самурский и 2-й полки теснили перед собой части 7-й советской стрелковой дивизии 3-й бригады 41-й стрелковой дивизии и вышли на линию Лубянки — Дудинки — Рублино. 1-й [Дроздовский] полк готовил операцию для овладения средним течением Нерусы обходным движением со стороны Дмитровска.

27-го же числа красные закончили свое сосредоточение. Группа Мартусевича развернулась на указанной ей линии Турищево — Молодовое. В нее входило десять стрелковых и два конных (по некоторым сведениям, один) полка Латышской дивизии, [Отдельной] стрелковой бригады Павлова и [Отдельной Червонно-казачьей] бригады Примакова общей численностью 6000—7000 штыков и 2500 сабель. На левом участке 13-й армии 7-я стрелковая дивизия прикрывала разворачивание ударной группы, а группа Саблина сосредото-



Сосредоточение, разворачивание и начало движения ударной группы красных к 28 сентября (11 октября) 1919 г.
Карта составлена П. М. Трофимовым

чивалась в районе станции Брасово, имея передовые части к востоку у деревни Островское Городище и обеспечивая частью сил течение Нерусы от Радогоши до Неруских Дворов, владея переправой у последних. В ее состав входило три стрелковых и одна кавалерийская бригада общей численностью в 2000—3000 штыков и около 800 сабель[1].

28 сентября (11 октября) красные войска переходят в наступление. Группа Мартусевича двигается по указанному ей направлению на юго-восток на железную дорогу Орел — Курск. Переход через Нерусу Дроздовской дивизии и продвижение ее на север от Дмитровска побуждает Саблина направить главную массу своей пехоты для атаки во фланг наступающих, а остальными силами он начинает обход противника, наблюдающего течение реки в районе железной дороги, через переправу у Неруских Дворов. Для выполнения первой задачи он направляет 3-ю бригаду вдоль северного берега Нерусы на Дмитровск. Для выполнения второй задачи назначается кавалерийская бригада, поддержанная частями пехоты. Эта группа действует в направлении станции Комаричи.

В день 28-го числа войска обеих групп только тронулись с исходного положения. 28 сентября (11 октября) наступление с нашей стороны продолжалось. Самурский и 2-й [Дроздовский] полки по-прежнему теснили противника и с боем вышли на линию станций Гнездилово — Рыжково — Жихарево — Лысые — Островское. Передовые части их достигли деревень Мелихово, Сосково, Работьково. Полковые команды обоих полков и 2-й батальон 1-го подошли в Дмитровск. 3-й батальон 1-го [Дроздовского] полка наблюдал течение Нерусы у Радогоши, Туличево, Бабинца и Аркино. Полковые команды располагались на станции Комаричи. 1-й ба-

[1] Как уже упоминалось, имелись весьма вероятные предположения, что 7-я стрелковая дивизия также входила в группу Саблина.

тальон, освобожденный подходом 1-го конного полка на направление Дмитриев — Севск, был направлен в район Ступино и заночевал в деревне Почин Алешок. Теперь на него ложилась задача обеспечения ближайшего тыла [Дроздовской] дивизии со стороны Севска. Дивизионный резерв — 3-й батальон 2-го [Дроздовского] полка — оставался в Дмитриеве. Штаб 1-й бригады также находился в Дмитриеве, а штаб [Дроздовской дивизии] — на станции Льгов. В район Дмитровска был выслан командир 2-й бригады полковник Звягин с поручением объединить командование собранными здесь войсками.

В районе Дмитровска находилось около 2000 штыков (три батальона Самурского полка, два — 2-го [Дроздовского] полка и один — 1-го); около 300 штыков обеспечивало течение Нерусы у железной дороги; около 900 штыков прикрывало Севское направление и около 250 — находилось в дивизионном резерве. Наша Дмитровская группа состояла собственно только из приблизительно 1500 штыков Самурского и 2-го [Дроздовского] полков, так как 2-й батальон 1-го [Дроздовского] полка имел самостоятельную задачу и направлялся на Брасово, но обстановка связала их действия, и поэтому они могут рассматриваться в ближайшие дни как одна группа. Направление нашего удара на северном берегу Нерусы неизбежно приводило к встречному бою с главными силами ударной группы Саблина, т. е. должно было произойти столкновение 2000 штыков с 7000—9000 штыков и 2500 сабель.

29 сентября (12 октября) севернее Дмитровска завязываются встречные бои. На участке правой группы Самурского полка с раннего утра красные переходят в наступление, вытесняют передовые части из села Мелихово и приближаются к станции Гнездилово. Главные силы группы перешли в контратаку и отбросили красных к селу Мелихово, у которого завязался упорный бой. Пехота противника стойко держится и неоднократно пе-

реходит в контратаки. Село несколько раз переходит из рук в руки. Наконец самурцам удается сломить красных и вынудить их отступать на деревню Хмелевую. Наши пехотные цепи уже вышли на гребни над этой деревней. В это время внезапно последовала атака кавалерии с левого фланга. Две роты были почти полностью уничтожены и кавалерия грозила отрезать пути отступления всему отряду. Картечный огонь 3-й батареи вынудил конницу отхлынуть обратно. Группе приходится отступать под непрекращающимся нажимом противника. Во время боя выяснено, что со стороны красных действуют латышские части. К ночи группа останавливается у села Ново-Гнездилово. Левая группа полка (пять рот) целый день ведет упорный бой с наступающим противником и только к вечеру была несколько оттеснена к югу, к деревне Печки. В этих боях сразу бросается в глаза необыкновенное упорство и стойкость красных.

Правофланговый батальон 2-го [Дроздовского] полка без боя наступал от Лысого, последовательно занял деревни Работьково и Кучеряевка и нигде не обнаруживал перед собой противника. Надо полагать, что отсутствие здесь значительных дорог и местность, пересеченная многими мелкими притоками верховьев реки Навли, побудили красных оставить этот участок без внимания.

Левофланговый батальон рано утром был атакован в селе Островском с севера и запада и был вынужден оставить село. На буграх восточнее ему удается остановиться и задержать противника. Через некоторое время к его левому флангу подходит 2-й батальон 1-го [Дроздовского] полка. Наши части переходят в контратаку и быстро выбивают красных из Островского, причем батальон 2-го полка захватывает в плен роту 369-го стрелкового полка в полном составе. Развивая одержанный успех, батальон безостановочно наступает в северном направлении и, тесня перед собой противника, к вечеру

занимает деревню Суслово. Батальон 1-го [Дроздовского] полка наступает на запад, овладевает селом <нрзб> и на линии трактовой дороги к западу от него сталкивается с большими силами красных. Обе стороны упорно стремятся удержать инициативу в своих руках, и бой носит весьма напряженный, встречный характер. Густые стрелковые цепи противника неоднократно предпринимали атаки, но каждый раз отражались нашим огнем и контратаками. На всем участке кипел непрерывный, напряженный ружейный и пулеметный огонь. Меткая стрельба 7-й гаубичной батареи значительно облегчила наше положение. Со стороны красных обнаружилось большое превосходство сил, но батальон прочно удерживал к ночи все занятые им позиции. Ночью, оставив на линии боя сторожевое охранение, батальон оттянулся в деревню Любенская. Противник ночевал на линии деревень Городище — Ярошня — Хрипково.

Другая колонна группы Саблина — Особая бригада двигалась южнее по лесистому пространству северного берега Нерусы в сторону Дмитровска. Это движение не было обнаружено и оставалось для нас совершенно неизвестным. На южном берегу [Нерусы] батальон 1-го [Дроздовского] полка по-прежнему охранял участок реки у железной дороги от села Радогошь до Аркино. Западнее от переправы, у Неруских Дворов обозначилось выдвижение противника. Здесь красные начали распространяться на юг и юго-восток от села Загрядского. 1-й батальон 1-го [Дроздовского] полка перешел из деревни Почин Алешок в хутор Ступино и продолжал наблюдать Севское направление и пути по обоим берегам реки Усожи.

В первый день встречных боев перевес сил красных еще не успел достаточно определенно выявиться, и энергичное сопротивление наших частей в значительной мере парализовало его. Отсутствие участковых резервов дол-

жно было очень скоро сказаться в предстоящей борьбе и увеличивало для нас значение каждого частного неуспеха.

Уже в ночь на 30 сентября (13 октября) противнику удается проникнуть в тыл правофланговой группе [Дроздовской] дивизии. Колонна Особой стрелковой бригады, наступавшая от станции Брасово вдоль Нерусы, подошла к Дмитровску, легко сбила непосредственное охранение квартировавших в нем незначительных частей и ворвалась в город. В городе находились всего лишь полковые команды 2-го [Дроздовского] и пулеметная Самурского полков. Разбуженные внезапной тревогой, они открыли наскоро собравшимися группами огонь вдоль улиц и тем задержали распространение противника. Скоро, кое-как наладив между собою связь, команды стали собираться на церковной площади. Захваченными в стычках пленными было установлено наличие в городе 2-го революционного Московского полка и Особого батальона. Придя в порядок, команды перешли в наступление и после уличного боя выбили красных из города, причем нанесли им значительные потери на мосту, где захватили один пулемет. К утру весь город был окончательно очищен от одиночных людей противника и была восстановлена связь с тылом и фронтом. Утром к Дмитровску подошли высланные ночью из Лубянок Самурским полком офицерская рота и команда пеших разведчиков с одним орудием. Выяснив, что положение восстановлено, отряд вернулся обратно.

В Дмитровске наступило успокоение, как вдруг в штаб 2-го [Дроздовского] полка прибежал крестьянин и сообщил, что красные заняли Талдыкинскую переправу и их разъезд уже вошел в деревню Алёшенка. Командир полка приказал офицерской роте и команде пеших разведчиков со взводом пулеметов восстановить положение и занять переправу. Отряд поспешно выступил на-

встречу противнику. При подходе к Талдыкиной выяснилось, что она уже занята пехотой красных. На буграх за деревней, по эту сторону переправы, показалась голова пехотной колонны с развернутыми красными знаменами. Отряд стремительно атаковал Талдыкину и полностью захватил в плен занявших ее красных в составе двух рот численностью в 150 штыков. Воодушевленные успехом своей блестящей атаки, команда и рота безостановочно бросились на голову красной колонны. Оказалось, что появление наших частей было полной неожиданностью для противника, имевшего сведения о занятии им Дмитровска. Момент, внезапность и энергия атаки отдали успех в руки отряда. Переправившиеся части красных снимались и начали поспешно отходить к полуразрушенному мосту, по которому продолжалась переправа подтягивавшихся частей. У моста и на гати через болото создалась толпа, сама себе загородившая дорогу. Под нашим огнем красноармейцы в сумбурном порядке переправляются по набросанным доскам, завязают в болоте, сталкивают друг друга в воду и несут большие потери. Отдельные группы их поворачивают в нашу сторону и сдаются. Наконец, красным удалось добраться до противоположного берега, и они открыли оттуда ружейный огонь. Получив донесение о результатах боя, командир [2-го Дроздовского] полка приказал отряду занять заставами переправу у деревень Талдыкиной, Ворониной и Черневой, что было выполнено к 19 часам. Бой команд 2-го [Дроздовского] полка в Дмитровске и на Талдыкиной переправе ликвидировал угрозу, созданную Особой стрелковой бригадой тылу наших войск, сражавшихся севернее, и избавил их от весьма тяжелого положения.

С рассветом 30 сентября (13 октября) бой на фронте возобновился. Красные продолжали сильно нажимать на участке Самурского полка. На правом фланге у села Ново-Гнездилово наши части получили некоторую пе-

редышку. Левее шел тяжелый бой у деревни Печки. Левая группа упорно держалась и только к вечеру была оттеснена к деревне Абратеево.

На участке 2-го [Дроздовского] полка у деревень Кучеряевка и Суслово утром было тихо. Правофланговый батальон выслал часть сил вправо на деревню Лапки и начал наступление на село Водоцкое, которое занял без сопротивления со стороны противника. У Лапок завязался бой. Занимавшие деревню две роты красных были выбиты, но скоро к ним подошел 1-й конный Латышский полк, и они начали теснить занявшую деревню Лапки роту. Рота в очень тяжелых условиях отошла к деревне Кучеряевке, куда оттянулся весь батальон. До вечера у деревни шел бой с наступающим противником, в результате которого батальон был вынужден отступить. Он отходит на село Бородино, все время отбиваясь от наседающей конницы. Левофланговый батальон утром получил в Суслово извещение от командира батальона 1-го [Дроздовского] полка о прорыве красных на Дмитровск и о решении его повернуть назад, на город. В силу этих сведений батальон начал отходить на Бородино, где соединился с другим батальоном своего полка. Всю ночь у села происходили стычки с противником.

Утром 2-й батальон 1-го [Дроздовского] полка намеревался атаковать противника и продолжать наступление на Брасово, но прибытие разъезда, доложившего, что ночью красные заняли Дмитровск, побуждает командира батальона отменить приказ и решить повернуть назад с целью очистить прежде всего свой тыл. В соседнюю часть 2-го [Дроздовского] полка была послана ориентировка о положении. Роты собрались с квартир и готовились к выступлению, но в это время красные перешли в наступление с фронта, весьма энергично атаковали сторожевое охранение и сбили его. Противник быстро приближался к Любенской, и обстановка вынуждала принять бой. Встречной

атакой батальон опрокинул наступающих, овладел своей вчерашней позицией и преследовал часть сил в сторону деревни Городище. В это время поступило новое донесение, что у Дмитровска положение восстановлено.

Около 10 часов противник снова перешел в наступление от деревень Хрипково и Фошки и повел повторные настойчивые атаки. Замечалось, что силы и артиллерия у него возросли. Батальон с напряжением всех сил удерживал занятые позиции. Упорный бой шел до 17 часов. После этого напряжение стало ослабевать, красные же не предпринимали новых атак и только поддерживали огонь, а местами даже несколько отошли. С нашей стороны в артиллерии и пехоте были на исходе патроны, связь с тылом не восстановлена как следует, весь резерв введен в бой, роты сильно поредели от потерь, а командир батальона капитан Харжевский тяжело ранен в голову. Вечером наблюдался подход к противнику свежих частей в район деревни Хрипково, о них имелись сведения как о латышах. С другой стороны, поступили донесения разъездов о новом появлении красной пехоты в тылу, в лесах на дороге из деревни Рублино в Дмитровск. Обстановка побуждала отойти, и батальон в сумерках начинает отступать, что удается сделать без помех со стороны неприятеля. Таким образом, в течение дня наши части на северном берегу Нерусы были оттеснены с упорными боями на линию Гнездилово — Абратеево — Бородино — Рублино. На всем этом участке ощущалось большое численное превосходство противника.

После неудачной попытки красных переправиться у деревни Талдыкиной вся линия реки Нерусы от Дмитровска до железной дороги включительно занималась нами. Противник наблюдался на северном берегу против всех переправ. В районе железной дороги было спокойно, но западнее, еще накануне, наметилось стремление противника наступать со стороны Неруских Дворов. Ничтожные частные резервы участка не могли ликвидировать угрозу

красных отсюда и эта задача была возложена на батальон 1-го [Дроздовского] полка, стоявший в Ступино. Батальон утром выступил через Бочарово, подошел к Быхово, где встретился с наступающей конницей противника и перешел в контрнаступление двумя группами: одной — на станцию Шарово и другой — на деревню Зиновкино. Красные оказывали упорное сопротивление. После продолжительного боя наши роты овладели обоими селами и разделили противника на две группы. Конные части из района села Шарово отошли в западном направлении, а от деревни Зиновкино пехота начала отступать к переправе. Весь батальон преследовал [противника] в последнем направлении и к вечеру занял село Загрядское. Красные отошли на саму переправу, которая состояла из анфилады пяти мостов. На ночь батальон оттянулся в деревню Зиновкино и получил приказание вернуться на следующий день на Севское направление, в район хутора Ступино.

Уже 30 сентября (12 октября) перевес противника севернее города Дмитровска вполне определился. Наши части в двухдневных упорных боях с превосходным противником понесли тяжелые потери, и сила их сопротивляемости значительно ослабла. С утра 1 (14) октября красные продолжали наступать и теснили наши батальоны. Особенно энергичным нажим был на правом фланге Самурского полка. Здесь еще ночью латыши заняли деревни Бородинку и Волчьи Ямы. Утром они охватили наше расположение у деревни Ново-Гнездилово и с трудом удалось вывести из деревни артиллерию и обоз. Южнее Гнездилово батальон занял позицию и завязал бой, но обход кавалерии справа вынудил на дальнейшее отступление под натиском противника. У деревни Лубянки батальон снова попытался задержаться, но неудачно. Латыши наступали сплошными густыми цепями и при каждой попытке остановиться захлестывали оба фланга. Силы наступающих определялись приблизительно

в тысячу штыков. Правая группа к ночи отошла в деревню Кузьминку, оставив одну роту в селе Игнатьевка. Левая группа полка также вынуждена отступать под сильным напором и к вечеру отходит на линию Дмитровска.

Два батальона 2-го полка утром были атакованы в селе Бородино и вынуждены отходить. Они целый день постепенно осаживали с боем в лесистой местности и к вечеру прибыли в город Дмитровск. 2-й батальон 1-го полка после неудачи обходного движения на Брасово отступал обратно и утром выступил из деревни Рублина в Дмитровск. Противник в этом районе до его выступления не появлялся. После нескольких часов отдыха в городе батальон продолжал марш на станцию Комаричи. Западнее железной дороги противник активности не проявлял, и 1-й батальон выступил из деревни Зиновкиной в хутор Ступино, куда прибыл вечером.

1 (14) октября дивизия была оттеснена за реку Нерусу и готовилась к обороне этого рубежа. Полкам было приказано:

Самурскому — удерживать линию Кошелево — Бычки — город Дмитровск.

2-му полку — оборонять течение реки Нерусы от города Дмитровска до села Радогоща (оба пункта исключить).

1-му полку — частью сил оборонять Нерусу на участке от села Радогоща до железной дороги (включить), а частью обеспечивать Севское направление.

2 (15) октября Самурский полк занял правой группой село Кошелево. 2-й полк еще ночью выступил из города Дмитровска и стал одним батальоном в деревне Поповке (южнее), а другим в деревне Домахи. Передовые части находились в деревне Алёшенке (южнее), Талдыкиной, Ворониной и Черневой. 2-й батальон 1-го полка стал в деревнях Голынь и Бочарово западнее от станции Комаричи.

Во встречных боях определилось наступление наступавшей красной ударной группы, значительность ее сил. В эти же дни события на фронте и данные из разных ис-

точников вполне раскрыли нашим штабам силы и намерения противника.

С отходом дивизии за реку Нерусу закончился первый этап в развитии генерального сражения. Громадное превосходство красных отдало успех в их руки, но этого они достигли не без больших усилий. Советский обозреватель дал следующую характеристику периоду: «До (1) 14 октября[1] наступление это вылилось в ряд упорных встречных боев... Противник упорно боролся за инициативу и старался выйти на фланг ударной группы»[63]. Если вспомнить приведенное соотношение сил, тот этот отзыв является лучшей аттестацией нашим войскам.

---

[1] Все даты переведены на старый стиль.

Борьба за инициативу

1
Первый период

Понесенный нами неуспех являлся только первым этапом борьбы. Обе стороны стремились удержать инициативу в своих руках, и успех колебался на участках фронта. На всем громадном участке от Ельца до Севска наши войска шли вперед и опрокидывали перед собою противника, и только в Дмитровском районе ударная группа красных теснила массой своих сил части Дроздовской дивизии, но именно борьба с ней остается фокусом последующих событий. Непосредственно восточнее Корниловская дивизия заняла 30 сентября (13 октября) город Орел и стала распространяться на север от него. Этот факт, непредвиденная красными встреча с нашими наступающими частями севернее города Дмитровска и упорство боев здесь вынудили их изменить свои первоначальные предначертания. Советский историк свидетельствует, что движенье Латышской дивизии шло очень медленно и боями у Дмитровска действий ударной группы получили большую связь с действиями 14-й армии, чем с 13-й, что побудило командующего Южным советским фронтом подчинить ее 2 (15) октября командующему 14-й армией и указать последнему, «что обстановка требует энергичных действий для ликвидации противника в районе Дмитровска и дальнейшего наступления

центральными дивизиями армии в юго-восточном направлении для обеспечения правого фланга ударной группы»[64]. Продвиженье Корниловской дивизии у Орла вызвало изменение направления ударной группы на станции Сорокино, что обусловливалось желанием скорее оказать давление на ее тыл.

Итак, здесь существенны три момента: бои с 29 сентября (12 октября) по 1 (14) октября вызвали усиленное вливание красного командования к району города Дмитровска, побудили изменить подчинение ударной группы и самое направление ее наступления.

Командующий 14-й армии[65] во исполнение поставленной ему задачи ликвидировать противника в районе города Дмитровска решил атаковать его с севера частями группы Саблина и с юго-востока со стороны Севска и начал перегруппировку на правом фланге армии с целью выделения нужных сил.

Общая обстановка на фронте 1-го армейского и 5-го кавалерийского корпусов представлялась приблизительно в следующих чертах: задержанные боями во второй половине сентября марковцы и алексеевцы к концу месяца сломили сопротивление противника и быстро продвигались к городу Ельцу, к северу от города Ливны и к городу Новосиль. В самых первых числах октября линия фронта находилась несколько южнее станции Долгорукая, проходила в 25 верстах севернее города Ливны и приближалась к городу Новосиль. Корниловцы 3-м и большей частью 1-го полков овладели 30 сентября (13 октября) городом Орлом. Правофланговый батальон 1-го полка занял станцию Золотарево к востоку и разбил в районе остатки 55-й советской стрелковой дивизии. 2-й Корниловский полк занял станцию Кромскую и Саханскую западнее Орла. На следующий день передовые части группы, занявшей город, выдвинулись на фронт Кофанова — станция Песочная. 1 (14) октября

в штаб Корниловской бригады в агентурном порядке поступили совершенно достоверные сведения о районе сосредоточения, составе, численности, маршруте наступления и задачах ударной группы красных. Эти сведения были немедленно препровождены в высшие штабы[66]. В Севском районе операция 5-го кавалерийского корпуса развивалась. Две его бригады охватывали город с запада и 3 (16) октября атаковали отходящие от Севска колонны красных, прижали их к реке Сев и захватили 8 орудий, много пулеметов и несколько сот пленных, после чего сосредоточились в городе. Остальные силы корпуса по-прежнему продолжали упорную борьбу на путях к Новгород-Северску в районе местечка Воронеж и села Лушники и действовали по течению реки Десны до Великого Устья.

Выявившиеся намерения противника в Орловском направлении вызвали ряд мер с нашей стороны. Эти меры предпринимались и непосредственно по инициативе граничащих с прорывом частей и по указанию старших штабов. Штаб Корниловской бригады предложил проект сменить полки бригады в обороне Орла, заканчивающими формирование 3-м Марковским и 3-м Дроздовским полками и всеми силами бригады атаковать красных с востока[67]. Хороший по идее план едва ли имел под собою реальную почву. Даже при оставлении Орла и постепенном осаживании к югу бригада несомненно была бы вынуждена к бою гораздо раньше, чем могли прибыть перебрасываемые части. По-видимому, единственно правильным решением было бы немедленное оставление Орла, выход корниловцев из-под обхода ударной группы и постепенное осаживание, без решительных боев, до накопления достаточных сил в этом районе. Как бы то ни было наши меры оказались половинчаты [и] разрознены. Отсутствие резервов связывало руки нашему командованию. В совокупности наши меры сводились

к следующему: в районе Орла корниловцам было приказано перейти к обороне и выделить один полк для атаки ударной группы противника с северо-востока в направлении на деревню Холодовку. На станцию Дьячья перебрасывался 3-й Марковский полк из города Курска. Этот полк был слабый по составу[68]. По высадке он должен был двинуться к городу Кромы. 3-й пехотной дивизии было приказано сосредоточить на своем правом фланге возможно сильную группу и атаковать ударную группу красных с юго-запада тоже в направлении на деревню Холодовку. В ближайшие дни, когда выяснился успех 1-й кавалерийской дивизии у города Севска, одной бригаде ее было приказано следовать к городу Дмитровску. Кроме того, 3-й пехотной дивизии было указано притянуть формирующийся в городе Белополье 3-й полк к себе. Все эти мероприятия показывают, что пренебреженье и недооценка противника лежала в их основе, но высокое качество наших войск все же позволило возобновить борьбу с полной энергией[69].

На участке дивизии первые меры начинают приниматься немедленно по оттеснении правофланговых частей на линию реки Нерусы. Прежде всего на усиление правого фланга направляются новые силы. Из стоявшего в хуторе Ступино 1-го батальона 1-го полка и прибывших туда двух сформированных рот 3-го батальона того же полка был образован отряд, которому приказано за 2 (15) октября сосредоточиться в городе Дмитровске. Командование этим отрядом поручается энергичному и предприимчивому полковнику Туркулу, уже было назначенному для исполнения другой должности. Всего в состав отряда входило около 1100 штыков и 100 сабель при 18 пулеметах, 4 легких и 2 гаубичных орудиях. Утром 2 (15) октября 1-й батальон выступил их хутора Ступино по большой дороге на Дмитровск. Две прибывшие роты разгрузились на разъезде Евдокимово и поход-

ным порядком двинулись туда же. Вечером весь отряд сосредоточился в городе.

Для обеспечения левого фланга дивизии дивизионный резерв, 3-й батальон 2-го полка, был переброшен по железной дороге на тот же разъезд, а оттуда перешел в хутор Ступино.

3-й полк получил приказ начать переброску из района Ворожбы в Льгов, где он должен был поступить в резерв начальника дивизии. К этому времени в полку были сформированы два батальона и полковая команда общей численностью до 1700 штыков и 50 сабель при 36 пулеметах.

2 (15) октября проходит на участке дивизии почти совершенно спокойно. На участке Самурского полка правофланговая группа выдвинулась в село Кошелево и обеспечивала свой тыл одной ротой в деревне Игнатьевой. По сведениям от жителей, в деревне Брусавец находились около 300 всадников противника. Перед сумерками в бинокль наблюдалось движение по большой дороге Дмитровск — Кромы длинных верениц повозок, среди которых выделялись группы кавалерии. Ночью одна рота заняла деревню Брусавец и не обнаружила в ней противника. За 2 (15) октября в штаб дивизии были переданы сведения о силах и намерениях наступающего неприятеля и эта ориентировка сообщена правофланговому Самурскому полку.

Ударная группа красных, согласно директивам командующего Южным советским фронтом, повернула в этот день в новом направлении и наступала на город Кромы, прикрывшись со стороны дивизии кавалерийской бригадой Примакова, поддержанной частями латышской пехоты. Левофланговые части 14-й армии (7-я стрелковая дивизия) не то еще не успели, не то медлили заменить ударную группу в развитии действий в сторону Дмитровска.

К вечеру дивизия по-прежнему занимала фронт от села Кошелево до железнодорожного моста через реку Нерусу, имея левым флангом резервный батальон 1-го полка в деревнях Жадино и Бочарово и батальон 2-го в хуторе Ступино. Отряд полковник Туркула находился в Дмитровске. На 3 (16) октября было назначено первое наше контрнаступление против ударной группы красных. В этот день из Орла должен был выступить 2-й Корниловский полк в составе около 2000 штыков при восьми легких орудиях и четырех 6-дюймовых гаубицах и двигаться до реки Цон по шоссе, затем свернуть на Хмелевое, Себякино, Коровье Болото и Холодовку. Из Дмитровска выступал отряд полковника Туркула, которому было указано сначала наступать вдоль Карачевского тракта, а затем свернуть в общем направлении на Холодовку. Таким образом, атака намечалась двумя совершенно разобщенными между собою группами против значительно сильнейшего врага, занимавшего центральное положение.

Атака отряда полковника Туркула должна была быть поддержана наступлением всей дивизии. Только левофланговый полк ввиду положения в Севском районе оставался на месте. Самурскому полку приказано наступать правее отряда, в направлении деревень Долженково, Кирово Городище, 2-му полку — овладеть переправами на реке Нерусе между городом Дмитровском и Радогощем.

3 (16) же октября красные тоже переходят в наступление в Дмитровском районе. На город наступают левофланговые части 14-й армии с севера и северо-северо-запада. Восточнее двигается кавалерия червонной бригады, поддержанная латышской пехотой.

Утром отряд Туркула выступил из Дмитровска и в 6 верстах к северу завязал крайне упорный встречный бой. Постепенно оттесняемые красные оказывали продолжительное сопротивление в пересеченной и ле-

систой местности. Наконец, они были сломлены и отряд, преследуя атакующих, вечером занял деревню Рублину, в которой и остался на ночевку.

Самурский полк сам был атакован противником. Ночевавшая в Брусавце рота под его натиском стала отступать к селу Кошелево и по пути подвергалась атакам конницы, но отбила их и соединилась с главными силами. Конница быстро продвигалась к селу Кошелево и только непосредственно у села нашей артиллерии удалось заставить ее остановиться и укрыться в ближайших балках. Условия местности заставили очистить Кошелево и занять позицию на буграх позади. Бой принял весьма напряженный характер. У красных действовало 7 орудий против наших 4. Две их пушки фланкировали наши позиции слева. Перед вечером самурцы предприняли контратаку и к сумеркам выбили противника из Кошелево. С наступлением темноты бой затих.

2-й полк действовал на переправе. Всюду северный берег оказался сильно занятым, и попытки овладеть мостами успеха не имели. Только у деревни Черневой удалось было накопить на противоположный берег около 2 рот, но красные произвели контратаку и отбросили их обратно за реку.

Главные силы ударной группы противника наступали 3 (16) октября на восток, производя глубокий обход левого фланга Корниловской дивизии, и вечером бригада латышей заняла город Кромы. Севернее стрелковая бригада Павлова столкнулась с наступающим из Орла 2-м Корниловским полком, была сильно потрепана в районе Хмелеская — Себякино и отброшена назад.

Командующий Южным фронтом возбуждал энергию своих войск и указывал командующим армиями, что обстановка настойчиво требует энергичных и решительных ударов с целью разбить противника под Орлом, что в связи наступлением конного корпуса Буденного и 8-й армии на

город Воронеж и линию реки Дона должно дать возможность развить дальнейшее наступление для выполнения главной задачи фронта — разгрома Деникинской армии.

3 (16) октября наша кавалерия овладела городом Севском. Сейчас же 5-му кавалерийскому корпусу было приказано направить одну бригаду в город Дмитровск и передать ее в распоряжение начальника Дроздовской дивизии, а остальными силами своей правофланговой группы обеспечивать район Севска, выдвинув части на север к реке Нерусе.

Занятие красными города Кромы, все более рельефно вырисовывающиеся силы из группы и направление на правый фланг дивизии 1-й кавалерийской бригады вызывают приказ полковнику Туркулу приостановить дальнейшее наступление до подхода кавалерии. Таким образом исчезает даже внешняя видимость согласованности операции по атакам флангов активной ударной группы противника. В то же время как от Орла наши войска наступают у Дмитровска, они остановлены. Но этому факту нельзя придавать чрезмерного значения — каждая из групп недостаточно сильна для самостоятельных действий, а расстояние между ними исключало возможность их взаимодействия в этот момент. Войска с самого начала велись в бой разрозненно.

4 (17) октября произошел бой 2-го Корниловского полка со 2-й бригадой Латышской дивизии в районе деревень Коровье Болото. Полк, продолжая теснить части бригады Павлова, был атакован латышами с фланга, причем последним удалось перехватить и пути отступления. Корниловцы были вынуждены пробиваться в очень трудной и тяжелой обстановке. С большими потерями полк проложил себе дорогу и, энергично преследуемый противником, начал отходить к переправе через Оку у деревни Книбур. Поражение полка, потерявшего до 50% потерь, было тяжелой расплатой за пренебреже-

ние со стороны штабов к противнику[70]. Неудача имела громадное значение, так как значительно ослабила Корниловскую дивизию и наложила печать на все дальнейшее развитие борьбы в Орловском районе.

4 (17) октября прошло на участке дивизии сравнительно спокойно. К северу от Дмитровска разбитый накануне противник держался пассивно и только днем его артиллерия стала обстреливать с дальних дистанций расположение полковника Туркула в деревне Рублина. Крайне неудобные условия для обороны понудили перевести отряд в деревню Поповка (слева) в четырех верстах к востоку.

Западнее 1-й батальон 2-го полка без боя перешел реку у деревни Черневой. По-видимому, продвижение 3-го числа полковника Туркула у деревни Рублина понудило красных отойти от переправ. Батальон продолжал двигаться на север от переправы по лесистой дороге и вышел к хутору Жучень. Его внезапное появление вызывало поспешное бегство из хутора штабов, бросивших свою телефонную сеть и часть имущества. Батальон остановился в хуторе.

Обстановка на участке Самурского полка вызвала, как потом оказалось, беспочвенные волнения. Висящий правый фланг полк все время внушал опасения за себя и вызывал ряд мер для его обеспечения. Расположенье правофланговой группы полка в Кошелево обеспечивали отдельные роты, высланные к югу, в деревню Игнатьева и деревню Хользеева. Тяжелый бой 3-го числа, в котором противник обнаружил стремление обходить правый фланг группы, создав психологическую готовность ожидать его действий в этом направлении. Неожиданно выяснилось, что рота из Хользеева отошла неизвестно куда и поступили сведения будто бы деревня уже занята конницей красных.

Все это вызывало чрезвычайную тревогу в Самурском полку, и правая группа была отведена из деревни Кошелево в хутора. Около 10 часов пехота противника

опять стала наступать и прошла Кошелево. Наш огонь вынудил ее остановиться на буграх восточнее и завязался стационарный бой. Красная артиллерия обстреливала наши тылы и деревню Кузьминку. Волнения, пережитые в Самурском полку, передались в штабы бригады и дивизии и вызвали опасения в устойчивости участка. В связи с этим полковнику Туркулу было приказано 5-го числа продвинуться вперед и тем облегчить положение самурцев. Последним поручалось обеспечение города Дмитровска с севера, для чего их левофланговые части должны были занять деревни Поповка и Рублина, из которых уходил отряд полковника Туркула.

С другой стороны, занятие Севска кавалерией развязывало руки левом флангу дивизии и открывало ему возможность наступательных действий. Значение боев в Дмитровском районе и важность отвлечения отсюда сил противника делали это наступление весьма своевременным. 1-му [Дроздовскому] полку (без отряда полковник Туркула) при содействии одного кавалерийского полка было приказано форсировать реку Нерусу в районе железной дороги и выйти к станции Брасово.

С утра 5 (18) октября на всем фронте дивизии завязались бои. Отряд полковника Туркула выступил из Поповки (слева) и атаковал части 2-й бригады 7-й стрелковой дивизии у деревни Абратьево. Красные не выдержали стремительного натиска отряда и, оставив в его руках около 100 пленных, поспешно отступили. Полковник Туркул вел преследование и к вечеру занял деревню Жихарово.

На участке Самурского полка выяснение обстановки в тылу правого фланга вызвало задержку наступления. Утром команда пеших разведчиков заняла деревню Хользеева и установила, что противник в районе ее не появлялся. Только около полудня правая группа полка двинулась вперед. Кошелево оказалось занятым слабыми частями противника и их легко выбили из села. За селом

красные задержались на кладбище и были выбиты с большими усилиями. На буграх дальше разгорелся упорный бой. Густые цепи латышей прочно держались на своих позициях, а затем к ним подошли подкрепления и они перешли в контрнаступление. Стрелковые цепи самурцев стали постепенно осаживать, с трудом сдерживая наседающего противника. Скоро положение стало просто критическим. Красная конница охватила левый фланг и вынудила поспешно отойти фланговую роту. Латыши начали выходить в Кошелево и заняли половину села. На остальном участке их наступление пока сдерживалось, но направо обозначилось движение в охват другого фланга группы. Наибольшую угрозу создали вклиняющиеся у Кошелево густые цепи красных. Чтобы их остановить, сюда сосредоточила огонь вся артиллерия. С фланга их обстреливало орудие 3-й батареи, выдвинутое на бугры к западу от деревни Игнатьевой. С фронта стреляли остальные три орудия и одно 4-й батареи. Слева, с участка соседнего батальона, стал стрелять взвод гаубиц. Перекрестный огонь буквально разметал красных, вынудил их остановиться и прекратить здесь дальнейшие наступательные попытки. Тем временем цепи противника вынудили оставить наши позиции. Наши роты отходили энергично преследуемые. Пришлось снять выдвинутое у Игнатьево орудие.

Положение восстановила фланговая контратака 5-й роты, которая отбросила противника. Со стороны красных бой велся силами не менее бригады значительной численности. Они развернулись более чем на пять верст по фронту и покрыли это пространство густыми цепями. Успех обороны самурцев зиждился на энергичной и доблестной работе артиллерии. После отражения латышей у Кошелево, а затем у Игнатьево положение на участке группы значительно окрепло. Из штаба полка поступило приказанье занять Кошелево и связать противника в районе деревень Брусавец и Лубянки. Но вытеснить латышей

из занятой ими части Кошелево не удалось. С наступлением темноты группа оставила в занятой части села заставу и оттянулась в хутора. На левом фланге полка 1-й батальон, выступивший из города Дмитровска для занятия деревень Поповка (слева) — Рублина, столкнулся с уже успевшими занять их красными и был отброшен к городу. Красные быстро продвигались вперед, попытки батальона задержаться успеха не имели, и уже создавалась непосредственная угроза городу. Сюда был поспешно подтянут батальон 2-го полка из деревни Поповки (южнее), но противник остановился, не доходя до Дмитровска.

Западнее 1-й батальон 2-го полка оставался в хуторе Жучень. Красные на его участке занимали села Любянская и Городище и держались пассивно.

На левом фланге дивизии 1-й [Дроздовский] полк форсировал реку Нерусу. Рано утром 3-й батальон подтянулся к железнодорожному мосту, а 2-й скрытно сосредоточился против переправы у Нерусских Дворов и начал атаку мостов у последнего пункта. Переправа представляла из себя длинную дамбу, тянущуюся по болотистой местности, с анфиладой у мостов. Рукава и затоки реки по своей глубине, болотистым и вязким берегам были непроходимыми вброд. Красные устроили впереди головного моста небольшой тет-де-пон[71] и занимали его гарнизоном. На островах среди болот и рукавов реки между мостами имелись еще заготовленные укрепленные позиции, не занятые гарнизонами.

2-й батальон совершенно скрытно накопил свои роты за крайними строениями деревни Зарядская, установив на позиции артиллерию, и, внезапно обстреляв беглым огнем тет-де-пон, бросился одной ротой в колонне в атаку. Ошеломленные полной неожиданностью красные побежали. Рота на их плечах одним духом пробежала весь мост и овладела неприступным препятствием. Другая рота следовала непосредственно за головной, дабы иметь

возможность вовремя поддержать ее. Овладев мостами, батальон собрался в Неруских Дворах и продолжал наступление. Экономия великого князя Михаила Александровича оказалась незанятой противником, и бой завязался сейчас же за нею по пути к станции. Многочисленная пехота красных находила сильную поддержку в огне своих бронепоездов и упорно держалась на занятых у станции позициях. Противник неоднократно переходил в контратаки. Долгое время батальон не мог двинуться вперед с занятых им позиций по обе стороны шоссе. Наконец, подошел запоздавший к началу боя сводный полк 12-й кавалерийской дивизии и двинулся в сторону хутора Владимирского, угрожая перехватить железную дорогу севернее станции. Это движение вынудило красные бронепоезда поспешно отойти, и пехота лишилась их могущественной поддержки. 2-й батальон, пользуясь моментом, атаковал красных, сбил их с занимаемой позиции и вынудил отступать по всему фронту. Наши цепи быстро приблизились к станционным путям, на которых стояли эшелоны только что прибывшей и еще не успевшей разгрузиться пехоты. Часть красных выскакивает из вагонов в нашу сторону и сдается, другая часть сдается прямо в вагонах. Наши роты прошли станцию и двинулись на село Брасово. Навстречу им шли колонны пехоты. Оказалось, что это бывшие унтер-офицеры и офицеры собрали свои части и вели их строем и оружием сдаваться. У Брасово была разбита стрелковая Брянская бригада в составе трех полков большой численности — каждый из них насчитывал свыше 1000 штыков. Один полк располагался на станции Брасово и упорно оборонялся совместно с отступавшими с фронта другими частями. Два других полка прибыли только перед атакой и частью сдались в поездах, частью у села. 2-му батальону помимо конницы сдались свыше 100 человек.

Наступление к Брасово заставило красных очистить берег Нерусы, и 3-й батальон перешел реку по железнодорожному мосту.

В первых числах октября бои охватили весь фронт 1-го армейского корпуса. Напряжение их возрастало. Главное внимание все более приковывалось к Кромскому району. Все расширяющийся прорыв между Корниловской и Дроздовской дивизиями не позволял надеяться заполнить его 3-м Марковским полком, высаживающимся на станции Дьячья, и 5 (18) октября началась погрузка на станции Льгов 3-го Дроздовского полка для переброски в Дмитриев, откуда его предполагалось направить через село Михайловку к деревне Чернь для наступления в сторону Кром.

В свою очередь красные вводили в бой новые войска. Эстонская дивизия закончила сосредоточение северо-западнее Орла и 4 (17) октября была передана в распоряжение командующего 14-й армией для наступления на Орел. Другая новая часть — Брянская бригада, потерпела неудачу у станции Брасово. Упорное сопротивление, встреченное войсками 13-й и 14-й армий и ударной группы, побуждает главное советское командование передать в распоряжение командующего Южным фронтом 45-ю стрелковую дивизию, расположенную в районе Вязьмы. На участке 14-й армии осуществление намеченной ее командующим операции против нашей Дмитровской группы[1] со стороны Севска затягивалось успешными действиями в этом районе его 1-й кавалерийской дивизии, но направленные сюда войска позволили красным быстро организовать контрнаступление, и уже 5 (18) октября обозначилось движение противника с северо-запада вдоль реки Сев.

К ночи на 6 (19) октября Самурский полк и батальон 2-го [Дроздовского полка] занимали фронт Кошелево —

[1] Так красный обозреватель называет всю Дроздовскую дивизию.

Бычки — Дмитровск. Правый фланг обозначился уступом у деревни Хользеево. Перед всем этим участком противник находился в непосредственной близости, а у Дмитровска занимал деревню Алёшенка. Всякая связь с отрядом полковника Туркула отсутствовала, и судьба его вызывала большую тревогу в штабах. Совершенно изолированный отряд спокойно ночевал в деревне Жихарево. Среди ночи в течение нескольких часов слышалась сильная ружейная стрельба в районе деревни Лапки. Впоследствии опросом пленных удалось установить, что какая-то резервная часть Латышской дивизии, узнав о прорыве отряда в тыл и получив от местных жителей сведения о прибытии чей-то пехоты в Лапки, атаковала ее ночью. После продолжительного боя латыши захватили пленных и убедились, что сражаются со своими. 1-й батальон 2-го [Дроздовского] полка по-прежнему оставался в хуторе Жучень; 2-й батальон 1-го [Дроздовского полка] и Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии занимали район станции и села Брасово; 3-й батальон ночевал в хуторах севернее железнодорожного моста; 3-й батальон 2-го полка стоял в хуторе Ступино. Часть [3-й] кавалерийской бригады генерала [М. Е.] Оленича занимала Севск. 3-й [Дроздовский] полк находился на пути из Льгова в Дмитриев.

На 6 (19) октября Самурскому и 2-му [Дроздовскому] полкам [было] приказано перейти в наступление и искать связь с отрядом полковника Туркула. Правая группа Самурского полка на рассвете атаковала красных в Кошелево и выбила их из села. На буграх за селом противник задержался и приостановил наше наступление. У Дмитровска утром 1-й батальон самурцев начал наступление в сторону деревни Абратеево, а 2-й батальон 2-го [Дроздовского] полка — на деревню Рублино. Последний встретился с противником у деревни Алёшенка. Красные симулируют сдачу и, подпустив вплотную головной отряд, расстреливают его огнем в упор. Обозленный полк бро-

сается в атаку и после ожесточенной схватки уничтожает 1-й батальон 1-го революционного Московского полка. Продолжая наступление, он занимает деревню Рублино. Правее самурцы заняли деревню Белога.

В отряде полковника Туркула за ночь вполне выяснилось изолированное положение, что побудило искать связи со своими войсками. Желая наилучшим образом использовать свое положение, полковник Туркул решает двинуться на юго-восток с целью атаковать красных с тыла и на фронте Самурского полка. Утром отряд выступил из деревни Жихарево и направился в сторону деревни Городище. Марш в тылу противника проходил спокойно, без соприкосновения с его частями. При подходе с севера к деревне Волчьи Ямы было обнаружено движение с востока по глубокой и тесной балке кавалерийской колонны красных. Кавалерия, по-видимому, направлялась для атаки на деревню Жихарево с юга и шла без мер охранения с флангов. Отряд полковника Туркула внезапно для нее занял северные склоны балки. Огонь артиллерии и пехоты привел красных в полное замешательство. Невозможные условия местности, в которых масса конницы оказалась стесненной в узкой и глубокой балке и расстреливалась сверху сильным огнем, вынудили ее обратиться в беспорядочное бегство, бросить два орудия и почти все свои обозы. Выскочив из балки, красные собрались в несколько групп и произвели ряд отчаянных конных атак с целью вернуть потерянные пушки. Атаки были отбиты блестящей работой артиллерии и энергичным наступлением пехоты. Конница разошлась в разные стороны, оставив в наших руках богатые трофеи. Показания пленных установили, что рассеянный полк Червонно-казачьей бригады считал себя в глубоком тылу, чувствовал себя в полной безопасности и в строевой массе не имел никаких сведений о наших частях. В общем из показаний создава-

лось впечатление, что линия нашего фронта значительно отодвинулась к югу. В отряде уже назревал недостаток в огнеприпасах, которые не пополнялись с момента выступления из Дмитровска и запасы их были недостаточны для серьезного боя. Полковник Туркул решает прежде всего искать связи с частями [Дроздовской] дивизии и направляет колонну в сторону Дмитровска, на деревню Столбище. С приходом в это село установилась связь с Самурским полком и выяснилось, что отряд вышел приблизительно на линию фронта.

На участке правой группы Самурского полка бой продолжался до тех пор, пока в тылу красных не послышалась интенсивная стрельба. Противник начал отходить на восток. Часа через два разрывы шрапнелей орудий полковника Туркула уже наблюдались за Лубянками. Несмотря на это, прикрывающие части красных до вечера удерживались в версте перед фронтом группы. В сумерках в одну из рот прискакал на повозке фельдшер 63-го Советского полка, который показал, что он сбежал из Волчьих Ям. Высланная разведка установила, что и Лубянки, и Брусовец все еще заняты противником. Северо-западнее Дмитровска 1-й батальон 2-го [Дроздовского] полка наступал двумя колоннами от хутора Жучень на деревню Любенская и деревню Городище по лесным дорогам. Правая колонна внезапно атаковала красных на квартирах в Любенской, а левая — на биваке в лесу, расцепив их. В руки батальона попали 500 пленных. Колонны остановились в Любенской и Городище. На левом фланге дивизии, в районе Брасово, разбитый накануне противник не обнаруживался в сфере разведки наших частей.

К вечеру 6 (19) октября части дивизии вышли на фронт Кошелево — Столбище — Белога — Рублино — Любенская — Городище — Брасово. В Дмитровск подошла 1-я бригада [1-й кавалерийской дивизии] полковника [И. Г.] Барбовича в составе 800 сабель при двух конных ба-

тареях. 3-й [Дроздовский] полк утром разгрузился в Дмитриеве и после полудня выступил в Михайловку, куда прибыл глубокой ночью. В этот же день сильные пехотные части красных вытеснили генерала Оленича из Севска и заняли город. Бригада отошла на линию деревень Новоямское — Семеновка. Донесения с этого направления носили тревожный характер. Кавалерийский полк от Брасово было приказано направить на присоединение к [3-й кавалерийской] бригаде генерала Оленича. В отношении [Дроздовской] дивизии эти события опять вызвали необходимость создания резерва за левым флангом. 3-й батальон 1-го [Дроздовского] полка сменил на станции Брасово 2-й, и последний оттягивался в резерв в деревни Жадино и Бочарово. С занятием Севска красные получали возможность действовать против фланга и тыла дивизии.

В Орловском районе 4 (17) — 6 (19) октября шла ожесточенная борьба. 4-го числа красные начали наступление на Орел со стороны Мценска и Карачева. 1-й Корниловский полк отбивал атаки красных на линии станции Песочной. 3-й [Корниловский] полк был атакован на фронте деревень Воробьевка — Чаплыгино. Со стороны противника наступали 9-я стрелковая и Эстонская дивизии. 1-й полк легко отражал атаки красных, а 3-й постепенно оттеснялся эстонцами. От 2-го полка, из Кромского района, донесений не поступало. К 6-му числу 3-й полк вынужден был отступить к самой окраине Орла, его левый фланг все время охватывался противником. 6-го утром прибыло кружным путем донесение от 2-го [Корниловского] полка о поражение в районе Коровьего Болота и отходе за Оку. Вечером со станции Стишь передали по аппарату, что 2-й [Корниловский] полк не удержался на Оке и отходит на реку Рыбницу в направлении станции Стишь. Дальше удерживать Орел не представлялось возможным, и около 19 часов был отдан приказ об отходе: 1-й и 3-й [Корниловские] полки отводились

на линию Золотарево — Грачевка — Господский двор — Рудня; 2-му полку было послано приказание оборонять линию реки Рыбницы на участке от Господского двора Рудня до села Сретенского. В 22 часа наши части оставили Орел и в город вступили красные.

2
Второй период

В то время как в Орловско-Дмитровском районе наши части были вынуждены медленно осаживаться назад под давлением численно превосходного противника, на остальном фронте 1-го армейского корпуса продвижение вперед продолжалось. Здесь Марковская и Алексеевская дивизии подошли на 10 верст к городу Ельцу с юга и запада, вышли на железную дорогу Елец — Орел у станций Троицкое, Разсошное, Хомутов, Туровка и заняли город Новосиль[72]. Правее 6 (19) октября конные массы Буденного перешли в наступление с востока по всему Воронежскому фронту.

Успехи на главном направлении, взятие Севска, начало наступления на Воронеж рисовали обстановку с точки зрения красного командования в особенно благоприятном свете. Но на главном направлении кризис еще не наступил. Наши войска потерпели ряд неуспехов, но не были разбиты или сломлены. Высокие качества их, глубокая вера в свое превосходство, закаленность и стойкость не позволяли легко уступить инициативу противнику, несмотря на все его превосходство в силах и достигнутые успехи. Предстояла еще продолжительная, жестокая и упорная борьба, в которой успех только тогда достался красным, когда основные полки добровольцев истекли кровью и обессилили. Красное командование не учитывало этого и успехам у Орла и Кром придавало решающее зна-

чение. Только частности, а именно неустойка на участке 7-й и 41-й стрелковых дивизий, вызывали беспокойство за фланг и тыл ударной группы. Точка зрения [красных] на текущие события достаточно рельефно определяется в отданной 7 (20) октября командующим Южным советским фронтом директиве следующего содержания:

1. 14-й армии без Эстонской дивизии ликвидировать противника в районах Дмитровска и ударной группой наступать на Фатеж — Курск.

2. 13-й армии с переданной из 14-й Эстонской дивизией перейти в наступление по всему фронту, для чего: Эстонской дивизии энергично наступать на Малоархангельск — Щигры; 9-й стрелковой дивизии — на Ливны с северо-запада; 3-й дивизии и правым флангом 42-й стрелковой дивизии эти наступления поддержать с севера и северо-востока, прикрывая остальными частями 42-й стрелковой дивизии Елец и имея дальнейшей задачей переход в общее наступление на станцию Касторная.

3. Конному корпусу Буденного по занятии Воронежа ставилась задача овладеть Касторной и продолжать наступление на Курск с целью отрезать противника, действующего севернее железной дороги Воронеж — Курск.

4. 8-й армии, продолжая наступление, выйти на Дон.

По существу, здесь уже намечалось преследование на главном направлении. В частности, этой директивой внимание 14-й советской армии сосредоточивалось на Дроздовской дивизии, а ударная группа направлялась в разрез между нею и Корниловской.

С нашей стороны сильный напор на Корниловскую дивизию и оставленье ею Орла приводят к решению сдерживать наступление красных войск южнее города и атаковать их с флангов из Дмитровского района. Это решение складывалось под влиянием нового движения Дроздовской дивизии вперед и подходом к правому флангу значительных подкреплений.

С занятием красными Севска обе бригады 1-й кавалерийской дивизии были оторваны от частей 5-го кавалерийского корпуса, их дальнейшие действия тесно сплелись с [работой] Дроздовской дивизии, и, вместе взятые, они составили одну группу войск. С подходом 3-го [Дроздовского] полка эта группа насчитывала в своем составе 6500 штыков и сабель. Главная масса сил собиралась в Дмитровском районе для предстоящих операций в Кромском направлении. Из находившихся здесь частей [1-я кавалерийская] бригада полковника Барбовича, 3-й [Дроздовский] полк и отряд полковника Туркула предназначались для атаки ударной группы противника. То есть для активной задачи было выделено несколько больше 3500 штыков и сабель при 18 орудиях. Эти силы хотя и не создавали численного превосходства на нашей стороне, но были все же настолько значительны, что позволяли рассчитывать на успех.

Но создавались обстоятельства, которые принудили ослабить нашу активную группу раньше, чем она начала действовать в совокупности. Намеченная командующим 14-й советской армии в связи с обстановкой, определившейся во встречных боях, в последние дни сентября операция против Дроздовской дивизии, имевшая в идее одновременную атаку с севера 7-й и 41-й стрелковыми дивизиями и с юго-запада от Севска в направлении на Дмитровск, частями 46-й и 57-й стрелковых дивизий развивалось весьма не гладко. Время, необходимое для сосредоточения на втором направлении, и успешные действия нашей кавалерии в первые дни октября в Севском районе затягивали наступление отсюда. Тем временем движение ударной группы вынудило войска Саблина ввязаться в бои по всему фронту от Дмитровска до Брасово. Здесь красные терпят ряд поражений, несут большие потери и к началу движения от Севска приходят в значительное расстройство. По существу, план командующего

14-й [Советской] армией был расстроен, но наступление от Севска не потеряло своего значения. Теперь в связи с борьбой в Кромском районе оно должно было сыграть громадную, если не решающую роль. Занятие Севска как раз совпало с последними днями нашего сосредоточения в Дмитровском районе и впоследствии повисло тяжелым грузом над занесенным отсюда ударом.

К началу описываемого периода группировка сторон была следующая.

В Дмитровском районе находились, как уже упоминалось, [1-я кавалерийская] бригада полковника Барбовича, Самурский полк и отряд полковника Туркула общей численностью около 2500 штыков и сабель. С подходом сюда 3-го [Дроздовского] полка силы должны были возрасти до 4200. На северном фронте дивизии, на громадном участке Рублино — Любенская — Городище — Брасово оставалось всего 800—900 штыков 2-го и 1-го [Дроздовских] полков. На Севском направлении действовала [3-я кавалерийская] бригада генерала Оленича, что вместе с батальоном 2-го [Дроздовского] полка, находившимся в непосредственном тылу в Ступино, составляло около 1000 штыков и сабель. Около 500 штыков 1-го [Дроздовского] полка находилось в резерве у станции Комаричи и могло быть привлечено на Севское направление в кратчайшие сроки.

Противник группировался на обоих флангах. В Кромском районе действовала ударная группа, у Севска находилась 57-я стрелковая дивизия. Последняя была несколько потрепана в предыдущих боях, но к ней уже подошла одна бригада 46-й стрелковой дивизии. 46-я стрелковая дивизия была наиболее численной и отдохнувшей частью в 14-й [Советской] армии. Здесь же находились слабые остатки 1-й и 2-й бригад 41-й стрелковой дивизии. Перед средним участком [Дроздовской] дивизии действовали слабая, в значительной мере потерявшая бое-

способность 7-я стрелковая дивизия, 3-я и 4-я бригады 41-й стрелковой дивизии, Особая и Брянская стрелковые бригады и 14-я кавалерийская бригада.

7 (20) октября на правом фланге полковник Барбович, подчинив себе отряд полковника Туркула, должен был занять исходное положение для наступления в направление Кром с задачей атаковать с флангов ударную группировку красных. [1-я] кавалерийская бригада выступила из Дмитровска в Столбище на соединение с отрядом полковника Туркула. Тем временем красные перешли в наступление со стороны Кром. Утром значительная колонна [красной] кавалерии подошла к деревне Лубянки. Несколько часов спустя она начала наступать на Кошелево и вдоль большой трактовой дороги. Наши части развили сильный огонь и остановили конницу. У Кошелево бой принял стационарный характер. Левее на большой дороге красные настойчиво пытались сбить наши части. У Столбища с утра царило полное спокойствие. Бой на участке самурцев, отделенных [от наших частей] большим лесом, был почти не слышен. Около 15 часов конница появилась и перед Столбищем. Ее стремительная атака в больших массах на сторожевое охраненье сразу прорвала его линию. Поднявшиеся с квартир по тревоге части перешли от села в контрнаступление и завязали горячий бой. Красная конница настойчиво пыталась атаковать и неоднократно охватывала фланги наступающей пехоты, но каждый раз рассеивалась артиллерийским и ружейным огнем. Полковник Туркул энергично продвигался вперед и скоро вынудил красных отхлынуть в северо-восточном направлении. В это время к селу Столбище подошла бригада полковника Барбовича и приняла некоторое участие в преследовании противника. Несколько ее эскадронов атаковали во фланг красную конницу, направившуюся вдоль большой дороги Кромы — Дмитровск. Здесь красные предпринимали уже третью атаку.

Но удар во фланг наших кавалеристов, вооруженных пиками, вынудил их поспешно отскочить. С этого момента конница противника начала отступать и перед участком самурцев. Вся наша артиллерия обрушила на нее интенсивный огонь и внесла в ее массы расстройство. Противник отошел на 12 верст. Правая группа Самурского полка заняла деревни Брусавец и Лубянки. Отряд полковника Туркула оставался в Столбище. Бригада полковника Барбовича стала в деревне Дубняки. Левофланговый батальон самурцев по-прежнему находился в деревне Белога. 3-й [Дроздовский] полк к вечеру прибыл в деревню Волково. 2-й батальон 2-го [Дроздовского] полка утром наступал от Рублино и с боем занял сначала деревню Лукино, а затем Пальцево. Перед вечером противник перешел в контратаку и оттеснил батальон к Лукино. 1-й батальон оставался в деревнях Любенская и Городище. На его участке красные появились только вечером, и с ними завязалась ружейная перестрелка на дальних дистанциях.

На Севском направлении противник продолжал теснить [3-ю кавалерийскую] бригаду генерала Оленича и наступать вдоль большой дороги из Севска на Дмитровск. Наши кавалеристы быстро отступали, и вечером передовые части красных появились уже перед хутором Ступино, но были легко отброшены 3-м батальоном 2-го [Дроздовского] полка. Кавалерийская бригада отошла за реку Усожу правее Ступино. Столь быстрое продвижение противника от Севска побудило отвести 3-й батальон 1-го [Дроздовского] полка из Брасово за Нерусу. Здесь соприкосновение с противниками еще не установилось, и отход происходил совершенно спокойно.

8 (21) октября ударили первые морозы. В этот день 3-й [Дроздовский] полк должен был занять деревни Чувардино — Волобуево и с установлением связи с полковником Барбовичем — войти ему в подчинение. Полковник Барбович с кавалерийской бригадой и отрядом полков-

ника Туркула имел задачей наступать в район деревень Кирово и Городище. Самурскому полку было приказано выдвинуться на фронт Гнездилово — Абратеево и, пройдя фронт, оставляемый частями полковника Барбовича, наступать в северном направлении в обеспечение нашей операции в сторону Кром. Вечером 7-го числа в наше сторожевое охранение въехал разъезд для связи от Червонно-казачьей бригады к латышам, и из захваченных у него документов выяснилось намерение противника наступать большими силами в южном направлении восточнее Дмитровска. Полковник Барбович решил выиграть у красных фланг и приказал полковнику Туркулу выступить на рассвете 8-го на деревню Абратеево, а кавалерийской бригаде — на село Лысое. От этих пунктов предполагалось повернуть на восток и атаковать во фланги наступающего противника, причем пехоте указывалось выйти в район деревни Волчьи Ямы, а коннице — деревни Гнездилово.

8-го числа на северо-востоке от Дмитровска произошло горячее сражение. На рассвете 3-й [Дроздовский] полк выступил из Волково на деревню Тонково; [1-я] кавалерийская бригада и пехота полковника Туркула двинулись по указанному им маршруту. Наша конница скоро завязала затяжной бой у Лысого с пехотой красных, засевшей в селе. Почти одновременно колонна полковника Туркула столкнулась на опушке леса у Абратеево с наступающей пехотой противника, опрокинула ее и захватила пленных 2-й стрелковой дивизии. Полковник Туркул, хорошо знакомый с условиями местности, решил обойти глубокую и труднопроходимую балку и подойти к Волчьим Ямам с севера. Его колонна легко сбила у деревни Печки незначительные части красных и установила от пленных наличие в Рыжково больших сил латышской пехоты. Полковник Туркул решил прежде всего разбить эту группу, двинулся к Рыжково и ввязался оже-

сточенный бой. Конница полковника Барбовича все еще задерживалась противником у Лысого. Тем временем 3-й [Дроздовский] полк южнее Тонково вошел в соприкосновение с разъездами латышской конницы и легко оттеснил их своим походным охранением. Село Чувардино оказалось занятым латышской пехотой, и у него завязался бой. Левее Самурский полк наступал от деревень Лубянки и Бычки. Бой кипел по всему фронту. Его очертание было весьма причудливо[1]. 3-й [Дроздовский] полк сравнительно легко овладел сначала Чувардино, а затем Волобуево. Правофланговые части Самурского полка вышли в тыл красной конницы, развернувшейся против 3-го полка, и рассеяли ее артиллерийским огнем.

Части наступавших левее теснились латышами приблизительно около Столбище. Наиболее жестокий бой произошел около Рыжково. Здесь со стороны красных действовали два латышских полка. Эти полки составляли резерв наступающей группы и стояли без артиллерии, целиком переданной боевым участкам. Латыши заняли позицию впереди деревни и защищали ее с крепким упорством. Наша первая атакующая цепь была буквально сметена вспышкой выдержанного огня с близкой дистанции. Бой сразу же принял исключительно напряженный и тяжелый характер. Противник появился с юга, и его артиллерия открыла сильный огонь по колонне почти прямо с тыла, из района Волчьих Ям. Полковник Туркул временно игнорировал это направление и сосредоточил все усилия с целью разбить наиболее серьезного противника у Рыжково. Энергичным ударом при

[1] В дневнике артиллериста, работавшего с Самурским полком, записано следующее: «Выйдя из Лубянки и поднявшись на бугры, мы увидели следующую картину — справа от нас и рядом шел бой — это наступал Манштейн; рядом слева и немного назад слышались ружейная и пулеметная стрельба; несколько дальше влево и вперед шел сильный артиллерийский бой — это, по-видимому, ведет бой Туркул».

блестящем содействие 1-й батареи полковника Чеснокова, выкатившей орудия на руках на 750 шагов от позиции красных, латыши были сбиты и сброшены в крутую и глубокую балку, в которой понесли громадные потери. На поле сражения осталось не менее 200 трупов. В наши руки попало пять пулеметов.

Развязавшись с противником у Рыжково, полковник Туркул немедленно повернул почти на юг и двинулся в направление несколько восточнее деревни Волчьи Ямы. [1-я] кавалерийская бригада все еще продолжала бой у Лысого. Сначала колонна двигалась под сильным артиллерийским обстрелом, пока, наконец, ее продвижение не вынудило красных снять свои батареи. При проходе леса западнее деревень Кирово и Городище походное охранение заметило у южной опушки движение навстречу нескольких рот пехоты. Возникло предположение о возможности встретиться с самурцами. Тем не менее принимаются некоторые меры приготовления: 1-я батарея выкатила орудия на опушку леса в линию головного отряда, изготовившегося к бою. Встречная колонна была подпущена на расстояние, доступное голосу, и окликнута. После попытки опознаться выяснилось, что это латыши. Они с изумительно быстротой и порядком рассыпались в цепь, но губительный огонь 1-й батареи и атака нашей пехоты рассеяли их. Дальше колонна двигалась совершенно спокойно даже без соприкосновения с противником, который отошел. Сведения о наличии красных еще южнее побудили продолжить движение к деревне Ново-Гнездилово. При подходе к деревне на гребне у южной окраины действительно были замечены цепи, окапывавшиеся фронтом на юг. С фронта их обстреливало редким огнем одно орудие самурцев. Полковник Туркул приказал своей артиллерии развернуться и обрушиться на красных с тыла внезапным беглым огнем шести орудий. Латыши пришли в полное замешательство

и, бросая орудия и шанцевый инструмент, обратились в бегство. Их густые толпы сильно страдали от нашего артиллерийского огня. С участка Самурского полка 3-я батарея энергично присоединилась к обстрелу бегущих, и они попали под перекрестный обстрел. Скоро противник исчез из пределов досягаемости нашего огня.

Отряд полковника Туркула и 3-й батальон Самурского полка расположились в Гнездилово. Кавалерийская бригада взяла, наконец, Лысое и к вечеру подошла к Любенской, в которой и остановилась на ночевку. Левофланговый батальон Самурского полка без боя занял Абратеево. 3-й [Дроздовский] полк после взятия Волобуево выслал для преследования отступающих красных одну роту и команду конных разведчиков. Этот отряд уже в темноте занял деревню Красная Роща и атаковал противника на мосту через реку Крому, причем захватил около 79 пленных с четырьмя пулеметами 1-го Латышского полка. В этом районе красные всюду отошли за Крому, и наши разъезды ночью входили в село Колки. За день латышские части понесли серьезные потери. Помимо взятых 3-м [Дроздовским] полком [пленных], в руки отряда полковника Туркула попали еще около 150 человек, а Самурский полк взял около 20 человек латышей.

На северном участке [Дроздовской] дивизии 2-й батальон 2-го [Дроздовского] полка утром вновь занял село Пальцево, но с уходом кавалерийской бригады на восток противник опять перешел в наступление и оттеснил батальон к деревне Лукино. Левее красные в утреннем тумане атаковали 1-й батальон в Любенской и Городище и вынудили его отойти к хутору Жучень. На Севском направление красные продолжали наступать. Большие их силы атаковали на участке Угревище — Ступино 3-й батальон 2-го [Дроздовского] полка и [3-ю] кавалерийскую бригаду генерала Оленича и отбросили их к железной дороге. 3-й батальон отошел в Литиж, а конница —

в деревню Казинку. За день противник проявил большую энергию и обнаружил значительность сил, введенных в дело. Его продвижение создало уже непосредственную угрозу железной дороге, по которой происходило все снабжение дивизии и на которой зиждилась организация связи. Железнодорожный мост через реку Усожу у деревни Литиж был только что починен, и эвакуация со станции Комаричи захваченных там в свое время составов и имущества еще не закончилась.

Стремительное наступление красных вызывало тревогу. На 9 (22) октября 1-му [Дроздовскому] полку было приказано, оставив минимум сил для обеспечения Нерусы, остальными [силами] совместно с 3-м батальоном 2-го [Дроздовского] полка и [3-й] кавалерийской бригадой отбросить противника от железной дороги. Помимо этого было решено оттянуть отряд полковника Туркула из Дмитровского района и назначить на присоединение к своему полку. Но отряд находился 8-го числа в бою, а противник настолько быстро продвигался вперед, что возникали сомнения, может ли он вовремя усилить [свой полк], и к угрожаемому направлению стали посильно подтягивать части с ближайших участков. 1-му батальону 2-го [Дроздовского] полка было приказано отойти из хутора Жучень в Упорой, оставив на Нерусе небольшие части для охраны переправ. Решение оттянуть отряд полковника Туркула из Дмитровского района очень ослабляло наши активные войска на главном направлении. Помимо того, что уводилась почти треть состава этих войск, еще они лишались наиболее качественной пехоты, находившейся в руках самого энергичного и талантливого начальника в [Дроздовской] дивизии. Наступление на правом фланге дивизии предполагалось продолжать тремя полками и кавалерийской бригадой. 3-й [Дроздовский] полк при отличных кадрах все же был только что сформированной частью, сильно разбавленной влиты-

ми пополнениями, еще не втянутыми в бои. 9 (22) октября отряду полковника Туркула было приказано отойти в Дмитровск, имея в виду дальнейшее следование на присоединение к своему полку.

Утром 9 (22) октября наши войска перешли в контрнаступление на Севском направлении. 3-й батальон 2-го [Дроздовского] полка выступили из Литижа на Ступино, [3-я] кавалерийская бригада наступала правее, а 2-й батальон 1-го [Дроздовского] полка подошел из Бочарово к Козинкам. Одна рота его была выслана в Литиж для охраны железнодорожного моста, столь важного для эвакуации Комаричей. Главная тяжесть боя легла на батальон 1-го [Дроздовского] полка. Он от деревни Козинки наступал в направлении села Избичня. Красные оказывали стойкое сопротивление, и наше продвижение шло крайне медленно. Бригада генерала Оленича действовала крайне вяло. Только к вечеру удалось сломить сопротивление противника, и 2-й батальон около 17 часов вечера овладел селом Избичня. Батальон 2-го [Дроздовского] полка занял Ступино. В это время красные проявляют активность со стороны Брасово. Их пехота занимает северный берег Нерусы, у Неруских Дворов переходит на южный и начинает распространяться в восточном и юго-восточном направлениях. Наши сторожевые части были вытеснены из деревни Аркино. В силу этих обстоятельств командир 1-го [Дроздовского] полка отозвал свой батальон с Севского направления обратно к Комаричам. Из села Избичня вместо него выдвинулись передовые части конницы.

На остальном фронте [Дроздовской] дивизии происходили перегруппировки. 1-й батальон 2-го [Дроздовского] полка выступил из хутора Жучень и, оставив одну роту на Нерусе для охраны переправ, прибыл в Упорой. Отряд полковника Туркула вечером пришел в Дмитровск. К северу от города противник перешел в наступление и потес-

нил батальон самурцев из Абратеево к Белоге, а 2-й батальон 2-го [Дроздовского] полка — к Рублино. Последний, оставив часть сил у Рублино для прикрытия со стороны Лукино, совершил очень удачный ночной налет на село Островское. На правом фланге отход отряда полковника Туркула вызвал некоторую заминку. Полковник Барбович также отвел свою [1-ю кавалерийскую] бригаду несколько назад в сторону Дмитровска[1]. Красные вновь выдвинули свою конницу и атаковали ею правый фланг Самурского полка. Значительные силы ее стремились обойти самурцев и вклиниться между ними и 3-м [Дроздовским] полком. Главные усилия красных были направлены на Самурский полк, и со стороны 3-го полка они только прикрывались наступлением части своих сил на Чувардино. На участке шел оживленный огневой бой, и наш артиллерийский огонь пресекал все наступательные попытки красных. Перед вечером Самурский полк перешел в контратаку и вынудил конницу противника отойти. На участке 3-го [Дроздовского] полка латыши днем заняли деревни Колки и Красная Роща. Их стрелковые цепи приблизились к Волобуево и завязали перестрелку с ротами 3-го полка.

Наше наступление в Кромском районе затягивалось.

10 (23) октября утром 3-й [Дроздовский] полк и [1-я] кавалерийская бригада полковника Барбовича все еще не соединились. В ночь на 10-е сильные пехотные части Латышской дивизии сосредоточивались в Колках и Красной Роще и на рассвете начали наступать на 3-й [Дроздовский] полк. У северной окраины Волобуево завязался упорный бой. Противник обстреливал деревню сильным артиллерийским огнем. Около полудня наступление противника сделалось настолько сильным, что обстановка вынудила перейти в контрнаступление с целью ее отбросить.

---

[1] Причину этого непонятного отвода выяснить не удалось. По показаниям офицеров Самурского полка, бригада ночевала в деревне Дружка.

Полковник [В. В. фон] Манштейн выдвинул из-за левого фланга 2-й батальон и приказал ему наступать в сторону деревни Долженка с задачей охватить фланг красных. Батальон двинулся вперед и успешно продвигался. Около 15 часов после жестокого боя был взят мост через реку Крому. Здесь нашим ротам приходилось атаковать в особенно трудных условиях. Деревня Долженка лежала на высоком берегу реки Кромы и господствовала над мостом и противоположным низким берегом. К мосту приходилось наступать по болотистому лугу. Наша артиллерия сосредоточила огонь по участку за мостом, пехота бросилась в стремительную атаку. Столь энергичная атака на труднодоступный мост и прорыв через него оказались совершенно неожиданными для красных. Ворвавшиеся в деревню роты стеснили в улицах значительные группы 1-го Латышского полка и нанесли им жестокие потери. Среди убитых оказались командир полка и начальник штаба бригады.

Как раз в момент атаки на мост с запада появилась колонна полковника Барбовича. Заметив успехи 3-го [Дроздовского] полка у Долженки, конница двинулась рысью. 1-й конный [генерала Алексеева] полк перешел за пехотой мост и бросился преследовать отступающих. Латыши при появлении кавалерии стали посильно собираться в группы и залпами отбили его атаки. В одном из эскадронов, доскакавшем до ударов в шашки, оказались раненые штыками. Такое стойкое сопротивление вынудило конницу прекратить преследование, и по отступающим латышам сосредоточила свой огонь артиллерия. Взятие деревни Долженка побудило красных начать отступление, и перед Волобуево 1-й батальон сейчас же двинулся вперед и на плечах противника занял Колки и мосты через Крому. Передовые части его перешли реку и заняли деревни Глинки и Лешня. 2-й батальон с окончанием боя оставил в Долженке только охранение и отошел в Красную Рощу. Сюда же пришла и [1-я] кавалерийская бригада. За день

боя на участке Колки — Долженка были установлены все три полка 1-й бригады Латышской дивизии. Они понесли большие потери и оставили много брошенных трупов.

3-й полк [Дроздовский] вошел в подчинение полковнику Барбовичу. Полковник Барбович назначил на 11 (24) октября дневку, мотивируя ее необходимостью выяснить обстановку в Кромском районе, упуская момент для использования достигнутых успехов. Столь исключительная медлительность и нерешительность были весьма характерными для командного состава 1-й кавалерийской дивизии.

Севернее Дмитровска противник продолжал наступать, и целый день вел бои с 1-м батальоном Самурского полка, занимавшим участок от Белоги до Поповки, и 2-м батальоном 2-го [Дроздовского] полка, оборонявшим Рублино. Правофланговые части самурцев находились в районе Гнездилово. На Севском направлении 10-го числа красные опять перешли в наступление. Здесь противник с каждым разом вводил в бой все бóльшие силы и наступал широким фронтом. [3-я] кавалерийская бригада генерала Оленича проявляла очень слабую устойчивость и быстро отошла под давлением красных. 3-й батальон 2-го [Дроздовского] полка был атакован в Ступино превосходящими силами и отошел в Литиж, где соединился с ротой 1-го полка и занял позицию по железнодорожной насыпи. Кавалерийская бригада отступила к линии железной дороги вдоль большака на Дмитровск.

На Брасовском направлении, к северо-западу от Комаричей, части противника продолжали распространяться от переправы у Неруских Дворов. Утром небольшие силы пехоты и конницы начали наступать от Быхово на Голынь, но были отбиты ротой 2-го батальона. Несколько позже пехотные цепи красных стали наступать на деревню Жадино со стороны Аркино, но тоже были остановлены нашими частями. Небольшие части противника перешли через железнодорожный мост и стали

накапливаться на южном берегу. По всему течению Нерусы мелкие партии проявляли тенденцию переправляться через реку. После полудня бой возобновился по всему западному фронту [Дроздовской] дивизии. Большие силы наступали на Литиж, и здесь наши части вели тяжелый бой. Северо-западнее красные заняли Козинские постоялые дворы и деревню Козинки и наступали по железной дороге. Еще севернее обозначилось наступление от Анажи на Бочарово. На 15-верстном фронте от Быхово до Литижа шел ожесточенный бой, и противник сильно нажимал. Южнее Литижа было обнаружено движение его к железной дороге в охват нашего левого фланга. К вечеру красные охватили оба фланга 3-го батальона 2-го [Дроздовского] полка у Литижа и вынудили его отойти в Хлебтово. Севернее они заняли деревню Шулеевку. [1-я] кавалерийская бригада отступила частью за железную дорогу, частью — к левому флангу 1-го [Дроздовского] полка в хутор Марьинский. 2-й батальон 1-го [Дроздовского] полка удерживал линию Жадино — Голынь — Бочарово. 3-й батальон находился в экономии Лопандино и имел сильную заставу в селе Радогошь.

Широкое развитие наступления противника со стороны Севска вызывало большую тревогу и грозило серьезными последствиями. Резервов для его парирования не было, и нужные для этого силы могли быть взятыми только с других участков, где в свою очередь шла борьба и возникала необходимость в поддержке. Получался какой-то «тришкин кафтан». Направление от Севска на Дмитриев в тылу [Дроздовской] дивизии оставалось совершенно открытым. Сюда был выслан для разведки и наблюдения конвой штаба 1-й кавалерийской дивизии и обнаруживший только небольшие разведывательные партии, которые, не встречая до этого никакого противодействия с нашей стороны, продвинулись значительно в сторону Дмитриева.

В штабах Дроздовской и 1-й кавалерийской дивизий сознавалась настоятельная необходимость как-либо развязаться с противником на Севском направлении. Было решено сосредоточить сюда весь 2-й [Дроздовский] полк и, подчинив его начальнику 1-й кавалерийской дивизии [генералу И. И. Чекотовскому], поручить последнему ликвидировать Севскую группу. В силу этого 1-му батальону 1-го [Дроздовского] полка было приказано сменить 2-й батальон 2-го полка в деревне Рублино, а последнему выступить в село Упорой. На 1-й полк теперь возлагалась задача обеспечивать совместно с левым флангом самурцев Дмитровск с севера, наблюдать течение Нерусы и оборонять район Комаричей. 10 (23) октября было приказано полковнику Туркулу вступить в командование 1-м [Дроздовским]полком, а полковнику Руммелю — 2-м.

Днем полковник Туркул прибыл в Упорой и, осведомившись в штабе 2-го [Дроздовского] полка о положении дел на Севском направлении, приказал двум маршевым ротам, действовавшим в его отряде и получившим номера 13-й и 14-й, и одной роте 1-го батальона двинуться из Дмитровска в Упорой. 13-я и 14-я роты намечались для наблюдения за течением Нерусы, а 4-я рота — для усиления частей полка у Комаричей. Вечером полковник Туркул прибыл на станцию Комаричи и принял командование [1-м Дроздовским] полком. Он нашел части развернутыми на чрезмерно большем участке от Радогоша до Бочарово и вытянутыми в одну линию без полкового и частных резервов. Одна рота находилась вместе с 3-м батальоном 2-го [Дроздовского] полка в Хлебтово. Полковник Туркул пришел к заключению о невозможности в таких условиях продолжать пассивную оборону и с целью собрать части в своих руках для маневра приказал с наступлением темноты начать отход и сосредоточиваться 3-му батальону в деревне Любощь, а 2-му батальону с полковыми командирами — в селе Упорой. Днем три роты 1-го баталь-

она 1-го [Дроздовского] полка выступили из Дмитровска в Рублино для смены 2-го батальона 2-го [Дроздовского] полка. На этом участке с утра шел бой с наступающим противником. Перед вечером красным удалось вытеснить наши части из деревни, но подоспевший батальон 1-го [Дроздовского] полка перешел в контратаку головной ротой и, поддержанный отходившими ротами 2-го полка, быстро восстановил положение, захватив 150 пленных при двух пулеметах. После боя батальон 2-го [Дроздовского] полка ушел в Дмитровск и заночевал в городе.

Итак, на Севском направлении наши войска днем теснились противником, а ночью еще несколько отошли [назад] с целью занять более сосредоточенное положение для предстоящего контрнаступления. Наши разведывательные части установили, что ночью красные тоже двигались и заняли ряд пунктов. К утру они оказались на линии Литиж — Шулеевка — Дерюгино — пересечение трактовой и железной дороги — Лобаново — Комаричи. Еще днем было обнаружено движение противника к железной дороге южнее Литижа и более смелое продвижение его наблюдательных частей в Дмитриевском направлении, но каких именно пунктов достигли здесь красные, было неизвестно.

К полуночи части 1-го [Дроздовского] полка прибыли в назначенные им пункты и остаток ночи отдыхали. В деревне Любощь собрался 3-й батальон, сюда же входили 13-я и 14-я роты. В Упорое сосредоточилось четыре роты (2-й батальон и 4-я рота) и полковая команда. Рота у Хлебтово прибыла только под утро. В Упорое же стоял 1-й батальон с полковыми командами 2-го [Дроздовского] полка. 2-й батальон должен был утром выступить на присоединение к полку из Дмитровска. [3-я] кавалерийская бригада из района юго-восточнее Комаричей двигалась на левый фланг к югу от Литижа с задачей парализовать наступление противника в охват. На 11-е число был на-

значен переход в наступление группы начальника 1-й кавалерийской дивизии [генерала Чекотовского] на Севском направлении. Ей ставилась задача разбить и ликвидировать наступающего противника[1]. 1-й [Дроздовский] полк должен был содействовать операции ударом на Комаричи силами, собранными в районе Упороя, а остальными по-прежнему наблюдать Нерусу и совместно с самурцами оборонять подступы к Дмитровску с севера.

С занятием красными вечером перекрестка трактовой и железной дорог прервалась проволочная связь с Дмитриевым, со штабами генерала [К. А.] Кельнера и генерала [И. И.] Чекотовского. К этому времени в части было передано только общее распоряжение о переходе в наступление на Севском направлении, и все детали волею обстоятельств были предоставлены инициативе командиров полков. Ночью командиры 1-го и 2-го [Дроздовских] полков условились между собой о согласовании своих действий. Командир 1-го полка решил охватить противника у Комаричей с северо-востока силами, собранными в районе Любощь — Упорой. Главный удар должны были наносить 2-й батальон, 4-я рота и полковые команды, которые выступили из Упороя и двигались через деревню Захарово с целью атаковать Комаричи с северо-востока. 3-й батальон, выдвинув 13-ю и 14-ю роты для наблюдения за течением Нерусы, должен был обеспечить эту атаку с севера, для чего ему было приказано выступить из Любощь на экономию Лопандино, а по занятии ее выслать разведку на Радогошь и Кокино и наступать к железной дороге к северу от Комаричей с целью содействовать атаке 2-го батальона и вынудить красных отвести свои бронепоезда. Командир 2-го [Дроздовско-

[1] В состав групп входили: 3-я кавалерийская бригада генерала Оленича и 2-й стрелковый полк. Вообще в этот период штабы любили давать задачи вне соотношения со средствами и возможностями выполнения.

го] полка решил наносить удар южнее трактовой дороги на Севск и, выслав вдоль нее одну роту, остальными силами 1-го батальона и полковыми командами выступил через хутор Петровский на деревню Шулеевку. 2-му батальону было передано по телефону приказанье выступить возможно раньше из Дмитровска и наступать вдоль тракта. 3-му батальону был послан приказ с конными выступить на Литиж. Еще до рассвета все колонны снялись с ночлега и двинулись по указанным направлениям. Утро выдалось слегка туманным, что затрудняло разведку и походные охранения, но зато скрывало от противника подход наших колонн.

1-й [Дроздовский] полк прошел главными силами Захарово и обнаружил сторожевое охранение красных на опушке рощицы у северной околицы Лобаново. Колонна развернула одну роту и повела наступление прямо на Комаричи. У станционного поселка наблюдалось усиленное движение, и противник поспешно занимал позиции впереди. Его батарея стала на открытой позиции у крайних домов и начала обстреливать наши резервы. Огонь нашей артиллерии вскоре заставил ее отойти за поселок. 2-й батальон быстро продвигался к станции, у которой на широком фронте разворачивались большие силы пехоты красных. 3-й батальон без боя занял экономию Лопандино. От Комаричей противник перешел в сильную и энергичную контратаку, но лично брошенные полковником Туркулом навстречу две роты резерва сломили его наступательный порыв, стремительным преследованием не дали остановиться на выгодной позиции и на плечах ворвались в поселок и на станцию. 3-й батальон продвигался от экономии Лопандино к железной дороге и огнем одного орудия обстреливал во флангах цепи красных у Комаричей. За станцией красные опять попытались перейти в контратаку, но были отбиты ротами 2-го батальона. Бой носил весьма упорный характер. С большими поте-

рями противник был отброшен от станции и отошел на запад и юго-запад. В наши руки попали около 100 пленных и три пулемета. Пленными и убитыми было установлено, что станция занималась 410-м и 411-м стрелковыми полками 46-й советской дивизии. Наши части на некотором расстояние вели преследование и заняли передовыми частями 3-го батальона деревню Жадино, а 2-го батальона — деревни Голынь и Бочарово.

Тем временем 2-й [Дроздовский] полк прошел лес восточнее железной дороги и обнаружил противника, занявшего позицию по полотну впереди Шулеевки. После короткой, но жестокой схватки с Особым еврейским батальоном две роты при содействии отличного огня гаубичного взвода овладели позицией и нанесли противнику большие потери, расстреливая на коротких дистанциях бегущих по открытому полю. Используя успех, одна рота быстро овладела Шулеевкой, и красные начали отступление по всем участкам. Продолжая наступление, колонна соединилась на трактовой дороге со 2-й ротой и в 18 часов выбила конные части противника из Козинских постоялых дворов. Разведка установила отход красных на фронт Добрич — Ступино и оставление ими Литижа. Небольшие части их еще занимали Козинки. Командир полка послал приказание 3-му батальону поторопиться с занятием Литижа и направить подошедший из Дмитровска 2-й батальон в Шулеевку.

[3-я кавалерийская] бригада генерала Оленича выдвигалась в общем направлении на деревню Погодино, и непосредственной связи с ней не было. На правом фланге в Кромском районе полковник Барбович дал своему отряду дневку. Противник держался весь день вполне пассивно. Наша разведка доносила, что он сосредоточивается в районе Кромы — Опальково — Новофедотово. Полковник Барбович решил 12-го числа атаковать собирающихся здесь красных и для обеспечения своего тыла и фланга настоял на том, чтобы правофланговые части

Самурского полка заняли район Чувардино — Долженка. Днем сюда подошел 2-й батальон этого полка. В связи с удлинением всего фронта вправо командир Самурского полка продвинулся несколько вправо, а левофланговый батальон, который пришел от Белоги и Поповки в Столбище. Это передвижение побудило сместиться вправо и батальон 1-го [Дроздовского] полка. Днем он отбил попытки красных наступать на Рублино и затем перешел в Поповку (северную), расположенную на более удобной для обороны местности. Противник занимал деревни Абратеево — Бородино. 12 (25) октября полковник Барбович начал наконец наступать. Он стремился охватить противника с запада и приказал 3-му [Дроздовскому] полку атаковать Опальково со стороны деревни Лешня, а [1-й] кавалерийской бригаде двигаться вперед через деревни Мараевку и Масловку и обходить Опальково слева. Правофланговые части Самурского полка должны были выдвинуться в район Кирово — Городище. От Опальково полковник Барбович предполагал вести дальнейшее наступление в сторону деревни Коровье Болото.

На рассвете части отряда выступили с места ночевки. Командир 3-го [Дроздовского] полка повел наступление двумя колоннами. Один батальон двигался от деревни Глинки и составлял боковой отряд для обеспечения со стороны Кром, а другой и полковая команда наступали от деревни Лешня. Права колонна верстах в пяти-шести севернее Глинок обнаружила движение навстречу пехоты красных, удачно атаковала их авангард и почти полностью уничтожили две роты латышей. С главными силами противника завязался упорный бой. Левая колонна встретила противника только у Опальково. Здесь они своевременно обнаружили наше движение, заняли оборонительную позицию и оказали серьезное сопротивление. [1-я] кавалерийская бригада наткнулась на красных у деревень Мараевка и Масловка и тоже была задержана их упорным сопротив-

лением. Бой развернулся на всем фронте отряда. Со стороны противника по-прежнему действовали части Латышской дивизии. Около 11 часов, после горячего и жесткого трехчасового боя, 3-й [Дроздовский] полк ворвался в Опальково и захватил одно орудие, два зарядных ящика и пять пулеметов. Правофланговый батальон тоже разбил противника, отбросил его на север и двинулся на Опальково, но подошел уже после взятия села. [1-я] кавалерийская бригада долго задерживалась у Мараевки красной пехотой и подошла к Опальково только около 14 часов. Полковник Барбович оставил для обеспечения своего тыла в Опальково 1-й конный полк и дивизион гусар и около 16 часов продолжил наступление на Новофедотово и Коровье Болото. Путь следования оказался свободным от противника. Только у Новофедотово 3-й полк [Дроздовский] встретил отступающую с юга, со стороны Кром, латышскую конницу и рассеял ее артиллерийским огнем. Латышские всадники, попав под беглый огонь, побросали пики и скрылись в ближайших перелесках. Отряд занял Новофедотово уже в темноте и расположился в ней на ночевку. Передовые части конницы заняли Коровье Болото и двинули серию разъездов в сторону станции Нарышкино.

Западнее полосы продвижения группы полковника Барбовича красные сами перешли в наступление. Их Червонно-казачья бригада атаковала вдоль реки Кромы правофланговые части Самурского полка, вынудила их поспешно отступить к селу Кошелево и устремилась на тыловые пути отряда полковника Барбовича. У деревни Красная Роща она захватила части обоза на обывательских поводах с огнестрельными припасами и отбила направляемых в тыл пленных. Главные силы красной конницы сосредоточились в Красной Роще, а ее разъезды наводнили весь район деревень Лешня, Глинки, Колки, Чувардино. Севернее Дмитровска на Столбище и Поповку наступали пехотные части красных. Особенно упор-

ный бой произошел у Поповки. Здесь с утра на три роты 1-го [Дроздовского] полка противник начал наступать со стороны Абратеево и начал охватывать их правый фланг. Одновременно наступление велось и с севера от Пальцево. После полудня красные заняли Рублино и стали сильно наседать и на левый фланг. Батальон вел тяжелый бой, охваченный полудугой противника, и упорно оборонял занятые позиции. Перед сумерками обнаружилось появление красной пехоты в лесах у деревни Алёшенка (северная) и ее распространение на пути отхода батальона. Это обстоятельство вынудило начать отступление на Дмитровск. Сюда же отошел и батальон Самурского полка из Столбища. Оборона участка севернее города была возложена на самурцев, а роты 1-го [Дроздовского] полка перешли в деревню Алёшенка (южная) и выслали наблюдение на реку Нерусу западнее Дмитровска.

12-го числа наступление на Севском направлении продолжалось. 1-й [Дроздовский] полк оставался главными силами в экономии Лопандино и на станции Комаричи. Передовые его части находились на линии деревень Жадино — Голынь — Бочарово. На участке 2-го [Дроздовского] полка красные сами на рассвете перешли в наступление от деревни Угревище и оттеснили сторожевое охранение к постоялым дворам. У постоялых дворов завязался оживленный бой. На поддержку к 1-му батальону подошли части 2-го. Южнее 3-й батальон утром занял Литиж и продолжал продвигаться вдоль реки Усожи на Ступино. От Комаричей на участке 2-го [Дроздовского] полка слышался сильный огонь, и в штаб 1-го [Дроздовского] полка поступили сведения о затруднительном положении. В связи с этим командир 1-го полка [полковник Туркул] выслал 4-ю роту от Бочарово на Козинки для содействия 2-му [Дроздовскому] полку. Появление на фланге противника решило бой у Козинских постоялых дворов. Движение с севера вынудило противника отходить на де-

ревню Добрич и хутор Ступино, но здесь их внезапно на большой дороге атаковал 3-й батальон и привел в полное расстройство. Части 2-го [Дроздовского] полка преследовали отступающих красных и заняли Добрич и Ступино. О движениях в этот день [3-я кавалерийской] бригады генерала Оленича не имеется никаких сведений. Во всяком случае, на ее участке не произошло ничего замечательного. На большой дороге из Севска в Дмитровск противник проявлял более энергичную деятельность. 12-го числа его разведывательные части появились у Кузнецовки всего в десяти верстах от Дмитриева. Ряд данных указывал на намерение [красных] наступать и в этом направлении.

13 (26) октября наше наступление на Севском направлении замерло. Действующая здесь группа красных развернулась на широком фронте от большой дороги на Дмитриев до реки Усожи и имела левофланговые части на северном ее берегу. [3-я] кавалерийская бригада генерала Оленича разбросалась на фронте от Погодино до Кузнецовки и в силу этого не была способна к значительным активным действиям. 2-й [Дроздовский] полк оказался предоставленным самому себе перед лицом превосходящих сил противника и не мог продолжать дальнейшее наступление. Советский источник сообщает, что перешедшая в наступление 8 (21) октября Севская группа была отброшена обратно сильными контратаками[73]. Уже 10-го числа встреченное ею сопротивление побуждает командующего Южным советским фронтом [А. И. Егорова] приказать 12-й армии сменить части 46-й стрелковой дивизии, а командующему 14-й [Советской] армией использовать их для операции в Севском районе. Борьба на этом участке приобретает все большее значение. После неудач 11-го и 12-го числа красные в общем держались пассивно, по-видимому, выжидая подхода новых частей.

13 (26) октября день на участке 2-го [Дроздовского] полка прошел спокойно. Полк располагался главными си-

лами в Козинских дворах и Литиже, имея передовые части в Добриче и Ступино. Большой прорыв с конницей, правофланговые части которой находились у Погодино, вызвал назначение 2-го батальона для его охраны. Батальон вечером выступил из Шулеевки и заночевал в Литиже. В районе Комаричей царило полное спокойствие. Предполагалось, что противник опять возобновит атаки на 2-й [Дроздовский] полк, и поэтому 1-й [Дроздовский] полк утром выслал одну роту с орудием через Быково для демонстрации наступления на запад. Эта рота обогнула большую дугу и вернулась обратно без значительных столкновений с противником. К северо-западу от Комаричей красные владели переправой у Неруских Дворов и железнодорожным мостом. Восточнее их части находились на северном берегу Нерусы. В Дмитровском районе противник продолжал наступление и во второй половине дня атаковал значительными силами город. Его артиллерия сильно обстреливала позиции батальона Самурского полка. Перед вечером батальон был сбит, оставил Дмитровск и отошел на Боброво. 1-й батальон 1-го [Дроздовского] полка ввиду крайне неудобной позиции у деревни Алёшенка (южная) с занятием красными города отошел в Поповку (южная).

В Кромском районе 13-го числа произошел перелом. Наступление отряда полковника Барбовича сорвалось, и он начал отход. Поступившие ночью сведенья о прорыве в тыл красной конницы побудили полковника Барбовича воздержаться от дальнейшего наступления. Утром отряд оставался в занятом районе. В северном направлении противника не было, наши разъезды подходили к станции Нарышкино и доносили, что она почти пуста. Днем латышская пехота повела наступление на Опальково с северо-запада и запада. Наши конные части, поддержанные немного спустя двумя ротами 3-го [Дроздовского] полка, испытывали энергичный напор противника и с трудом удерживали село. Полковник Барбович принял

решение отойти за Крому и приказал начать отступление через Опальково. При подходе 3-го [Дроздовского] полка к последнему оно было уже занятым латышами, и полку пришлось выбивать их. Овладев селом, полк выслал для преследования отступающих в сторону Масловки красных команду пеших разведчиков, которая захватила ночью пленных 3-го Латышского полка. Конные части преследовали правее разведчиков. Под прикрытием преследующих частей главные силы прошли через село Опальково и продолжали движение за Крому. Конница противника очистила занятые ею деревни без боя. Уже ночью отряд прибыл и расквартировался в деревнях Колки и Красная Роща.

Этим эпизодом окончилась наша последняя попытка наступать в Орловский район. Помимо других причин, надо подчеркнуть, что в неудачах наступления полковника Барбовича значительную роль сыграла неправильная система действий. Он все время стремился к методическому развитию действий в условиях именно не допускающих методизма. При несоответствии сил обеих сторон с пространством единственными способами обеспечить операцию являлись быстрота и энергия наступления. Постоянные остановки и перерывы, практикуемые полковником Барбовичем, только помогали противнику приводить свои части в порядок и организовывать сопротивление на фронте и контрудары на флангах.

3
Третий период

Севская операция

В общих чертах развитие борьбы на главном направлении представлялось в следующем виде: с занятием Орла Эстонская дивизия продвигалась вдоль железной дороги с упорными боями и с трудом медленно оттесняла корни-

ловцев. Западная ударная группа, направленная директивой от 7 (20) октября в прорыв между Корниловской и Дроздовской дивизиями от Кром на Фатеж и Курск, вела ожесточенную борьбу и не могла сдвинуться. Корниловцы успели произвести перегруппировку и энергичными атаками отбросили 2-ю бригаду Латышской дивизии от линии железной дороги. Левофланговые части их вышли 9 (22) октября на фронт Любаново — Дубовик — Тулубеево — Хомуты. Большие потери вынудили приостановить наступление на этой линии. Южнее, 3-й Марковский полк с дивизионом Черноморского конного полка высадился на станции Дьячья и двинулся на Кромы[1]. В это время западнее города собралась группа полковника Барбовича и завязала бой с латышами на фронте Колки — Долженка. Этими мерами прорыв был стянут, наш фронт успел сомкнуться, и ударная группа втянулась в напряженные бои, в которых долго не могла достигнуть решительных успехов. Советский источник подчеркивает, что на Орловском направлении Эстонская и Латышская дивизии вели крайне упорную борьбу севернее станции Змиевки и в районе Кром[74]. Энергичный удар из района Чувардино мог в этой обстановке иметь весьма важные результаты, но события на Севском направлении значительно ослабили собранные здесь войска, и, кроме того, эта группа не попала в руки достаточно предприимчивого и смелого начальника. Момент оказался упущенным.

Наступление противника от Севска принимало все больший масштаб. В связи с сопротивлением ударной группы красное командование придавало ему первостепенное

[1] О действиях этого полка мне не удалось собрать никаких сведений. О нем известно только, что он подходил к самым Кромам и, кажется, занимал город, но в дальнейшем потерпел сильное поражение от латышей. Сводки главнокомандующего упоминают о занятии Кром (сводка от 9 (22) октября) и оставление города (сводка от 11 (24) октября). Советский источник глухо упоминает, что Кромы были заняты нами, но сейчас же были опять заняты латышами.

значение. Хотя противник был остановлен и даже отброшен боями 11-го и 12-го числа, он все же не был разбит и ему удалось образовать широкий Севский фронт, привлекавший с нашей стороны все бóльшие силы и вызывавший самое серьезное внимание по своему значению фланговой угрозы всему корпусу. Борьба на Севском направлении вызвала и непосредственное ослабление войск, назначенных в распоряжение полковника Барбовича, и лишила его группу опоры в прочно занятом фронте, способном к наступательным действиям для обеспечения операции. Весь Дмитровский район был занят слабыми и разрозненными частями, и это позволило красным легко парализовать успех группы полковника Барбовича. Неудача этого наступления сводила борьбу в Орловском районе к безнадежным фронтальным боям с превосходным противником.

На остальном участке 1-го армейского корпуса наши части продолжали держать инициативу в своих руках и одерживали успех в районе Ельца. Общая обстановка побудила отвести 12-го числа наши войска из города Новосиль. В Воронежском районе с октября развивалась упорная борьба с конницей Буденного и правофланговыми дивизиями 8-й советской армии. 11 (24) октября части генерала Шкуро оставили город в силу обхода противника с юга. Советский источник следующим образом характеризует положение: восточнее Орла 13-я армия не имела решительных успехов; 9-я стрелковая дивизия действовала весьма нерешительно[75]; 3-я стрелковая дивизия заняла Новосиль. На участке 42-й стрелковой дивизии наступал противник и занял 13-го числа станцию Донскую и развивал успех в сторону Ельца, Лебедяни и Липецка, но в этот же день конница Буденного разбила генерала Шкуро и заняла Воронеж[1]. Командующий Южным фронтом [А. И. Егоров]

[1] Фактически занятие Воронежа красными произошло 11 (24) октября.

приказал Буденному главными силами двинуться в район Курска, остальным очистить от противника район Липецк — Елец — Землянск — Воронеж. Левее 1-го армейского корпуса противник наступал против 2-й кавалерийской дивизии и оттеснял ее части на путях к Глухову и Кролевцу. На первом направлении красные заняли к 11 (24) октября села Горелое и Собачево, а на втором — Райгород.

Таким образом, общее положение на главном Московском направлении складывалось для нас в средних числах октября весьма неблагоприятно. Наши войска продолжали упорно бороться с превосходным противником, но их усилия достигали предела. Непрерывные бои изматывали части, а потери их обессиливали. Небольшие резервы, бывшие в распоряжении 1-го армейского корпуса, израсходовались, пополнения из запасных частей полков [были] исчерпаны, и питать борьбу дальше было некем. Затяжка борьбы в одном районе лишила полки притока добровольцев, происходившего при занятии новых городов, и этим отняла главный источник пополнения частей. Потери в боях начинали серьезно сказываться и только в незначительной мере покрывались постановкой в строй пленных красноармейцев. Численность 2-го [Дроздовского] и Самурского полков заметно сократилась, и им уже не под силу было занимать [весь] прежний фронт.

Обстановка вынудила нас на ряде участков перейти к обороне. Это тоже было весьма неблагоприятным моментом, имевшим свой особенный, именно к данным обстоятельствам относящийся, смысл. Маневренная способность наших и красных войск значительно разнилась. Несравненно более квалифицированный командный состав в строевой массе наших войск делал их более инициативными и предприимчивыми, и условия встречной борьбы при прерывчатом фронте были наиболее благоприятны для нас. Большинство младших начальников красных войск не были способны находиться в быстро

меняющейся обстановке маневренных боев, терялись и отступали перед слабейшим, но более энергичным противником. Условия обороны с нашей стороны позволили красным выбирать направления и участки наступления, методично развивать движение, наступать сплошным фронтом, связывать наши слабейшие численно части боем с фронта и использовать прорывы между ними. Борьба в такой обстановке поднимала дух красноармейцев и увеличивала их боеспособность. Кроме того, пополнение делало красных менее чувствительными к потерям, чем нас. Численный состав [Дроздовской] дивизии к середине октября достигал всего 4000 штыков, а две бригады 1-й кавалерийской дивизии насчитывали несколько более 1000 шашек. Эти части занимали непомерно большой фронт протяжением приблизительно в 90 верст.

С неудачей наступления группы полковника Барбовича встал вопрос о дальнейших действиях. Тяжесть давления со стороны противника на Севском направлении, сковавшая нашу свободу и сыгравшая столь важную роль в неудачных наступательных попытках в Кромском районе, вызывает решение прежде всего развязаться с этой группой красных. В связи с этим было решено перейти к обороне на северном фронте, на Орловском и Брянском направлениях и собрать достаточные силы для перехода в наступление на Севском направлении. Дроздовской дивизии было приказано отвести к своему правому флангу группу, выдвинутую в Кромском районе, и произвести перегруппировку с целью выделения нужных сил к Дмитриеву. Корниловской дивизии отводилась параллель станции Змиевки. 14 (27) октября начальник [Дроздовской] дивизии [генерал Витковский] отдал приказ 3-му [Дроздовскому] полку отойти к правому флангу Самурского полка, в район деревни Чернь, а 1-й кавалерийской бригаде следовать к Дмитриеву. Начало перегруппировки на остальном фронте дивизии находилось

в зависимости от времени подхода бригады полковника Барбовича в Дмитриев.

14 (27) октября на фронте [Дроздовской] дивизии прошло относительно спокойно. На правом фланге 3-й [Дроздовский] полк еще не получил приказа об отходе и перешел в село Бельдяшки с целью занять более выгодное положение по отношению к путям, идущих от Кром. Из Бельдяшек установилась связь с 3-м Марковским полком, стоявшим в селе Гостомля. Самурский полк располагался на линии деревень Хальзево — Харючево — Боброво. Перед вечером противник стал наступать от Дмитровска и вытеснил батальон 1-го [Дроздовского] полка из Поповки (южной), который отошел в хутора на трактовой дороге. В районе Комаричей и Ступино вновь возобновились наступательные попытки красных со стороны Брасово и Севска. 1-й [Дроздовский] полк легко отразил наступление передовыми частями, а на участке 2-го [Дроздовского] полка противник с боем занял Добрич и Ступино. Батальон 2-го полка отошел из этих пунктов в Козинские постоялые дворы. 2-й батальон продолжал движение с целью заполнить прорыв с 3-й кавалерийской бригадой, прибыл в село Причиж и выслал заставу в Евдокимовку.

15 (28) октября намеченная перегруппировка уже начала осуществляться. [1-я кавалерийская] бригада полковника Барбовича выступила к Дмитриеву. 3-й [Дроздовский] полк выступил из Бельдяшек, через Гостомлю и Ломовец отошел в указанный ему район и занял участок от Черни до Кучеряевки. Управление 3-м и Самурским полками было объединено в руках командира 2-й бригады полковника [М. А.] Звягина со штабом в Михайловском. Путем сокращения фронта, достигаемого отводом назад выдвинутого к Комаричам участка, предполагалось снять 1-й [Дроздовский] полк и образовать из него и двух бригад 1-й кавалерийской дивизии ударную группу для наступления на Севском направлении. Но передвижение

здесь задерживалось необходимостью дать время 1-й кавалерийской бригаде совершить марш к Дмитриеву.

15-го числа боевая деятельность носила эпизодический характер, но наступательные попытки красных усиливались. На правом фланге они еще не успели войти в соприкосновение с нашими войсками, занявшими новую линию. От Дмитровска началось наступление на юг, и у Боброво шел бой. В районе Комаричей противник дважды наступал от Быхово на Голынь и Бочарово. Ему оказывали сильную поддержку бронепоезда, которые выдвинулись от железнодорожного моста и обстреливали огнем дальнобойных орудий станцию и поселок Комаричи. Контратаки наших частей оба раза отбрасывали красных. На Нерусе обнаружилось накапливание противника на южном берегу. Командир полка сознавал, что нельзя допустить красных утвердиться на южном берегу и с целью иметь возможность более внимательно наблюдать за переправами и своевременно атаковать на них противника, а также с целью стеснить деятельность красных бронепоездов приказал 3-му батальону занять Кокино. Батальон выступил из экономии Лопандино и выбил из Кокино заставу противника. Его появление побудило поспешно отойти за реку все переправившиеся здесь мелкие партии.

2-й [Дроздовский] полк занимал прежний участок. Один батальон был отведен в резерв в деревню Кубань (орловскую). На левом фланге красная конница совершила налет на Евдокимовку и уничтожила в ней заставу 2-го батальона. Положение было восстановлено без боя высланной ротой. На самом левом фланге, на Дмитриевской дороге, наша конница имела успех и выбила части противника из деревень Фатеевка и Быковка, причем порубила батальон 410-го стрелкового полка.

Приказом по [1-му армейскому] корпусу переход в наступление на Севском направлении назначался на 17-е число. Приказом по [Дроздовской] дивизии

на 16-е число 2-й бригаде [было] поручено оборонять участок Чернь — Опойково — Привич[1]; 2-му [Дроздовскому] полку [участок] Власовка — Литиж — Евдокимовка, а 1-му [Дроздовскому] полку [было] приказано, оставив батальон на участке Власовка — Кузнецовка — Хлебтово в подчинение командиру 2-го полка, остальными [силами] сосредоточиться в Дмитриеве. Боевые столкновения затянули перегруппировку, и 1-й [Дроздовский] полк не успел прибыть в срок в Дмитриев, а конница нуждалась в дневке после больших переходов.

16 (26) октября противник появился перед фронтом 3-го [Дроздовского] полка и занял деревни Ломовец, Рыжково и Яблонец. Перед вечером его разведывательные части приблизились к линии сторожевого охранения и завязали с ним ружейную перестрелку. В Дмитриевском районе противник возобновил днем атаки на Боброво и Привич и к вечеру овладел обоими селами. Самурцы отошли в Трояново и Амонь. На Нерусе красные продолжали переправу у Талдыкиной, Ворониной и Черневой. Около полудня значительные силы их потеснили заставу 1-го батальона 1-го [Дроздовского] полка из деревни Домахи и заняли ее. Батальон выслал одну роту на перекресток дорог для прикрытия со стороны Дмитровска, а двумя перешел в контратаку на Домаху, охватывая ее с двух флангов от перекрестка дорог и от деревни Малое Кричино. 3-я рота стремительно ворвалась в село и перехватила путь отступления красных через плотину у пруда. В ее руки попали 300 пленных при 7 пулеметах 159-го полка 18-й стрелковой дивизии. Этот полк только что прибыл с Архангельского фронта и первый раз попал в бой. В районе Комаричей противник вел свое обычное ежедневное наступление от Быхово на Голынь и Бочарово,

---

[1] Приказом по 2-й бригаде 3-му [Дроздовскому] полку [был] поручен участок Чернь — Ждановка — Кучеряевка, а Самурскому — Опойково — Харючево — Боброво — Привич.

которое легко отбивалось контратаками 2-го батальона. На Севском направлении на участке 2-го [Дроздовского] полка день прошел спокойно. Южнее красные наступали в районе Погодино — Меркулово и теснили 3-ю кавалерийскую бригаду к Дмитриеву. На большой Севской дороге их части снова появились перед Кузнецовкой.

Приказ о перегруппировке поступил в штаб 1-го [Дроздовского] полка после полудня, и немедленно были сделаны распоряжения о порядке сворачивания полка и сбор его у Кузнецовки. В первую очередь снялся 3-й батальон и в 15 часов выступил из Кокино. В 16½ часов начался отход от Комаричей. 1-й батальон задержался с боем у Домахи и только в сумерках прошел Упорой. У Кузнецовки полк собрался в общую колонну и, оставив в распоряжении командира 2-го [Дроздовского] полка 13-ю и 14-ю роты в деревне Власовка, пеший эскадрон архангелогородских драгун[76] в Кузнецовке и команду пеших разведчиков в Хлебтово[1], продолжал движение через Неварь на Дерюгино. После изнурительного марша в непроглядную осеннюю ночь по размокшим от дождей лесным дорогам полк на рассвете подошел к Дерюгино и остановился в нем на большой привал. 2-й [Дроздовский] полк, выжидая прохода 1-го полка через свою линию, начал перегруппировку только вечером. 3-й батальон перешел из Козинских постоялых дворов в Литиж. Резервный батальон остался в деревне Кубань (Орловская), а штаб полка и полковая команда ушли в деревню Кубань (Курская).

17 (30) октября 1-я кавалерийская дивизия (без одной бригады) и 1-й [Дроздовский] полк должны были сосредоточиться в районе Дмитриева. Взятие красными сел Боброво и Привич создавало угрозу прорыва северного оборонительного фронта дивизии, и Самурскому

---

[1] Командиру полка удалось добиться разрешения у командующего бригадой оставить сборный батальон, чтобы сохранить в своих руках силы для предстоящих активных действий.

полку было приказано восстановить положение. С утра холодная и сырая погода последнего времени сменилась морозной, с пронзительным ледяным ветром. В воздухе начали реять белые мухи первых снежинок. Перед полуднем 1-й [Дроздовский] полк выступил из Дерюгино и перешел в Дмитриев, где расположился по квартирам.

На Севском направлении день прошел совершенно спокойно. Здесь происходили только мелкие боевые столкновения, в результате которых 3-я кавалерийская бригада еще несколько поддалась назад. На Брасовском направлении красные, обнаружив наш отход из района Комаричей, начали энергично преследовать [нас] и после полудня потеснили пеший эскадрон и команду конных разведчиков из Кузнецовки и Хлебтово. Наши части, поддержанные двумя ротами 2-го [Дроздовского] полка, перешли в контрнаступление, но не смогли овладеть Кузнецовкой. В бою определились силы красных у Кузнецовки — не менее чем в полк пехоты. Самурский полк перешел в наступление на Боброво и овладел им. На участке 3-го [Дроздовского] полка противник повел наступление на фронт Чернь — Ждановка, но вел бой неэнергично и создал впечатление сильной боевой разведки. Перед вечером полк перешел в контрнаступление частью сил, отбросил противника и занял деревню Похвасново. Красные отошли на Ломовец и Яблонец. С наступлением темноты полк занял старое расположение.

17-го числа сосредоточение сил для перехода наступление на Севском направление закончилось. Вечером на станции в Дмитриеве состоялось совещание, на котором присутствовали генералы [Я. Д.] Юзефович, [В. К.] Витковский, [И. И.] Чекотовский, полковники [К. А.] Кельнер и [А. В.] Туркул. В результате был принят следующий план действий. Наступающая группа подчиняется начальнику 1-й кавалерийской дивизии [генералу Чекотовскому] и действует двумя колоннами: правая, 1-я кавалерийская

дивизия под личным командованием генерала Чекотовского, наступает через Меловое и Меркулово на Осоцкое и левая, 1-й Дроздовский и 1-й конный генерала Алексеева полки под командой полковника Туркула, наступает по большой Севской дороге через Кузнецовку и Фатеевку на Пробожье Поле. Общей задачей группы являлось: разбить Севскую группу противника, овладеть Севском и развивать дальнейшее наступление на север в направление Брасово — Навля. Дроздовская дивизия должна [была] в первый период операции активно оборонять свой фронт, а затем предполагалось [ее] общее наступление на север.

В ночь с 17-го на 18-е разразилась сильная вьюга. К утру земля была покрыта уже толстым слоем снега, а вьюга продолжалась. С рассветом войска снялись с квартир и выступили на сборные пункты. Какие-то части кавалерии запаздывали, и пехоте пришлось выжидать на ветру и снегу. Через некоторое время двинулись по указанным направлениям. Колонна полковника Туркула состояла из одиннадцати рот, двух эскадронов, двенадцати орудий и одного конного полка. Она прошла в Кузнецовке через небольшие передовые части нашей конницы и у Фатеевки вступила в бой с красными. Погода заставила красных прижать охранение к самой деревне, и они сразу же попадали в затруднительное положение. Несмотря на это, их пехота оказывала упорное сопротивление и несколько раз пыталась переходить в контратаки. Сосредоточенный напор 1-го [Дроздовского] полка и смелая работа артиллерии быстро решили дело, а дивизион архангелогородцев порубил на большой дороге бегущих. Колонна безостановочно продолжала наступление. Только у Пробожьего Поля противник пытался снова оказать сопротивление и подтянуть свежие силы, но меткий огонь нашей артиллерии и вид наступающей в сомкнутых массах пехоты побудил его к отступлению, не принимая боя. Колонна заняла Пробожье Поле и расположилась в нем

по квартирам. Разведка 1-го конного полка установила, что села Поповкино и Глубое не заняты красными. Правее [1-я] кавалерийская дивизия с боем заняла Осоцкое.

19 октября (1 ноября) части группы выступили дальше с задачей овладеть Севском. [1-я] кавалерийская дивизия наступала через Гапоново — Юшино. Колонна полковника Туркула двигалась через Доброводье — хутор Юрасов. Вьюга продолжалась всю ночь. К утру мороз покрепчал, и сильный ветер гнал ледяные иглы падающего снега и поземку. Снег слепил глаза и забивался во все прорехи. Погода крайне затрудняла марш и бой. Красные занимали Доброводье частями 1-й бригады 46-й стрелковой дивизии. По-видимому, состояние погоды побудило их выставить сторожевые охранения только на окраине села. 1-й [Дроздовский] полк вышел на командующие над деревней бугры, и только здесь красные обнаружили его движение. Густые цепи их вываливались из крайних домов и заняли околицу. Наша артиллерия лихо выехала на позицию в середине действительного ружейного огня и открыла огонь по красным. Головная рота атаковала и ворвалась в село, захватив один пулемет. Красные поспешно отступали, бросая убитых и раненых. Вся колонна быстро двинулась вперед с целью возможно скорее выйти на противоположную окраину длинного села и начать преследование. Скоро почти все части втянулись в улицу, занесенную глубокими снежными сугробами с только что набитыми узкими санными путями. Движение по улице оказалось очень трудным. В это время красные перешли в энергичную контратаку южнее села, нанеся сильные потери нашим развернутым в боевом порядке ротам, и вынудили их отступать. В некоторых местах нам пришлось оставить раненых, и красноармейцы добили их на глазах наших стрелков, что внесло страшное ожесточение в бой.

Дальнейшее развитие успехов красных грозило всей нашей артиллерии, которая в сугробах улицы не могла

ни развернуться, ни повернуть назад. Полковник Туркул лично на рысях повел вперед 1-й конный полк и дивизион архангелогородцев к лесу северо-западнее села и бросил их оттуда в конную атаку во фланг и тыл наступающему противнику. Внезапность и направление атаки дали блестящие результаты. Конница разбила красных и в несколько минут смяла весь их боевой порядок. Особенно лихо атаковали архангелогородцы, которые дошли почти до противоположного фланга противника. Помимо большого числа зарубленных в наши руки попало несколько сот пленных и пулеметы. Выяснилось, что почти полностью уничтожен 406-й стрелковый полк, а 408-й сильно потрепан. Остатки противника панически бежали на Сенное и Погребы. Полковник Туркул безостановочно продолжал преследование разрозненных групп красных, отступающих на хутор Юрасов, и занял его на их плечах без сопротивления. Противник пытался уничтожить мост через Сев, но не успел, его сопротивление на весьма сильной позиции за мостом было быстро ликвидировано, и 1-й [Дроздовский] полк ворвался в город, захватывая на улицах бегущих. Красные оставляли Севск, бросая все. По занятию города передовые части выдвинулись в Новоямское, хутор Марицкий и на реку Сосницу, а главные силы расположились в городе по квартирам.

[1-я] кавалерийская дивизия продвигалась в этот день без боя и заняла Гапоново. В боях 18 и 19 октября (31 октября — 1 ноября) наша активная группа нанесла у Фатеевки и Пробожьего Поля поражение 2-й (137-й) бригаде 46-й дивизии и отбросила ее в северном направлении. Небольшие части этой бригады оторвались и отошли к Севску. У Доброводья произошел бой с 1-й (136-й) бригадой 46-й дивизии, снятой с правого фланга 14-й [советской] армии и сосредоточенной для удара на Дмитриев. В состав этой бригады входили, хотя и сравнительно небольшой численности, но зато весьма хорошего качества, полки.

В частности, уничтоженный 406-й стрелковый полк носил название коммунистического и состоял из хорошо обработанного в политическом смысле элемента. Этот полк погиб полностью, и, по подслушанному по телефону донесению командира его, в нем оставалось всего тридцать боеспособных людей с поставленными в строй обозниками. В течение всей ночи на 20-е число нами подслушивались из Севска, по особо установленному телефонному аппарату, переговоры между советскими штабами. Разгром 1-й бригады и наши стремительные успехи у Севска создали у красных панику, которая еще более усиливалась передачей нами ложных известий. Знание нами расположения частей противника и их командного состава было настолько обстоятельно, что адъютант 1-го [Дроздовского] полка[77] более часа беседовал с начальником дивизии в Середине Буды, и у последнего не возникло сомнений по поводу передаваемых сведений. Через некоторое время начальник дивизии ориентировал на основании наших ложных известий другого командира полка и сделал распоряжение о поспешном отводе обозов и артиллерии из Орли в Середина Буда. К утру телефонная связь с противником оборвалась. Со взятием Севска и разгромом действующих здесь частей была достигнута первая цель предпринятой операции, а именно — ликвидация угрозы левому флангу [Дроздовский] дивизии, и теперь предстояло уже наступление в целях использовать достигнутые результаты для нового перехода в наступление на север.

20 октября (2 ноября) в Севск прибыл штаб 1-й кавалерийской дивизии и части 1-й бригады. Генерал Чекотовский решил возложить на 1-ю [кавалерийскую] бригаду полковника Барбовича задачу: активными действиями обеспечить Севск с запада, а 1-й [Дроздовский] полк при содействии 3-й [кавалерийской] бригады двинуть для атаки в тыл противника, еще задерживающегося против левого фланга 2-го [Дроздовского] полка. Командиру 1-го [Дроздовского] пол-

ка [полковнику Туркулу] указывалось иметь в виду предположение [вести] в дальнейшем наступление на путях к Брасово и с установлением связи с частями 2-го [Дроздовского] полка войти в подчинение начальника своей дивизии. 3-я бригада оставалась 20-го числа в районе Гапоново — Юшино. Восточнее значительные силы красной пехоты повели наступление от Коробкино на юг. Красные быстро продвигались вперед и, не встречая нигде наших частей, достигли было Пробожьего Поля, заставив своим появлением сняться посты летучей почты и произведя панику в небольших обозных колоннах, подтягивающихся к Севску. Пехотные цепи уже заняли Пробожье Поле, как вдруг, безо всякой видимой причины повернули назад и поспешно ушли на Коробкино. По-видимому, к этому их побудили действия нашей кавалерии, которые оставались нам неизвестными.

В период развития Севской операции на оборонительном участке [Дроздовской] дивизии бой достигал наибольшего развития на правом фланге. 18 (31) октября на участке 3-го [Дроздовского] полка прошло спокойно. Правее 2-й Корниловский полк с боем занял село Ломовец, но удержаться в нем не смог. У Самурского полка шли ежедневные бои с переменным успехом в районе Боброво, но они не выходили из рамок местного значения. Перед 2-м [Дроздовским] полком 18-го красные сами очистили занятые ими накануне Кузнецовку и Хлебтово, и их снова заняли наши передовые части. 19-го числа красные перешли в наступление от Ступино и Березовца на Литиж и Прудки (южные), но в результате боя были отбиты и отошли в исходное положение. На правом фланге полка они потеснили 13-ю и 14-ю роты из Власовки и роты отошли в Амонь.

19 октября (1 ноября) произошел серьезный бой на участке 3-го [Дроздовского] полка. С утра латыши повели наступление большими силами от Рыжково и Похвасново против фланга. Скоро бой распространился на весь фронт. На правый фланг пришлось направить полковой

резерв, и с его прибытием наши части перешли в контратаку. Противник оказывал упорное сопротивление, и только после продолжительного боя его удалось отбросить. В это время на левом фланге пехота и конница красных вытеснила две роты из Опойково, и они отошли к Плоскому. Полковник Манштейн, воспользовавшись успехом на правом фланге, собрал освободившиеся силы в Кучеряевке и в 15 часов перешел в контрнаступление на Опойково от станции Кучерявиново и Плоского. К вечеру красные были выбиты из деревни и полк занял старое расположение. В этом бою части 3-го [Дроздовского] полка понесли серьезные потери. Правее полка Корниловская дивизия вела упорные бои на фронте Самурского полка.

20 октября (2 ноября) прошло в эпизодических столкновениях. На участке 3-го [Дроздовского] полка было спокойно. Противник, понесший накануне большие потери, оставался пассивным. У самурцев продолжался бой в районе Боброво. Взятие красными Власовки побудило 2-й [Дроздовского] полк занять передовыми частями Неварь. Левее противник вновь потеснил команду наших разведчиков из Кузнецовки. Со взятием нами Севска у красных разрушилась связь между войсками, действовавшими в районе железной дороги Навля — Льгов и в районе Середина Буда. Еще 20-го числа красная пехота оставалась в районе Коробкино — Лукино. Нами предполагалось, что такое вклиненное расположение красные сохраняют потому, что еще не успели сориентироваться в положении под Севском и их отход отсюда произойдет в ближайшие часы. С целью атаковать противника во фланг 1-й [Дроздовский] полк и 3-я кавалерийская бригада были направлены 21-го числа от Севска на Ступино. Вялость и нерешительность, проявленная во всех предыдущих боях генералом Оленичем, побудила предоставить 1-му [Дроздовскому] полку самостоятельность, и по приказу 3-й кавалерийской бригаде указыва-

лось оказывать содействие наступлению 1-го полка, войдя с ним в связь в районе Швечиновых Дворов.

Утром 21 октября (3 ноября) 1-й [Дроздовский] полк выступил из Севска. У Новоямского произошла продолжительная задержка, вызванная провалом моста через Сев. Движение происходило по большаку на Дмитровск. Наши разъезды нигде не обнаружили противника. На высоте Швечиновых Дворов установилась связь с разъездами [3-й кавалерийской] бригады генерала Оленича. Только к сумеркам юго-западнее села Избичня была замечена впереди небольшая колонна пехоты, двигавшаяся от большой дороги в сторону Лукино верстах в пяти от наших головных частей, почти тылом к ним. Вперед была вызвана артиллерия, которая беглым огнем рассеяла эту колонну. После этого эпизода 1-й [Дроздовский] полк продолжил движение и уже в полной темноте занял село Избичня. Появление передовых частей полка вызвало паническое бегство из села красных обозов. И 1-й [Дроздовский] полк, и 3-я кавалерийская бригада заночевали в селе Избичня с круговым охранением.

На остальном фронте [Дроздовской] дивизии продолжались боевые столкновения. На участке 3-го [Дроздовского] полка противник занимал все ближайшие населенные пункты впереди и с ним все время происходили мелкие столкновения. У Самурского полка продолжались бои за Боброво. Красные занимали это село, лежащее в низине, а батальон самурцев удерживал село Привич, расположенное на буграх. Ежедневно между этими селами происходили бои с переменным успехом, но дело ограничивалось только отступлением одной из сторон к своему селу. С занятием Власовки красные начали охватывать левый фланг полка, и 2-му [Дроздовскому] полку было приказано восстановить положение. Во исполнение этого задания 1-й батальон 2-го полка сосредоточился в деревне Неварь, повел наступление на Власов-

ку и с боем занял ее. На остальном участке полка было спокойно. После 20-го числа установилась морозная погода, которая сильно стесняла войска в смысле маршей, несения сторожевой службы и расположения на отдых.

С 21 на 22 октября (с 3 на 4 ноября) 1-й [Дроздовский] полк и 3-я кавалерийская бригада ночевали среди расположения красных. Неожиданное появление наших частей у села Избичня заставило красных поспешно очистить район деревень Березовец и Прудки (северные) и занять отведенными отсюда частями и резервами Ступино, Добрич и Угревище, расположившиеся на сильно командующем и удобном для обороны северном берегу реки Усожи. Южнее красная пехота продолжала оставаться в районе Лукино — Коробкино и, по-видимому, только ночью получила сведения о занятии нами села Избичня. В штабах 1-го [Дроздовского] полка и 3-й [кавалерийской] бригады имелись о противнике только самые неопределенные сведения. Ночью красные бежали из Избични вдоль Усожи на деревню Мостечня. Разъезды установили занятие противником Ступино. Река ограничивала распространение наших разъездов ночью, и присутствие красных в Добриче и Угревище оставалось нам неизвестным. Утром наступление должно было продолжаться на Ступино, у которого находилась сдвинутая на этом участке исправная мостовая переправа. [3-я] кавалерийская бригада вытягивалась через южную окраину деревни и двигалась вдоль большой дороги, 1-й [Дроздовский] полк — через северную окраину, и должен был двигаться по полевой дороге, идущей на Ступино приблизительно параллельно реке.

Только колонна полка вытянулась из деревни и показалась из небольших перелесков, как попала под артиллерийский огонь со стороны Добрича. Открытый и низкий южный берег Усожи не предоставлял артиллерии 1-го [Дроздовского] полка сколько-нибудь сносной позиции, и для открытия огня ей пришлось отъехать в сторону большой дороги. В этот трудный момент от-

крыла огонь конная батарея и прикрыла передвижение и развертывание наших артиллерии. Заняв позиции, вся наша артиллерия обрушила огонь на красную пехоту, расположенную на открытых буграх у Ступино и Добрича, и заставила отойти ее за гребень. Колонна 1-го [Дроздовского] полка под прикрытием артиллерийского огня быстро продвигалась вперед, прошла мост и заняла Ступино. У моста ее обстреляли дальним огнем гаубицы с юго-востока с участка 2-го [Дроздовского] полка. К счастью, их огонь не нанес потерь и скоро прекратился[I]. Заняв Ступино, полковник Туркул предполагал дальнейшее наступление на Комаричи, выдвинув авангард в сторону Добрича[II], а с остальными частями полка задержался в Ступино до установления связи со 2-м [Дроздовским] полком и передачи через него ориентировки о своих дальнейших намерениях. В это время у Березовца с юга появились цепи, двигающиеся на север. Представлялось весьма вероятным, что это выдвигается левофланговая часть 2-го [Дроздовского] полка, но скоро разъезды установили, что это противник. Полковник Туркул повернул последний батальон и двинулся в Ступино. У северной опушки леса произошел крайне упорный и ожесточенный бой. После кровавой схватки на коротких дистанциях батальон сбросил красных в глубокие лесистые балки, и бой принял характер избиения. В наши руки попало одно орудие, много пулеметов и несколько десятков пленных. Красные проявляли редкое упорство даже в самых тяжелых условиях. Борьба в лесу и перелесках изобиловала моментами край-

---

[I] Интересны мотивы, по которым прекратил огонь командир 7-й гаубичной батареи полковник [И.К.] Камлач. Наблюдая разрывы снарядов, удачно ложившиеся прямо на дорогу, он заметил, что пехота сохраняет полный порядок и продолжает движение в колоннах, не делая попытки разбиться или разворачиваться в цепи, и пришел к заключению, что это не могут быть красные.

[II] 2-й батальон.

него напряжения. Части противника, еще не вступившие в бой, устремились западнее леса с целью уйти на север мимо села Избичня. В этой группе находилась почти вся артиллерия. Красные отходили на наших глазах толпами, в полном беспорядке, но у пехоты не было под рукой свободных сил, чтобы их преследовать. [3-я кавалерийская] бригада генерала Оленича позорно бездействовала, оставаясь в колоннах восточнее села Избичня и позволила расстроенному противнику безнаказанно спастись[1].

---

[1] Я лично наблюдал следующее. При виде бегущих толп красных, пересекающих большую дорогу, полковник Туркул посылал хоть какую-нибудь часть, чтобы бросить им наперерез, но поблизости ничего не было. Роты 3-го батальона еще не собрались после лесного боя, и на его участке еще щелкали выстрелы, вызванный 1-й батальон был еще далеко. Поблизости стояла сомкнутая колонна Сводно-уланского полка. Полковник Туркул обратился к его командиру [Г. П. Апрелеву] с просьбой атаковать красных, горячо убеждая его не упустить случай. Простым глазом верстах в двух — двух с половиной впереди виднелись беспорядочные толпы [красных], бегущих вперемешку с артиллерийскими запряжками и разными повозками. Их состояние характеризуется, например, таким фактом: поток бегущих хлынул через наш обоз с огнеприпасами и хлебом, подтягивающийся за полком от Севска. Красноармейцы бежали мимо повозок и сопровождающих их стрелков, никого не трогая. На просьбы полковника Туркула командир Сводно-уланского полка двинул свои эскадроны рысью. Я сел на коня и поехал по передовым частям конницы. Вперед на широкой рыси въехала редкая разомкнутая линия всадников. Из бегущих толп красных защелкали беспорядочные выстрелы. Почти сейчас же послышались команды командира «пока шагом». Огонь был самый пустяковый. Сомкнутые эскадроном [уланы] стали уклоняться влево, подошли к окраине Избичной и остановились. Редкая линия всадников приблизилась к потоку бегущих шагов на тысячу, остановилась и стала постреливать в них с коней. Действия Сводно-уланского полка производили прямо гнетущее впечатление. Если конница была неспособна атаковать в таких условиях, то значит она вообще не способна атаковать когда-либо. Целая батарея и несколько сот пленных были бы несомненными трофеями при атаке. Причем считаю долгом подчеркнуть, что начальники оказались не способными пустить конницу в атаку. Что она бы сделала, будучи в атаке, я, конечно, судить не могу (т. е. о качестве рядовой массы).

Разрозненные группы красных сдались у Березовца в количестве около 150 человек подошедшим частям 2-го [Дроздовского] полка, а у моста через Усожу — около 100 человек ездовым и обозным 1-го [Дроздовского] полка. В этом бою со стороны красных были 409-й и 410-й полки, понесшие страшные потери. Среди брошенных трупов оказалось два командира батальонов. Захваченные позже документы свидетельствовали о выбытии почти всего командного состава и полном расстройстве частей. Наш 3-й батальон тоже понес тяжелые потери. В нем был убит один ротный командир и тяжело ранен другой[1]. После боя у Березовского леса и с выяснением отхода последних частей красных 1-й [Дроздовский] полк снова собрался в Ступино и двинулся через Добрич на Угревище. Наступившая ночь заставляла остановиться в последнем.

На всем остальном фронте [Дроздовской] дивизии 22-го числа красные перешли в наступление, и целый день шел сильный бой. 1-й батальон 2-го [Дроздовского] полка был вытеснен из Власовки и отошел на хутор на полпути в Неварь. На Самурский полк противник наступал на всем участке от Харланово до Привича. 3-й [Дроздовский] полк вел упорный бой с латышами. Рядом контратак удалось остановить их продвижение, и бой начал стихать. Вечером выяснилось, что правее в степи у корниловцев прорвалась конная группа красных в сторону Фатежа. Кавалерия противника заняла Малаховку, Фатеж и устремилась в тыл Корниловской дивизии на Поныри. В связи с этим 2-й и 3-й Корниловские полки были отведены на линию Петровское — Глазуновка — Тачин, а 1-й [Корниловский] полк перевезен на поездах в Малоархангельск и [вы]двинут для ликвидации прорыва. На участке [Дроздовской] дивизии 3-й [Дроздовский] полк принял более сосредоточенное положение, а резервный батальон Самурского

[1] В батальоне было всего три роты.

и дивизион иркутских гусар [были] направлены в деревню Толбищево с целью перейти в наступление на Малаховку.

23 октября (5 ноября) выдался на редкость морозный день. Наступление 1-го Корниловского полка для ликвидации прорыва красных развивалось успешно. Он разбил противника у Ольховатки и занял Самодуровку и Теплый Колодец. Красная конница оставила Фатеж и отошла на Нижний Реут. Батальон самурцев и иркутские гусары прибыли в деревню Толбищево. Наступление этого отряда было отменено в силу донесения корниловцев о ликвидации прорыва, и ему было приказано оставаться на месте. На участке 3-го [Дроздовского] полка латыши снова повели серьезное наступление. Сначала бой носил оживленный характер, но затем жестокая стужа парализовала активность обоих сторон, до сумерек продолжалась бесцельная перестрелка. У Самурского полка произошел ряд коротких столкновений, кончившихся, в общем, ничем. Перед 2-м [Дроздовским] полком красные продолжали оставаться на всем фронте от Власовки до Козинки. Освободившийся в силу выдвижения 1-го [Дроздовского] полка на левом фланге 1-й батальон был переведен к правому флангу в Хлебтово. Прочие части полка остались на старых местах.

Утром 1-й [Дроздовский] полк продолжал наступление от Угревища в сторону Неруских Дворов. При подходе к деревне Анаже были замечены густые цепи красных, спускающихся к деревне по открытым снежным склонам со стороны Бочарово. Наша артиллерия обстреляла их сильным огнем и заставила отойти обратно. При дальнейшем движении наши батареи вынудили 14-ю кавалерийскую бригаду очистить деревню Мостечня и поспешно отойти на северо-запад. После этих эпизодов колонна полка продолжала марш спокойно и заняла село Шарово, в котором остановилась на привал. Наши разъезды установили, что все близлежащие окрестности свободны от противника. Из опроса жителей выяснилось, что перед нашим при-

ходом из села ушел штаб красной бригады. При осмотре дома, в котором он квартировался, на столе была найдена телефонограмма с приказанием штабу бригады ввиду потери связи с частями и полной неизвестности их судьбы отойти за Нерусу. Полковник Туркул решил повернуть на восток с целью попытаться перехватить железную дорогу в тылу бронепоездов противника и атаковать пехотные части, если они еще не успели отойти. Полк от Шарово направился на Быхово. Пройдя это село, колонна повернула на Голынь, выслав эскадрон архангелогородских драгун на деревню Жадино с целью перехватить уходящие из Комаричей обозы и взорвать железнодорожные пути. На фоне покрытых снегом полей движение не удалось скрыть от глаз противника, и от Комаричей стали отходить бронепоезда, открывшие сильный артиллерийский огонь по дорогам у деревень Голынь и Жадино. Наши батареи в свою очередь обстреляли их. Бронепоезда спешили уйти за Нерусу. Полк в сумерках прошел Голынь и уже в полной темноте занял Комаричи. Передовой конный отряд захватил в поселке телефонистов, сматывающих сеть, а в ближайшие часы наше охранение перехватило еще несколько групп квартирьеров и ординарцев, прибывающих с юга. Ряд найденных документов наглядно доказывал тяжесть боев последнего времени для красных.

В Севском районе противник снова повел наступление с запада и оттеснил [1-ю кавалерийскую] бригаду полковника Барбовича к самому городу. 23-го числа бой шел у деревень Бересток и Коростовка. [3-я кавалерийская] бригада генерала Оленича снималась с фронта, и ее предполагалось перебросить на внутренний фронт против повстанцев[1].

24 октября (6 ноября) ночью разразилась сильная метель и вьюга, продолжавшаяся почти весь день. В связи с выдвижением 1-го [Дроздовского] полка, 2-му [Дроздовскому]

[1] Брянской бригады.

полку было приказано перейти в наступление и выдвинуться на линию Комаричей. 1-й батальон занял деревню Власовку. 3-й батальон, наступая от Литижа вдоль железной дороги, обнаружил красных в Дерюгино. По-видимому, эти их части потеряли всякую связь со своими и были в полном неведении об окружающей обстановке. Батальон охватил деревню кольцом и после упорного сопротивления, оказанного несколькими группами, захватил 200 пленных при 8 пулеметах 15-го советского полка[I]. 1-й [Дроздовский] полк оставался в Комаричах, предоставив отдых своим стрелкам после стольких маршей. В районе железной дороги со стороны противника перешла к нам рота 2-го стрелкового полка[II] с командным составом и пулеметами.

В Севском районе красные отбросили [1-ю кавалерийскую] бригаду полковника Барбовича и заняли город. В связи с этим 1-й [Дроздовский] полк выслал 2-й батальон в деревню Анажа для наблюдения за путями вдоль реки Усожи и разведки в сторону Севска.

На фронте 2-й бригады [дроздовцев] происходил большой бой. Еще до рассвета латыши начали наступление на участке Чернь — Ждановка против частей 3-го полка. Атаки противника быстро распространились на весь участок 3-го [Дроздовского], а затем и Самурского полков. После нескольких часов упорной борьбы красным удалось овладеть Чернью, но около 11 часов контратакой резервов 3-го полка положение было восстановлено. На участке 3-го [Дроздовского] полка после этого наступило относительное спокойствие, хотя огонь с обеих сторон не затихал ни на минуту. У Самурского полка бой продолжался, и местами он вынужден был уступить противнику некоторые пункты своего расположения. Ведение боя

[I] В истории 2-го полка название части не указано, и приведенный здесь номер взят из оперативной сводки штаба главнокомандующего.

[II] Обстановка на фронте вынудила ее опять ввести в бой, но на другом участке.

сильно затруднялось холодом и сильной метелью. Около 15 часов латыши вновь атаковали большими силами на фронте Чернь — Хитровка. Их стрелковые цепи наступали в большом порядке и проявляли исключительное упорство. Свирепствовавшая метель временами нагоняла непроглядную снежную пелену, которая вовсе прикрывала противника. Сильный мороз затруднял владение оружием, и по наступающим открывали огонь только в упор. Ожесточенный бой шел на самых коротких дистанциях и стоил обеим сторонам много крови. Правее полка конница красных двигалась на юг. Перед вечером обстановка еще осложнилась сильным наступлением на левом фланге полка на Плоское. С нашей стороны были израсходованы все силы. Гаубичный взвод расстрелял все патроны и был отправлен в тыл. Полковник [В. В.] Манштейн решил отойти к Волково, но приказал держаться до темноты. Батальон с напряжением всех сил удержал свои позиции. В сумерках огонь затих, и полк начал сворачиваться. Только около 24 часов все части [3-го Дроздовского] полка собрались в Волково. За день из строя выбыли свыше 400 человек. К вечеру Самурский полк тоже был вынужден отходить и осадил на линию Лобаново — Трояново. 1-й Корниловский полк продолжал наступление, но встретился с крупными силами и вынужден был отойти на линию Теплый Колодец — Молотычи. На остальном фронте Корниловской дивизии шел упорный бой.

С поражением Севской группы противник опять начал энергичные наступления в Кромском районе вдоль шоссе на Фатеж. С 21-го числа здесь развилось большое сражение, в котором наши части были вынуждены подаваться назад и расширять и без того большой прорыв между корниловцами и дроздовцами. Наши успехи западнее, в районе железной дороги Льгов — Навля, должны были беспокоить красное командование и предоставляли нам выгодное положение для маневра во фланг, но изматыва-

ние частей, их малочисленность и величина пространства делали такой маневр только теоретически возможным. Новое взятие Севска красными в связи с их продвижением на Фатеж приобретало особенно грозное значение. Тем не менее наше выдвижение к Комаричам вызвало значительный переполох у противника. 24-го числа он собирает значительные силы на фронте деревень Робское — Любощь — Упорой и 25-го числа переходит в наступление на юго-запад на линию железной дороги.

С нашей стороны 1-й [Дроздовский] полк продолжал оставаться в районе Комаричи — Анажа. 2-й [Дроздовский] полк в связи с отходом Самурского полка задержал свой правофланговый батальон во Власовке, а 3-й продолжал наступать от Дерюгино на Упорой. С утра погода была туманная. Батальон 2-го [Дроздовского] полка завязал встречный бой на пути к Упорою, а сторожевое охранение 1-го [Дроздовского] полка было атаковано у Лобаново и станционного поселка. 1-й батальон поднялся по тревоге и перешел в контрнаступление. Бой на всем фронте принял характер встречного. Сильный огонь слышался на всем протяжении от большой Дмитровской дороги до экономии Лопандино. 1-й [Дроздовский] полк скоро стал теснить красных к Захарово и в направлении Робского. Пехота их несла значительные потери и начала постепенно отходить, стремясь оторваться от наседающих на нее наших стрелковых цепей. Разъезды полка вошли в экономию Лопандино, а пехотные цепи остановились на линии Захарово. У 3-го батальона 2-го [Дроздовского] полка бой еще продолжался, но вскоре ему удалось сломить превосходные силы противника, охватив их фланги двумя ротами. Эти роты наступали с большой энергией и ворвались в Упорой, угрожая тылу красных. На мосту они захватили одно орудие в запряжке. Противник всюду прекратил бой и начал поспешно отходить к переправам на Нерусе. Нажим красных на правом фланге [Дроздовской] дивизии продолжался. Их движе-

ние в охват его вызвало приказ 3-му батальону Самурского полка и дивизиону иркутских гусар перейти в наступление от Толбищево и отбросить противника. Отряд выступил из деревни, в ближайшем лесу встретился с сильными латышскими частями, понес серьезные потери и должен был отступать. В связи с этим и положением правее у Корниловской дивизии 3-й [Дроздовский] полк отводился без боя в деревню Толченая. Его передовые части остались в Макарово — Куракино — Черняково. Уже к вечеру завязался бой у Макарово. Красные было заняли село, но собранный сюда один батальон предпринял контратаку и отбросил противника. Левее Самурский полк отошел под сильным нажимом красных на фронт Разветье — Ожево — Лубашево.

Таким образом, успехи на левом фланге [Дроздовской] дивизии в районе дороги совпали с кризисом на правом. Здесь наши части просто выдохлись, истекли кровью и без подкреплений не могли продолжать борьбу в старом масштабе. Корниловская дивизия отходила под сильным нажимом красных на фронте Удырево — Орлянка — Поныри. В Фатежском районе 1-му Корниловскому полку совместно со сводным полком 12-й кавалерийской дивизии удалось отбросить красную конницу к Сергиевскому, что на шоссе у верховьев Свапы. На Севском направлении [1-я кавалерийская] бригада полковника Барбовича отбросила наступающие на Доброводье передовые части противника к хутору Юрасов. Опасное положение Дроздовской дивизии, сильно выдвинутой вперед в район Комаричей, и выяснившееся сосредоточение усилий противника на Фатежском и Севском направлениях побудило командира [1-го армейского] корпуса [генерала А. П. Кутепова] приказать ей отойти на линию Остановка[1] — Дерюгино — Доброводье и перейти к обороне.

Этот приказ был отдан 25 октября (7 ноября).

---

[1] Деревня Остановка находится у села Михайловского.

Переход к обороне

Постепенно в упорной и продолжительной борьбе наши силы исчерпывались. Части все слабели, и фронт оказывался занятым пунктирной линией, в которой все увеличивались промежутки между группами наших войск. И сами эти группы делались все меньше и меньше. Несмотря на всю доблесть частей и проявляемое ими упорство, неизбежный финал борьбы быстро приближался. Чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу, нужны были либо новые силы, либо немедленное пополнение войск. В распоряжении нашего командования не было ни резервов, ни контингента пополнения...

Помимо потерь в непрерывных боях наши войска терпели серьезные испытания от состояния погоды. Наступившая рано суровая зима сильно сказывалась на состоянии скверно обмундированных частей. Численное превосходство противника предъявляло повышенные требования к подвижности наших войск, а именно ее стесняли морозы и снега. Холод и бедность района борьбы фуражом тяжело сказывались на состоянии конского состава в артиллерии. В некоторых батареях целые взводы пришлось вывести в ближайший тыл для отдыха. Противник нес большие потери, но они возмещались притоком пополнений, и совершенно разгромленные части через некоторое время опять появлялись на линии боя[78]. Несравненно большая численность позволяла красным предъявлять меньшие требования к подвижности своих

частей и менее обременять их сторожевой и разведывательной службой. Все вместе взятое составляло условия борьбы слишком неравными.

С середины октября перелом начинает ощущаться на всем фронте сражения от Воронежа до впадения Сейма в Десну. Марковцы и алексеевцы вынуждены тоже осаживать частью в силу напора с фронта, частью под влиянием обстановки на соседних участках. Красные наступают от Ельца и Новосиля. На первом направление они 16-го и 17-го вышли на [линию] станция Долгоруково — село Чернава. На втором 20-го числа [красные] заняли Ливны и продвигались западнее. К 26-му правофланговые части марковцев отошли в район Касторной. Правее 27-го противник повел наступление крупными силами против частей генерала Шкуро на фронте село Нижняя Ольшанка — станция Нижнедевицкая — станция Касторная. Алексеевцы на Новосильском направлении к 25-му числу отошли на линию станция Студеная — деревня Моховая, а 26 октября (8 ноября) произошел прорыв трех полков пехоты противника с конницей в направлении на Нижнее Ольховатое — Щигры — станция Охочевка. На участке 5-го кавалерийского корпуса 2-я кавалерийская дивизия отошла к этим числам непосредственно к городам Глухов и Кролевец. Эти города еще оставались в наших руках, но бои шли всего в 10–15 верстах от них. Приказом по [1-му армейскому] корпусу от 25 октября (7 ноября) Корниловская дивизия отводилась на линию Марфеновка — Архангельское — Смородинное — Становое, а Дроздовская — [на линию] станция Остапово — Дерюгино — Доброводье.

26 октября (8 ноября) полки Дроздовской дивизии отходили на указанную им линию. 3-му [Дроздовскому] полку было приказано оборонять участок Остаповка — Михайловка. Отряд из батальона самурцев и дивизиона гусар все время держал уступом за правым флангом и был направлен в район Троицкого. Самурскому полку

был назначен участок от большой дороги из Дмитровска в Михайловку (включая) через Клишино — Богословка до Дерюгино; 1-му [Дроздовскому] полку — деревни Бычки — Красный Клин — Погодино; [1-й кавалерийской] бригаде полковника Барбовича — район села Доброводье; 2-й [Дроздовский] полк отводился в дивизионный резерв в Дмитровск. Приказ об отходе был разослан очень поздно, и в частях [его] получили только ночью, а в некоторых — даже на следующий день утром.

3-й [Дроздовский] полк с утра опять вел бой. Теперь противник сильнее нажимал на левые фланги. Взятие красными Куракино побудило полк отойти в село Солдаты, удерживая передовыми частями линию Андросово — Толченая — Веретенино. Днем происходили столкновения у Толченой, а в сумерках и ночью шел бой в Веретенино. В ночь на 27-е полк отошел на указанный ему участок. Главные силы его расположились в Михайловке, 2-й батальон остался в Остапово, а команда пеших разведчиков в деревне Гнан.

3-й батальон Самурского полка с дивизионом гусар еще днем выступили из села Солдаты, переправились через Свапу и двинулись на Троицкое. Самурский полк занимал 2-м батальоном большую дорогу от Дмитровска, а 1-м батальоном — деревни Клишино и Богословка. Красные наступали по большой дороге и по речке Осмонь. Они заняли село Расторог и начали от него выдвигаться на Михайловку в разрыв между 2-м и 1-м батальонами. Штаб 2-й бригады [Дроздовской дивизии] вечером перешел из Михайловки в Пальцево. 2-й [Дроздовский] полк днем собрался в деревню Кубань (Курскую) и к сумеркам прибыл в Дерюгино, где остановился на ночевку. 1-й [Дроздовский] полк выступил утром из района Комаричей. 2-й батальон шел самостоятельной колонной из Евдокимово двигались общей колонной вдоль железной дороги, взорвав мост у Литижа, а затем разошлись вечером на свои участки: 3-й баталь-

он в Бычки, 1-й батальон в Красный Клин, а штаб полка и полковой команды в Дерюгино. Только к сумеркам части стали по квартирам. На Севском направлении сильная пехота красных вытеснила [1-ю кавалерийскую] бригаду полковника Барбовича из Доброводья и заставила ее отойти к Пробожьему Полю. Вечером с участка 1-го [Дроздовского] полка были видны далекие разрывы шрапнелей.

27 октября (9 ноября) нажим красных продолжался против Самурского полка. 2-й батальон с боем отошел на бугры перед Михайловкой. Левее около полудня пехота противника достигла большой дороги из Михайловки в Пальцево и прервала связь по фронту. Попытки восстановить ее потерпели неудачу. 1-й батальон тоже постепенно осаживал. Его правофланговые части к ночи задержались на северной окраине Пальцево, а левофланговые отошли в Килекино. На участке 3-го [Дроздовского] полка у Остапово день прошел спокойно. Красные заняли Солдаты небольшими частями и продолжали наступление во все расширяющийся прорыв между Корниловской и Дроздовской дивизиями. Они переправились через Свапу восточнее Михайловки, охватили наш отряд для обеспечения правого фланга с севера-запада и оттеснили его в хутор на юго-восток, вклинившись между ним и 3-м [Дроздовским] полком. К ночи их разъезды и небольшие пехотные части достигли района деревни Колесниково. Перед 1-м [Дроздовским] полком противник еще не появился. [1-я кавалерийская] бригада полковника Барбовича отходила под сильным нажимом красных к Кузнецовке. Она была совершенно бессильна против во много раз превосходящих сил пехоты неприятеля. Не было никакой надежды, чтобы ей удалось своими силами остановить или задержать противника. 2-й [Дроздовский] полк вечером прибыл в Дмитриев и расположился по квартирам. К этому времени давление на 2-ю бригаду настолько обострилось, что началь-

ник [Дроздовской] дивизии [генерал Витковский] приказал полку поступить в распоряжение командира ее для короткого удара во фланг наступающим красным. Полковник Звягин опасался, что самурцы не смогут удержать Пальцево, и приказал один батальон направить туда немедленно, а остальным частям полка выступить с таким расчетом, чтобы подойти ранним утром.

27-го числа особенно рельефно определилось наступление противника против обеих флангов [Дроздовской] дивизии. В то время как в районе железной дороги с ним не имелось даже соприкосновения, на правом фланге войска 2-й бригады были оттеснены [красными] непосредственно к реке Свапе, а на левом [фланге противник] крайне энергично наступал от Севска, создавая уже прямую угрозу Дмитриеву и тылу наших частей, действовавших в центре. Несмотря на чрезвычайно опасное положение, не предполагалось уступить противнику северный берег Свапы, и дивизия должна была рядом контрударов удержать свое расположение. На правом фланге с подходом 2-го [Дроздовского] полка предполагалось перейти в контрнаступление от Пальцево. На левом — [1-й] кавалерийской бригаде полковника Барбовича было приказано удерживать Кузнецовку, а 1-му [Дроздовскому] полку выделить часть сил для контрудара с севера во фланг наступающему противнику.

На фронте 2-й бригады ночь на 28 октября (10 ноября) прошла тревожно. Хотя красные нигде не наступали, но то тут, то там, и особенно у Пальцево происходили ружейные перестрелки. В районе железной дороги, на участке 1-го [Дроздовского] полка, противник внезапно атаковал ночью Бычки и ворвался в деревню. 7-я гаубичная батарея выкатила орудия на улицу и открыла вдоль нее огонь. 3-й батальон перешел в контратаку и выбил красных из деревни. Командир 1-го [Дроздовского] полка приказал 1-му батальону утром занять одной ротой Погодино, а 2-му батальону выступить через село Меловое

в направлении Кузнецовки с целью атаковать во фланг красных, наступающих на [1-ю] кавалерийскую бригаду. С рассветом красные возобновили наступление против 2-й бригады. У Михайловки они атаковали позиции 2-го батальона Самурского полка. Батальон проявил очень слабую устойчивость и поспешно отошел через село к мосту, даже не известив 3-й [Дроздовский] полк о своем отходе. Полк оказался застигнутым врасплох. Раньше, чем собрались какие-либо его части, красные успели занять прилегающие к мосту улицы и встречали огнем из-за заборов и домов направившиеся сюда обозы. Отходившая на карьеры батарея в узком переулке, ведущем к мосту, зацепилась головным орудием за угол дома, передняя запряжка запуталась, и в ней сейчас же были перебиты все лошади. В узком переулке нельзя было повернуть остальные орудия, и их пришлось бросить, спасая только часть лошадей. Батальон и полковая команда не могли пробиться к мосту и были вынуждены перейти реку по еще не окрепшему льду. 2-му батальону, начавшему отход из деревни Остапово из-за нарушения связи с Михайловской, тоже пришлось перейти Свапу по льду восточнее села. При этой переправе много повозок оказалось невозможным перевезти, и их пришлось бросить. Полковник Манштейн объединил у хутора южнее моста 2-й батальон самурцев и первые собравшиеся части своего полка и повел их в атаку на Михайловку. Красные уже успели укрыться на весьма выгодной позиции северного берега, и контратака успеха не имела. Полк отошел в Карманово, в котором расположился 1-м батальоном и полковыми командами, а 2-м батальоном занял левобережную часть Рыжково. Остаток дня прошел спокойно, и противник не пытался продвигаться от Михайловки.

У Пальцево на рассвете красные тоже атаковали 1-й батальон Самурского полка и отбросили его к самой окраине села. 2-й батальон 2-го [Дроздовского] полка был

двинут в контратаку и опрокинул противника, захватив пленных и два пулемета. Батальон развивал успех, последовательно заняв Полозовку, Клишино и дошел до южной окраины села Расторог и захватил два орудия, брошенные красными без замков. Здесь противник перешел в свою очередь в контратаку, и батальон был вынужден отходить, не успев вывести орудия. У Полозовки ему удалось задержаться и отбить несколько атак красных. Главные силы 2-го [Дроздовского] полка подошли к Пальцево только в 11 часов. Неудача у Михайловки и нажим противника на Пальцево заставили полковника Звягина отказаться от наступления и до 14 часов полк оставался в резерве. В 14 часов 1-му батальону было приказано сменить самурцев в Килекино и перейти в наступление. Батальон прошел Килекино и атаковал красных у деревни Богословки. После боя противник был сбит, наши цепи заняли деревню и продолжали наступление на Кошкино. Перед фронтом противник отступал, но непрерывный фланговый огонь с востока, с противоположного лесистого берега речки, скоро вынудили отойти обратно к Килекино. 1-й батальон Самурского полка собрался на большой дороге и повел наступление вдоль нее, но был отбит красными. Весь день с первых проблесков рассвета до полной темноты у Пальцево шел очень ожесточенный бой. Наше контрнаступление на правом фланге было сорвано.

На левом фланге большие силы пехоты атаковали конницу полковника Барбовича, и она начала быстро отступать за Свапу в направлении железнодорожного моста, минуя таким образом Дмитриев. В Дмитриеве располагался штаб 1-й бригады [Дроздовской дивизии] с небольшим прикрытием в одну роту 1-го [Дроздовского] полка, обозы двух полков и нескольких батарей. Красные довольно неожиданно появились на пологих возвышенностях у города, и обозы выводились уже под их ружейным огнем. Одна рота прикрытия ничего не могла сде-

лать против подавляющих сил противника и под угрозой окружения, отбиваясь от его передовых частей, тоже отошла за Свапу. Город оставлялся с такой поспешностью, что не успели предупредить полки на фронте. Красные заняли около 14 часов вокзал и город. На станции был брошен поездной состав с огнескладом.

На участке 1-го [Дроздовского] полка возобновился бой у деревни Бычки. Пленными со стороны противника было установлена 4-я бригада 41-й стрелковой дивизии. Неоднократные попытки красных атаковать деревню легко отбивалась ротами 3-го батальона. Их пехота занимала опушку леса и целый день настойчиво повторяла свои неудачные атаки. На железной дороге и у Красного Клина весь день прошел спокойно. Перед Погодиным после полудня с запада появились цепи красной пехоты, которая быстро наступала на деревню. 3-я рота подпустила их на заранее намеченный рубеж и встретила дружным огнем стрелков и пулеметов. Красные понесли большие потери и были отброшены контратакой, оставив в наших руках пленных и раненых 513-го стрелкового полка. Днем связь со штабом бригады внезапно оборвалась, несколько часов спустя, в штаб 1-го [Дроздовского] полка явились бежавшие из Дмитриева обозники и сообщили, что в город вошли густые цепи пехоты противника. От 2-го батальона не было никаких известий. Полковник Туркул выслал разъезд на юг к Дмитриеву и на случай необходимости быстро сосредоточил полк, приказав 1-му батальону оттянуть роту из Погодино. Скоро занятие Дмитриева красными было установлено с несомненностью, и полковник Туркул стал искать связи с частями 2-й бригады, выслав разъезды в сторону Пальцево, но всюду разъезды натыкались на красных, и полк оказался вполне изолированным. Судьба 2-го батальона вызывала большие опасения. Полковник Туркул решил ночью сосредоточить весь полк на станции Дерюгино и про-

биваться на юг. Уже в темноте на станцию неожиданно прибыл 2-й батальон. Оказалось, что он, выступив утром из Погодино, в Меловом поверил сведениям от жителей, что перед ними через деревню прошла большая колонна пехоты противника на Дмитриев и что город уже занят ими. Продвинувшись дальше, батальон убедился в верности этих сведений и повернул на север с намерением соединиться с полком. У хутора Александровского произошла перестрелка его головных разъездов с разъездами 1-го батальона, высланного на юг. Сторонам не удалось опознаться, и командир батальона решил идти на Дерюгино. После наступления темноты 1-му и 3-му батальонам было приказано стягиваться к станции.

У Пальцево с наступлением темноты 2-й батальон 2-го [Дроздовского] полка оттянулся из Полозовки в село, 1-й батальон оставил в Килекино две роты, а остальными [силами] тоже отошел в село. Красные установили за Полозовкой артиллерию и начали обстреливать Пальцево. Положение на участке было тревожное. В это время приехавший из Дмитриева крестьянин сообщил, что противник занял город и движется на деревню Комсуля. Эти сведения сейчас же получили подтверждение, и полковник Звягин решает начать отход за Свапу. В первую очередь команда пеших разведчиков 2-го [Дроздовского] полка была выслана занять Комсулю и обеспечить отход со стороны Дмитриева. Единственным путем отхода оставалась труднодоступная переправа в болотистой местности у деревни Снижа. Только наступившие морозы сделали проходимые длинные гати, тянущиеся к мосту. Первыми начали отход самурцы. За ними двинулся 2-й [Дроздовский] полк, оставив для прикрытия 2-й батальон в Пальцево. Свертывание и отход частей произошли благополучно, но красные заняли Килекино и Пальцево немедленно после их оставления. Переправа у Снижи отняла много труда и времени. Последние части прошли мост только около 3 часов. На южном

берегу Свапы самурцы расположились в деревне Снецкая, а 2-й [Дроздовский] полк в деревне Снижа. Отряд для обеспечения правого фланга дивизии 27-го числа потерял связь с частями [Дроздовской] дивизии. В ночь на 28-е он был атакован в хуторах юго-восточнее Троицкого латышами и отошел на южный берег реки Усожи (фатежской).

В ночь на 29 октября (11 ноября) на северном берегу Свапы оставался только один 1-й [Дроздовский] полк, отрезанный красными, занявшими сильными частями Дмитриев. Река Свапа протекает в болотистых берегах и непроходима вброд. Наступившие морозы местами сковали реку льдом, но он не был еще надежным даже для переправы только людей. Единственный мост имелся у Дмитриева, и, следовательно, полку неизбежно предстояло пробиваться через город. Полковник Туркул принимал все меры, чтобы скрыть от противника сворачивание и отход полка. До наступления ночи почти все части держались на занимаемых ими участках. Дабы обеспечить себя от атаки с тыла во время боя на прорыв, он приказал 3-му батальону в сумерках отойти из деревни Бычки и пустить в нее красных, предполагая через несколько часов атаковать их и отбросить на север. Выступить для прорыва предполагалось с таким расчетом, чтобы подойти к Дмитриеву и завязать бой на рассвете. Пехота противника заняла Бычки после ухода 3-го батальона и, утомленная боем и целым днем пребывания под открытым небом при сильном морозе, расположилась на ночевку. С подходом 1-го батальона, часа через два, полковник Туркул произвел ночную атаку и выбил красных из деревни. Сильный мороз исключал возможность ночевки под открытым небом, а ближайшей деревней на севере была Неварь в десяти верстах, и с полным основанием можно было рассчитывать, что красные после целого дня боев и ночных переходов не будут в состоянии напасть с тыла во время боя под Дмитриевым. После атаки на Бычки 3-й баталь-

он расположился в деревне на несколько часов отдыха, а остальные части стали в станционных постройках и небольшом поселке вокруг. Ночью был слышен отдаленный сильный ружейный огонь, сразу вспыхнувший в сторону Красного Клина. Надо полагать, что это противник брал ночной атакой пустую деревню.

Чтобы обеспечить возможную внезапность нападения на Дмитриев, полковник Туркул выбрал глухую, трудно проходимую дорогу вдоль полотна железной дороги. К назначенному часу выступления полк опять собрался у станции, и колонна начала вытягиваться по дороге. В районе станции было оставлено только небольшое конное наблюдение. Хотя движение по лесной, занесенной снегом дороге с крутыми спусками и подъемами и создавало много затруднений, но в общем оно протекало без особых задержек. Полк вышел из леса и стал приближаться к Дмитриеву даже слишком рано, и пришлось несколько замедлить движение. При первых проблесках рассвета колонна двигалась непосредственно вдоль полотна железной дороги, равняясь с северной окраиной деревни Фокино. Со стороны противника не обнаруживалось никаких признаков сторожевого охранения, что вызывало недоумение. В ближайшей железнодорожной будке, находящейся всего в версте от окраины города, тоже не удалось получить сколько-нибудь определенных сведений. Сторож вызвал еще больше сомнений сообщением, что вечером был сильный артиллерийский бой, и, кажется, Самурский полк занял город. Возникли опасения атаковать своих. Тем временем быстро светало, и больше медлить было невозможно.

Полковник Туркул с западной вершины гребня железной дороги направил 2-й батальон левее полотна с задачей атаковать окраину Фокиной, сливающейся с городом и две роты 1-го батальона с задачей овладеть станцией. 3-й батальон составлял арьергард, а рота 1-го батальона

и полковые команды оставались в резерве у будки. Скоро движение наших наступающих частей было замечено противником, и со станции защелкали первые ружейные выстрелы, которые вызвали тревогу: число стреляющих винтовок быстро возрастало, и скоро из-за поездных составов и станционных пакгаузов кипел уже частый огонь множества стрелков. 1-й батальон безостановочно продолжал наступление, перешел через две глубокие балки, с трудом протащив через них свои пулеметы и двинулся для атаки станции. 2-й батальон наступал по постепенно перегибающейся местности, имея самый ничтожный обзор, и не мог наблюдать, что делается перед ним. С участка 1-го батальона было видно, как у противника к крайним домам толпами сбегались красноармейцы и, видимо, готовились к контратаке. Через несколько минут, как только цепи двух рот 2-го батальона появились перед окраиной, противник густыми массами устремился против них. В первое же мгновение были убиты оба ротных командира и понесены тяжелые потери. Роты начали поспешно отходить. Противник неотступно преследовал их. Но только красные появились в поле зрения нашей артиллерии, как она обрушилась на них огнем всех орудий. Гаубичная батарея буквально засыпала густые толпы красных прыгающими бомбами с замедлением, и их страшные разрывы нанесли большие потери и произвели громадный моральный эффект. Брошенные в бой резервные роты 2-го батальона быстро продвигались вперед и при могучей поддержке артиллерии ворвались на окраину.

К этому времени 1-й батальон уже овладел станцией и захватил в здании вокзала знамя и канцелярию 414-го советского стрелкового полка. 1-я рота заняла позицию в сторону города и сильно обстреливала лежащую шагах в пятистах окраину его, еще занятую противником. Один взвод 1-й роты был выдвинут по Севской дороге, для обеспечения с этой стороны, а три взвода находи-

лись в резерве. В ближайший момент группы красных появились со стороны Кузнецовки на Севской дороге и это направление пришлось прикрыть еще одним взводом. Бой на этом участке разгорелся, и сюда двинулась последняя полурота резерва в батальоне. Город только постепенно очищался 2-м батальоном, и рота, занимавшая позицию в его сторону, еще не освободилась. Полурота 4-й роты, двигавшаяся от станции южнее большой дороги, вышла на гребень и неожиданно увидела отступающую параллельно ей от старого города трехорудийную батарею противника. Красные артиллеристы снялись с передков и открыли огонь на картечь. Полурота поспешно раздавалась в сторону обоих флангов, вела непрерывный огонь и с редкой доблестью наступала на орудия, стремясь охватить их с двух сторон. Скоро в батарее оказались перебиты почти все лошади и большая часть номеров, а остальные не выдержали и бросились бежать. Полурота овладела вполне исправными орудиями с передками, понеся при этом значительные потери убитыми и ранеными картечным огнем.

Пока разыгрывался эпизод со взятием батареи, небольшие силы красных перешли в контратаку восточнее железной дороги, со стороны старого города. Полное отсутствие резервов делало положение критическим, но командир батальона успел подтянуть правофланговые взводы роты от вокзала и ими отбить красных. В следующие минуты 2-й батальон поравнялся со станцией и в силу этого освободил последние взводы, занявшие позиции в сторону города. Разрозненные части противника, отходившие от старого города и находившиеся на Севской дороге, пришли в известный порядок. По-видимому, к ним подошли подкрепления, и они повели наступление на всем протяжение между железной дорогой и Севским большаком. Завязался упорный бой. 4-я рота оборонялась по обе стороны большака, позже была введена пополуротно и 1-я рота, и в ру-

ках командира батальона не оставалось больше резервов. Красные особенно ожесточенно наседали на взятую нами батарею и ее пришлось бросить. На всем участке наши цепи начали постепенно отходить к станции, все время останавливаясь и отстреливаясь от наступающего противника. По просьбе капитана [Е. Б.] Петерса, 2-й батальон передал ему единовременно бывший под рукой взвод. Командир полка, наблюдавший бой от железнодорожной будки, направил на поддержку 1-му батальону одну роту и приказал артиллерии перенести огонь на его участок. Командир батальона лично повел взвод 2-го батальона в контратаку. Появление этой ничтожной поддержки ободрило наши осаживающие цепи, они опять двинулись вперед, и контратака сделалась общей. Красные не выдержали и начали отступать. Батарея перешла вновь в наши руки. Противник был окончательно сломлен, и только на Севской дороге одиночный всадник несколько раз останавливал отступающих и вел их в новые контратаки. 4-я рота каждый раз останавливала эти попытки. Бой здесь затянулся до тех пор, пока, наконец, лучшими стрелками роты не удалось снять красного всадника. Державшаяся до этого пехота стала поспешно отходить на Кузнецовку. Убитый оказался помощником командира 414-го полка, бывшим штабс-капитаном Ионовым.

После этого эпизода бой всюду затих. 2-й батальон собирался на южной окраине города, 1-й батальон — юго-западнее станции. Полковник Туркул приказал всему полку сосредоточиться у станции. 3-й батальон, находившийся во время боя на северной окраине деревни Фокиной для прикрытия обозов и обеспечения полка с севера, оставил здесь одну роту и двинулся к станции. Обозы и артиллерия стали переходить крутую балку с обледенелым спуском и подъемом. Повозки и пушки сгрудились на дне балки и с большим трудом, по одиночке, вытягивались на подъемы. В это время красные появились на доро-

ге от Дерюгино и быстро продвигались к городу. Создалось затруднительно положение. Бывшие в бою батальоны еще не собрались и находились в противоположной стороне, 3-й батальон двигался вдоль железной дороги к станции. Столпившиеся на дне балки артиллерия и обозы оказались неприкрытыми и находились в опасности. Положение спасли успевшие подняться из балки взводы артиллерии, открывшие огонь от станции, и оставленная в охранение рота 3-го батальона. Она открыла с окраины огонь своими пулеметами по наступающим с фронта, а сама двинулась в охват их флангов. Красные повернули обратно и скрылись за гребнем из поля нашего зрения. Полк стал располагаться в городе по квартирам, выставив сторожевое охранение [в сторону] Пальцево, села и станции Дерюгино и Кузнецовки. Наиболее сильно охранялся участок между балкой, тянувшейся от деревни Кузнецовка-Докторовка и железной дороге.

Из Дмитриева была выбита 3-я (138-я) бригада 46-й стрелковой дивизии в составе 412-го, 413-го, 414-го полков. Пехота красных понесла громадные потери и большей частью рассеялась. Трофеями были пять легких орудий, знамя 414-го, бывшего 55-го, советского полка и все находившиеся в городе обозы. Значительные силы красных точно устанавливались захваченными документами. На убитом Ионове была найдена суточная рапортичка личного состава 414-го полка, где число строевых было показано несколько более 3000 человек. Полки 412-й и 413-й были значительно меньше состава и насчитывали приблизительно от 800 до 1000 штыков каждый. В общем боевой состав занявшей Дмитриев группы документально устанавливался в 4500 штыков. 1-й [Дроздовский] полк в это время насчитывал всего 1200 штыков, а если считать всех бойцов в батальонах, командах и приданной артиллерии, то [его силы] только чуть превосходили 2000. С полком действовало всего семь ору-

дий[I]. Присутствие духа, умелое руководство и твердая вера в свое оружие отдали победу в руки полка, и он проложил себе дорогу в столь трудных условиях. В 1-м и особенно во 2-м батальонах были значительные потери. Через несколько часов противник снова появился дороге от Дерюгино и занял Кузнецовку-Докторовку. Наступление пехоты поддерживал взвод артиллерии. Весь остаток дня на окраине Крупца шел вялый огневой бой. С наступлением ночи перестрелка не прекращалась. Красные стрелки заняли избы, разбросанные по лесистой балке, подходившей к городу от Кузнецовки-Докторовки, и до утра непрерывно перестреливались с нашими заставами на самых небольших дистанциях. Еще днем телефонная линия в тылах была починена и установлена связь со штабом 1-й бригады [Дроздовской дивизии], отошедшим на станцию Конышевка. Начальник дивизии [генерал Витковский] приказал полку удерживать Дмитриев.

На участке 2-й бригады с рассветом 29 октября (11 ноября) полковник Звягин начал устраивать подчиненные ему части. 3-й [Дроздовский] полк по-прежнему занимал участок Рыжково — Карманово[II]; Самурский полк сосредоточился в Снецкой; 2-й [Дроздовский] полк занял фронт Погорельцово — Мокрыж — Растригино — Снижа и один батальон выделил в бригадный резерв в селе Генеральшино. Отдельно действующий отряд из батальона самурцев и дивизиона гусар находился приблизительно в районе деревни Липцы. День прошел спокойно. На переправе через Свапу у Снижи происходила ружейная перестрелка.

В ночь на 30 октября (12 ноября) противник повел наступление на Карманово со стороны Михайловки и выбил 3-й [Дроздовский] полк из села. Верстах в двух-трех

[I] Одна 48-мм гаубица, две 45-мм гаубицы, две 33-мм пушки и две русских трехдюймовых пушки.

[II] В полку оставалось около 500 штыков.

к югу полк собрался в колонну и отошел в деревню Петриновку, куда прибыл с рассветом. Утром Самурскому полку было приказано восстановить положение и овладеть Карманово. Красные тоже начали наступать и вытеснили роту 2-го [Дроздовский] полка из Погорельцово. Она отошла к своему батальону в Мокрыж. Отсюда весь батальон перешел в контратаку. Правее двинулся Самурский полк от Снецкой. Наше наступление успешно развивалось, и самурцы овладели Карманово, а 2-й батальон 2-го полка занял Погорельцово. Было около 11 часов. Около полудня противник начал обходить Самурский полк, продвигаясь на деревню Злобино. Бригадному резерву[1] было приказано занять эту деревню. Когда батальон подходил к деревне, красные уже втягивались в нее. Батальон атаковал противника, быстро овладел селом и начал преследовать отходящих на север красных. Внезапно его левый фланг охватила конница, пехота опять перешла в наступление с фронта, и батальон был вынужден отойти. Уже в темноте он прибыл в деревню Жигаево.

У Дмитриева в этот день происходило упорное сражение. С раннего утра красные начинают наступать с дорог от села Дерюгино и по обе стороны балки от Кузнецовки-Докторовки. После упорного боя, при энергичной поддержке артиллерии, 2-й батальон отбил все атаки. В самый разгар боя у Крупца противник появился на дороге от Пальцево. Вскоре он здесь усилился и начал стремительное наступление густыми цепями. Выдвинутый сюда 3-й батальон в тяжелом бою встречными контратаками с трудом удержал окраину деревни Ладышной и заставил противника остановиться. Одновременно красные удлинили свой фланг до железной дороги, и до вечера шел бой на всем участке: от реки Свапы до железнодорожного полотна. У противника замечалось постепенное усиление

[1] 1-й батальон 2-го [Дроздовского] полка.

артиллерии. Вместо двух орудий, стрелявших накануне, у него действовало три батареи. Наши части вели активную оборону и все время переходили в контратаки. Положение значительно облегчалось неограниченным запасом артиллерийских и ружейных патронов в брошенном на станции огнескладе. Батарея, расположенная на позиции в районе станции, непрерывно пополняла свои запасы и не стеснялась в расходе патронов. В среднем на орудие приходилось до четырехсот выстрелов в день. Наши стрелки тоже не испытывали недостатка в огнестрельных припасах, все время поддерживая сильный огонь. На линии железной дороги очень смело и энергично работал наш бронепоезд «Дроздовец».

3-й и 2-й батальоны занимали боевые участки, а 1-й оставался в резерве, наблюдая Севское направление. День опять принес большие потери, на этот раз особенно тяжелые в 3-м батальоне. В нем один ротный командир [был] убит[79], а другой ранен. Днем в Дмитриев прибыл начальник [Дроздовской] дивизии [генерал Витковский]. Его поезд по пути был обстрелян у станции Арбузово артиллерийским огнем с правого берега Свапы. Это обстоятельство наглядно доказывало, что Дмитриев охвачен широким полукругом противника, и тыловые пути от него находятся под угрозой. До вечера начальник дивизии был свидетелем напряженного боя, кипевшего у города, но все это не побудило его вывести [1-й Дроздовский полк] из невозможного положения, и он приказал ему оборонять Дмитриев. Это можно объяснить только погоней за пустым внешним эффектом удержания населенного пункта. Удержание Дмитриева, помимо того что оно совершенно не оправдывалось общим положением, было еще рискованно тем, что мост через реку в город, сожженный красными при отступлении, не был восстановлен, вместо него [был] построен новый у старого города. [На пути] к нему приходилось объезжать овраги вдоль железной дороги, дважды

пересекая ее. Прямой путь зимой был доступен только отдельным легким повозкам и людям. Дороги к мосту находились под ударом со стороны Кузнецовки. Вытянутое клином на север положение города создавало непомерно длинный фронт вокруг него, крайне неудобный для обороны своим двухсторонним положением. Для упорной защиты города не могло хватить сил полка, и только то обстоятельство, что противник пока ограничивает свои атаки одним сектором, давало нам возможность отбивать их. Вечером со станции был эвакуирован огнесклад. Для полка было оставлено два вагона.

С наступление темноты бой затих, но ночь проходила тревожно. В линии сторожевого охранения все время возникали перестрелки. Все люди полка спали в полном боевом снаряжении, готовые в любую минуту подняться по тревоге. В начале ночи красные неожиданно удачно обстреляли станцию артиллерийским огнем со стороны Севской дороги. Появление противника на этом, до сего времени спокойном, направлении побудило полковника Туркула двинуться навстречу ему с резервным батальоном и одной батарей с целью разбить его, не допуская к городу. Колонна дошла до бугров на полпути между Дмитриевым и Кузнецовкой. Наши конные дозоры приближались почти к самой деревне и никого не обнаруживали. По-видимому, красные, с которыми происходили перестрелки во время обстрела станции, были просто конным прикрытием батареи. Наши артиллеристы по карте обстреляли Кузнецовку, и колонна вернулась назад. У Крупца всю ночь противник держался в непосредственной близости от наших позиций, чем заставлял нас быть начеку и лишал людей необходимого отдыха. В наших заставах были ясно слышны голоса и перекликание у красных.

Утром опять завязался бой на старом участке дороги от Свапы до железной дороги. Противник проявлял значительно меньше энергии, видимо, его силы истощились

в атаках накануне. Красные особенно сблизились с нами на участке 2-го батальона. Командир полка приказал ему перейти в наступление по Дерюгинской дороге и коротким ударом отбросить противника. Батальон сбил красных с их позиций и, преследуя их в сторону села Дерюгино, занял Кузнецовку-Докторово. Правее, у деревни Ладышной, противник держался сравнительно пассивно. На Севском направлении в начале дня было по-прежнему спокойно. Наша конная разведка установила, что красные по-старому занимали Кузнецовку, но не проявляли деятельности от нее.

Еще задолго до полудня на гребне со стороны Хипецкого появились густые цепи [красных]. Их фронт быстро удлинялся к югу. Противник в больших массах наступал от Хипецкого и Кузнецовки. Белый фон снежных полей покрылся черными полосами непрерывных цепей в несколько линий. 1-й батальон развернулся против нового неприятеля и вступил в ожесточенный бой. Обе стороны производили энергичные встречные атаки при сильнейшем напряжении огня. Пехота несла большие потери, и роты быстро таяли. Положение делалось критическим, все части были введены в бой. В это время обнаружилось наступление еще южнее, на старый город, у которого находился мост через Свапу. Далее к югу противник занял деревни Черная Грязь и Злыдино и появился у железнодорожного моста, но об этом не было известно в 1-м полку. Бронепоезд «Дроздовец» полным ходом направился к Дмитриеву. Здесь уже назревала катастрофа. 2-й батальон, которому с началом наступления от Севска было приказано отойти к городу, находился на линии Кузнецовка-Докторовка; 3-й батальон стоял на Пальцовской дороге у окраины Ладышной и не мог быть снять до отхода 2-го; 1-й батальон надрывался в чрезмерных усилиях остановить превосходящие силы красных на Севском направлении. У старого города противник сбил заставу офицерской роты и занял поселок, перехватив этот единственный

путь отхода. Только у моста одному из офицеров удалось собрать небольшую команду из чинов обоза и удерживаться с ней на самом берегу реки. Узнав о занятии старого города, командир полка бросил сюда в контратаку всех конных артиллеристов и свой последний резерв — офицерскую роту. 2-му батальону он послал приказание, оставив минимум сил у Ладышной до отхода батальона, идти к старому городу и очистить путь к мосту.

В самый критический момент к старому городу подошел бронепоезд «Дроздовец» и открыл по красным губительный картечный огонь. Сборная команда и конные артиллеристы, используя момент, перешли в наступление и оттеснили противника за гребень в сторону деревни Петровское. Правее 1-й батальон ценой громадных потерь[1] вынудил красных остановиться. Его роты на большой Севской дороге с ожесточением отстаивали свои позиции и сломили наступательный порыв противника с фронта, но с правого фланга в охват двигались превосходные силы. «Дроздовец» вышел на станцию и беглым огнем нанес сильные потери красным, уже было смявшим правофланговую роту. В результате этих напряженных, жестоких и кровавых схваток из 1-го батальона, офицерской роты, конных артиллеристов и сборной команды удалось образовать заслон в западном направлении, под прикрытием которого происходил фланговый отход остальных частей полка к мосту. Артиллерия противника усиленно обстреливала дорогу и продолжала наносить потери. Стойкость, упорство и энергия наших частей произвели на противника такое впечатление, что он стал осторожен и медлителен как раз в тот момент, когда надо было сделать только еще одно усилие, чтобы привести нас к катастрофе.

Полк спокойно отошел к старому городу и переправился через мост. Красные на наших глазах входили в го-

[1] Батальон потерял до 40% своего состава.

род со стороны Дерюгино, по железной дороге и от Хипецкого, но не пытались преследовать. Отход полка очень облегчала блестящая работа бронепоезда, долго громившего со станции густые цепи противника и вывезшего два последних вагона с запасом снарядов и патронов. Перейдя Свапу, полк направился для занятия линии Рогозна (2-й батальон) — Сухой Ровец (1-й батальон) — Арбузово (3-й батальон и штаб полка).

В трехдневных боях за Дмитриев полк проявил много доблести и героизма и навсегда может гордиться этими тяжелыми и кровавыми днями, но невольно напрашивается вопрос, стоило ли требовать от него столь громадных жертв и чем оправдывается стремление удержать город, когда противник уже явно развивал операцию в охват и обход флангов дивизии. Едва ли могут быть сомнения в ответе. Трехдневные бои стоили полку почти половины его состава и пяти ротных командиров убитыми[80]. Со взятием нами города на рассвете 29-го числа красные проявляют настойчивое стремление овладеть им обратно и со всех сторон направляют войска к Дмитриеву. К концу боя 31 октября (13 ноября) уже установлено пленными и документами, снятыми с убитых, тринадцать частей, введенных противником в бой.

31-го числа красные вели наступление по всем фронтам [Дроздовской] дивизии. Полки быстро сокращались в численности и, стремясь сохранить связь между собой, постепенно сжимались к середине. Оборонительные бои требовали более густо заполненного фронта, и протяжение занятого дивизий участка заметно уменьшалось. В свою очередь, противник, видимо, стремился сжать дивизию в район железной дороги. На левом фланге, помимо попыток обойти Дмитриев с юга, [1-я кавалерийская] бригада полковника Барбовича обнаружила движение колонн пехоты по западному берегу Свапы на юг. На правом фланге с утра завязался бой. 1-й батальон 2-го [Дроздовского]

полка выступил из деревни Нижнее Жигаево и встретил упорное сопротивление под Злобино. Противник отбивал все атаки батальона и удерживал деревню. У Карманово он снова перешел в наступление и вытеснил из села самурцев, которые отошли на Снецкую. Заняв Карманово, красные продолжали наступление большими силами в сторону Снецкой и главным образом на Мокрыж. 2-й батальон 2-го [Дроздовского] полка был выбит из последнего и отходил по дороге на Растригино. В нескольких верстах восточнее к батальону подошла офицерская рота и им удалось задержаться. Таким образом; на правом фланге фронт боя проходил по линии Злобино — Снецкая и бугры западнее Мокрыжа. Противник на большом протяжении ее сильно наседал. Командир бригады приказал 3-му [Дроздовскому] полку перейти в наступление от Петриновки и содействовать восстановлению положения на участке бригады. Тем временем Самурский полк и батальон 2-го [Дроздовского полка] налаживают связь между собой и переходят в общее наступление. Самурцы и 2-й батальон 2-го [Дроздовского] полка атаковали Карманово; 3-й [Дроздовский] полк наступал между Карманово и Злобино; 1-й батальон 2-го [Дроздовского] полка вел бой за Злобино. Одновременное наступление по всему фронту опрокинуло красных. Они отступали, преследуемые нашими частями. Артиллерийский огонь наносил серьезные потери большим их скопищам, и отступление принимало более беспорядочный характер, пока не превратилось, наконец, в поспешное бегство за Свапу. Противник очистил весь южный берег, и наши части возвратились на линию деревень Злобино — Карманово — Мокрыж.

Таким образом, к ночи на 1 (14) ноября 2-я бригада [Дроздовской дивизии] располагалась на фронте Злобино — Карманово — Мокрыж — Снижа. 3-й [Дроздовский] полк вернулся в Петриновку. 1-й [Дроздовский] полк 2-м и 1-м батальонами занимал Рогозну и Сухой Ровец.

На станции Арбузово не оказалось достаточного числа построек для размещения батальона и команд, и командир полка перевел их в Старую Былицу, оставив на станции взвод пехоты. Командир 2-го батальона вскоре после прибытия в Рогозну получил сведения об отходе 2-го [Дроздовского] полка, решил, что его положение слишком опасно и отошел в деревню Куток, донеся об этом в штаб полка. Штаб 2-й бригады опроверг известия об отходе 2-го [Дроздовского] полка, и полковник Туркул приказал 2-му батальону утром опять занять Рогозну.

1 (14) ноября после рассвета 2-й батальон выступил для занятия Рогозны. Шел сильный снег и ограничивал обзор всего несколькими сотнями шагов. Конная разведка донесла, что деревня свободна от противника, и батальон без всяких предосторожностей втянулся в нее. Вдруг выяснилось, что с другой стороны на занесенную сугробами улицу втягивается колонна красных. После короткого столкновения противник в полном беспорядке бежал за реку к старому городу. В наши руки попало три легких орудия в запряжках, комиссарские экипажи и другие трофеи. Передовые части батальона выдвинулись в лесок севернее деревни. За рекой красные пришли в порядок и начали медленно и осторожно наступать. У леска загорелся ружейный огонь. К этому времени в штабе полка были получены сведения о действительном отходе 2-й бригады [Дроздовской дивизии], и батальону было приказано перейти в деревню Романовку. Батальон прекратил бой у леска и отошел. Противник не пытался преследовать.

На остальном участке полка день прошел спокойно. От Сухого Ровца днем наблюдалось движение [красных] по высотам правого берега Свапы и у деревни Черная Грязь — колонны пехоты противника к югу, в сторону Арбузово. Вечером и в начале ночи у станции Арбузово происходили оживленные стычки наших и красных разведывательных партий. На левом фланге обозначился

глубокий отход [Дроздовской] дивизии. Пехота противника в больших силах переправилась через Свапу у Верхнего Песочного и начала продвигаться в направлении на Конышевку. Наступление противника с упорными боями было задержано [1-й] кавалерийской бригадой полковника Барбовича. В связи с этим движением красных командир 1-й бригады генерал Кельнер приказал 1-му [Дроздовскому] полку один батальон направить в его распоряжение в Конышевку. С получением этого приказа из Старой Былицы выступил 3-й батальон. На участке 2-й бригады день прошел спокойно.

Продвижение противника в район Фатежа создавало все большую угрозу правому флангу [Корниловской] дивизии. Здесь корниловцы вели тяжелую борьбу с латышами и конницей. Ударная группа красных как таковая уже потеряла свое значение и просто составляла одну из фронтовых частей. Превосходство сил противника делало борьбу трудной на всех участках фронта. Корниловская дивизия испытывала сильное давление на всем фронте и особенно на левом фланге. 28 октября (10 ноября) левофланговый полк [корниловцев] отбил атаки на Средний Любеж и Путчино севернее Фатежа. 29-го весь фронт [Корниловской] дивизии вынужден [был] податься несколько назад. На правом фланге [дивизии] были пущены в ход танки. 30-го числа [Корниловская] дивизия отошла на линию Белый Колодезь — Золотухино — Сергиевское — Глебово — Фатеж. 31-го в районе Фатежа корниловцы удерживали [линию] Глебово — Фатеж — Миролюбово. Правофланговый отряд Дроздовской дивизии занимал Радобеж. В ночь на 1 (14) ноября противник особенно энергично атаковал в Фатежском районе и отбросил назад отряд Дроздовской дивизии к Нижнему Жигаеву, а корниловцев выбил из Фатежа. Корниловская дивизия подалась назад на всем своем участке и занимала 1 (14) ноября линию Чуриловка — Батурино — Остапково — Ушаково —

Крюково. Наиболее тяжелое положение создавалось на левом фланге, а левее, в прорыве с дроздовцами, обозначилось движение больших сил красных в район Радобеж — Холчи. В связи с этим командир [1-го армейского] корпуса приказал Дроздовской дивизии, наступлением одним полком в районе Холчи, оказать поддержку левому флангу корниловцев и войти с ними в связь. 2-й бригаде было приказано направить сюда 3-й полк.

Выступление 3-го [Дроздовского] полка было задержано опозданием [приказа], переданного ему 3-й батареей. Он выступил из Петриновки только после полудня и к ночи прибыл в Нижнее Жигаево, в которой уже стоял правофланговый отряд. Сведения о движении противника в прорыв между дивизиями побудили командира 2-й бригады [Дроздовской дивизии] решить оставить один полк для обороны фронта бригады, а другой отвести глубже в тыл в целях приобрести более выгодное расположение для парирования обходов противника. Для осуществления своего намерения он приказал Самурскому полку сменить батальон 2-го полка в Злобино, а 2-му [Дроздовскому] полку стянуться в Генеральшино. Правофланговому отряду в связи с задачей, данной 3-му [Дроздовскому] полку, он приказал наступать на Радобеж. К ночи 2-й [Дроздовский] полк собрался в Генеральшино. Полковник Звягин приказал ему немедленно выступить и отойти в резерв в деревню Нижняя Вабля, а Самурскому — оборонять занятый участок. 2-й [Дроздовский] полк после трудного ночного марша по занесенным снегом дорогам на рассвете остановился в деревне Узник на большой привал.

2 (15) ноября на обоих флангах [Дроздовской] дивизии происходило контрнаступление против обходящих красных. На левом фланге наступала группа из [1-й] кавалерийской бригады и 3-го батальона 1-го [Дроздовского] полка. Противник еще накануне занял Беляевку, и в связи с этим 1-му полку было приказано отойти на

линию деревня Александровка — станция Соковнинка. Утром 3-й батальон 1-го [Дроздовского] полка выступил из Конышевки, соединился с [1-й] кавалерийской бригадой, и они вместе повели наступление на Беляевку. При подходе к ней завязался встречный бой. Наступательное стремление противника было сломлено, но и нашим частям не удалось овладеть деревней. Целый день происходил трудный бой, в котором 3-й батальон опять понес значительные потери. В сумерках бой прекратился, и батальон стал отходить на село Конышевку, а [1-я] кавалерийская бригада в район Красная Слобода — Хрулевка[1].

На правом фланге правофланговый отряд и 3-й [Дроздовский] полк около 10 часов утра одновременно двинулись от Нижнего Жигаево. Самурцы без особого труда заняли Радобеж, а 3-й полк после упорного боя выбил из Суходола части Латышской дивизии. Бой затянулся до вечера, и только в темноте [3-й Дроздовский] полк стал располагаться по квартирам в занятом селе. Ночью красные произвели новую атаку и ворвались в село. По улицам и дворам шла стрельба. Суходол несколько раз переходил из рук в руки. Наконец, полк удержал за собой западную часть, а в восточной оставались латыши.

Утром 2-го на участке 1-го [Дроздовского] полка произошел бой за Арбузово. Еще накануне обозначившееся стремление красных действовать в этом направлении с правого берега Свапы побудило командира полка с уходом 3-го батальона отвести 1-й [Дроздовский] полк из Сухого Ровца в Старую Былицу. Пока полк выжидал прихода 2-го батальона из Романовки, чтобы начать отход на указанную ему линию, противник начал наступать и занял станцию. 1-й батальон перешел в контрнаступление и восстановил положение. Через некоторое

[1] Где она ночевала, узнать не удалось. Прямой связи с другими частями Дроздовской дивизии у нее не было.

время наступление [противника] началось снова. Цепи красных продвигались по открытому снежному полю, наши стрелки засели в станционных постройках и за железнодорожной насыпью. После упорного боя наступление было отбито двумя ротами 1-го батальона. На поле осталось много убитых раненых красноармейцев. Стоял жестокий мороз... Вскоре прибыл 2-й батальон, и полки выступили из Старой Былицы около полудня.

Начало отступления

Борьба быстро приближалась к развязке. Части все слабели, пустоты в линии фронта увеличивались, резервов не было, и противник все с большей смелостью пользовался прорывами в нашем расположении. Процесс обессиливания наших частей может быть иллюстрирован следующими цифрами: Дроздовская дивизия к отходу за Свапу (на 26 октября (8 ноября)), несмотря на прибытие в октябре только из тыла свежих частей и пополнений в количестве 2000 штыков[I], насчитывала в своих рядах всего 2700–2800 штыков[II]. Бои последних чисел октября и первых ноября дали новое резкое понижение

[I] Две роты прибыло в 1-й Дроздовский полк (около 250 штыков); во 2-й Дроздовский полк маршевая рота (около 200 штыков); 3-й Дроздовский полк (около 1700 штыков). Всего с округлением — 2200 штыков. Здесь не приняты во внимание не поддающиеся даже приблизительному учету постановка в строй пленных красноармейцев и случайного характера мобилизация местного населения, предпринятая Самурским полком, давшая хороший результат и хороший элемент. Кроме того, были отдельные случаи примыкания к нам мелких повстанческих отрядов: например, в селе Шарово в 4-ю роту 1-го полка явился отряд из восьми подпрапорщиков. Чтобы учесть всю кровь, пролитую дивизией, надо еще принять во внимание возвращение в строй из эвакуации и отпусков.

[II] 1-й Дроздовский полк — около 1200–1300 штыков; 2-й Дроздовский полк — около 600 штыков; 3-й Дроздовский полк — около 500 штыков; Самурский полк — около 400 штыков. Всего — около 2700–2800 штыков.

численности, и к отходу за Сейм дивизия состояла всего из около 1700 штыков[1].

В первых числах ноября происходят два прорыва через наш фронт, которые вынудили прекратить упорное сопротивление и начать отступление, приведшее к очищению нами всей Украины и Новороссии. Наметившийся 26 октября (8 ноября) прорыв пехоты и конницы красных на Щигры развивался. Сначала его удалось почти ликвидировать, но затем противник стал подводить новые силы и, несмотря на энергичные контратаки и ряд значительных частных успехов, продолжал все глубже вклиниваться в наше расположение. 30 октября (12 ноября) он занял Щигры, а 2 (15) ноября его части силою не менее дивизии достигли линии станция Охочевка — Гнилой Колодец — Тим.

Второй прорыв произошел в Фатежском районе. Здесь красные в бою 31 октября (13 ноября) расширили прорыв между корниловцами и дроздовцами и с утра 1 (14) ноября пустили в него Червонно-казачью бригаду Примакова с конницей Латышской дивизии с задачей захватить железнодорожный узел Льгова в тылу Дроздовской дивизии. Красная конница двигалась совершенно беспрепятственно по нашему ненаблюдаемому тылу и 2 (15) ноября появилась у Льгова. В городе стояли обозы второго разряда, несколько взводов артиллерии, снятой с фронта из-за нехватки конского состава, одна учебная команда и прочие тыловые учреждения. На станции находился штаб [Дроздовской] дивизии. Около полудня во Льгов прибыл солдат и сообщил о приближении конницы противника. Это известие было воспринято как совершенно невероятное. Через некоторое время сведения подтвердились, а около 14 часов город уже обстреливался артиллерией. Обозы из города удалось вывести почти без потерь. Около 16 часов

[1] 1-й Дроздовский полк — около 700 штыков; 2-й Дроздовский полк — около 400 штыков; 3-й Дроздовский полк — около 300 штыков; Самурский полк — около 300 штыков. Всего — около 1700 штыков.

красная артиллерия стала стрелять по станции. Льговский узел уже был в значительной мере эвакуирован, но нем еще оставалось довольно много груженых составов. Часть их удалось отправить, но некоторые пришлось бросить. Состав штаба дивизии уходил уже под ружейным огнем непосредственно перед занятием противником станции. Связь с фронтом порвалась, и [части] дивизии лишились управления. Занятие мостовых переправ на таком серьезном водном препятствии, как река Сейм, ставило полки дивизии в очень затруднительное положение.

Эти два прорыва сломили сопротивление 1-го армейского корпуса. Правее конная группа генерала [А. Г.] Шкуро оставила 2 (15) ноября Касторную, левее 2-я кавалерийская дивизия — города Глухов и Кролевец.

В то время, когда происходило нападение на Льгов, части [Дроздовской] дивизии находились в движении и с ними отсутствовала связь. 2-й [Дроздовский] полк после привала в селе Узник продолжал марш и к 11 часам прибыл в деревни Нижняя Вабля и Глазово. Только расположились по квартирам, как выяснилось, что к югу от деревни рыщут разъезды противника. Один из них даже снял одиночный пост у южной окраины Вабли, уверенный, что с этой стороны могут приближаться только свои всадники. Наши разъезды установили, что все села к югу заняты красной конницей. Захваченный пленный Латышского конного полка показал, что здесь действует сильная конная группа, которой приказано занять какую-то узловую станцию. Командир 2-й бригады [Дроздовской дивизии] послал приказание Самурскому полку отходить к деревне Старая Вабля, а команду пеших разведчиков 2-го [Дроздовского] полка выслать для захвата переправ через реку Прут. По счастью, команде не удалось выполнить это, при наличии у противника конных масс, нелепое поручение. Она несколько южнее Вабли наткнулась на значительные силы красных и была вынуждена отойти обратно.

Командир 1-й бригады [Дроздовской дивизии] был единственным лицом, извещенным на фронте об нападении красных на Льгов. Он с ротой прикрытия находился на Конышевке. Связь со 2-й бригадой и 1-м [Дроздовским] полком, находившемся на марше, и частями, ведшими бой у Беляева, отсутствовала. Генерал Кельнер поступил совершенно непонятно. Вместо того чтобы объединить командование всеми оставшимися на фронте частями и организовать их отход и прорыв, он с бронепоездом и ротой прикрытия направился к Льгову и ночью проскочил через станцию, пользуясь небрежным охранением противника. Штаб бригады остановился на станции Деревеньки. «Дроздовец» вернулся обратно и вывез со станции Льгов Северо-Донецкий один из брошенных составов. На фронте части были предоставлены самим себе. 1-й [Дроздовской] полк совершенно спокойно совершал походное движение. Подойдя к деревне Александровке, он заметил западнее деревни колонну красной конницы силою около двухсот [сабель], рысью направляющуюся на юг, и рассеял ее артиллерийским огнем. Тем временем высланная вперед команда связи донесла со станции Соковнинка, что она не может связать со штабом бригады. Вызов по всем железнодорожным проводам оставался без ответа. Жители, со слов приехавших, утверждали, что колонна красных прошла в наш тыл. Железнодорожники подтверждали эти сведения. При всей неопределенности чувств вся совокупность обстоятельств вызывала серьезные опасения за благополучие обстановки в нашем тылу. Полковник Туркул решил отойти к Конышевке, где надеялся войти в связь со штабом бригады и вообще более определенно выяснить обстановку. Колонна продолжала движение и ночью прибыла в село. Станция оказалась пустой, и попытки связаться не приносили результатов: на всех железнодорожных проводах царило мертвое молчание. Полк расположился по квартирам на ночевку. По-

чти одновременно в Конышевку пришел 3-й батальон из-под Беляево. При полку оказался обоз со 100 человеками раненых под Арбузово и Беляево. Ночью из Льгова прибыл местный житель и сообщил о занятии города красной конницей. Позже явился спасшийся офицер-артиллерист и подтвердил эти сведения[1]. Командир полка решил утром двинуться на Льгов с целью пробиться через переправы. Ночью стояла жуткая стужа.

Днем 2-го и за ночь на 3 (16) ноября все части [Дроздовской] дивизии тем или иным путем узнали о прорыве красных в тыл. Войска дивизии оказались разбросанными в нескольких группах, совершенно разобщенных между собой. Каждой из них, по крайней мере, на первых порах, предстояло действовать совершенно самостоятельно. В ночь со 2-го на 3-е таких групп было четыре: 3-й [Дроздовский] полк вел бой в Суходоле; Самурский и 2-й [Дроздовский] полки собирались в районе деревень Старая и Нижняя Вабля; 1-й [Дроздовский] полк находился в Конышевке, а [1-я] кавалерийская бригада ночевала в районе Ширково. Ни одна из этих групп не знала о месторасположении других, ни тем более об обстановке у них. Казалось все они должны были стать легкой добычей противника. Прорыв конницы красных на Льгов стал завершающим моментом в генеральном сражении на участке [Дроздовской] дивизии. С потерей управления прекратилось организованное сопротивление наступлению врага, и перед отрезанными группами становилась задача вырваться из тыла противника и избежать уничтожения. В дальнейшем части дивизии собираются в две группы, и каждая из них самостоятельно прорывается к переправам на Сейм. Наличие в тылу этой водной преграды, еще недостаточно

[1] В 12-й батарее после боя за Дмитриев испортились пушки, и она была отпущена для ремонта их во Льгов. На пути ее в село атаковала конница, и батарея погибла, а офицеры расстреляны. Одному удалось бежать.

замерзшей, чтобы не быть серьезным препятствием, значительно осложняло прорыв, ограничивая его пунктами небольшого числа мостовых переправ.

Переночевав в Конышевке, на рассвете 3 (16) ноября 1-й [Дроздовский] полк выступил по дороге на Льгов. В деревне Ширково (западной) установилась связь с [1-й] кавалерийской бригадой полковника Барбовича, которая только что перешла мост через Прут и остановилась в деревне Морицы. 1-й [Дроздовский] полк тоже перешел мост и остановился на привал. Полковники Барбович и Туркул вместе обсуждали создавшееся положение. До города оставалось 10 верст. Ряд сведений доподлинно устанавливал, что Льгов занят только конницей. Не было сомнений, она вынуждена будет уступить дорогу, и возникали только опасения, чтобы противник не уничтожил мост. Бетонный мост в городе был взорван красными при отступлении, починен при помощи дерева и его легко могли сжечь. Решено было так организовать наступление, чтобы атака оказалась возможно внезапной для противника и привела нас к скорейшему овладению мостом. Опрос местных жителей и офицеров, знавших город, показывал, что наиболее выгодным будет движение из деревни Воронино и атака вдоль реки с запада. Марш и приближение колонны от глаз противника должен был скрывать большой лес у железной дороги, подходивший к самой реке и городу. Кроме того, конница должна была демонстрировать частью сил вдоль большой дороги от Морицы.

В сопровождении надежных проводников колонна выступила на Воронино, имея в голове 1-й [Дроздовский] полк. В сторону Льгова слышалась артиллерийская перестрелка. Вечером началась сильная метель, превратившаяся через некоторое время в настоящую пургу. Проводники часто сбивались с дороги, и временами не было ни малейшей возможности ориентироваться. Часто двигались просто наугад, надеясь, что река и железная доро-

га не позволяет уклониться слишком в сторону. Только в сумерках колонна подошла к деревне Сергеевке, уклонившись на запад всего версты на три. Усталость людей и наступившая непроглядная вьюжная ночь заставили остановиться на ночевку. Дабы сохранить внезапность, частям приказали принять на учет всех хозяев по домам расквартирования, а сторожевому охранению строго следить, чтобы никто не выходил за его линию. Еще до рассвета 4 (17) ноября войска поднялись с квартир и двинулись к Льгову. Метель прекратилась, и стоял тихий день. Полковник Туркул приказал головному батальону, как только противник будет встречен, атаковать возможно стремительнее и быстрее, развивая наступление, открыть мост для других частей и обеспечить переправу их занятием прилегающего района города. Следующему батальону безостановочно перейти мост и очистить от противника, если они окажутся занятыми, железнодорожные станции и поселки при них. С занятием моста все обозы должны были немедленно переходить на южный берег, чтобы не связывать войска в случае развития боя у Льгова. Командир полка условился с полковником Барбовичем, что наша кавалерия будет обходить город с севера и постарается перехватить пути отхода красных.

Красная конница не несла сторожевые охранения в западном направлении. 1-й [Дроздовский] полк прошел в город, незамеченный ею. Только перед мостом 2-й батальон наткнулся на заставу, моментально сбил ее и начал наступать по прилегающим улицам. Красные кавалеристы, застигнутые врасплох, поспешно покидали квартиры, причем происходили беспорядочные стычки, в которых они проявляли достаточное упорство, но не могли, конечно, задержать наступление пехоты. Охватывающая колонна [1-й] кавалерийской бригады медлила и упустила отступающие группы расстроенного противника. 1-й батальон перешел мост и рассеял несколько застав

красных, занимавших район станции. За ним были переведены обозы, а затем и остальные части. Таким образом, одна из групп без потерь вышла из тыла противника.

Со станции установилась телефонная связь со штабом 1-й бригады и через нее со штабом [Дроздовской] дивизии. 1-му [Дроздовскому] полку было приказано удерживать Льговский железнодорожный узел, а [1-й] кавалерийской бригаде отойти южнее для отдыха. 2-й батальон 1-го полка занял село Нижние Деревеньки; 3-й — мост в Льгов и гостиный двор около него; 1-й стал в поселке у станции Льгов Северо-Донецкой дороги и выдвинул отсюда роты на станции Льгов II и Льгов I.

Двое суток у штабов [Дроздовской] дивизии и 1-й бригады отсутствовала связь с подчиненными им войсками. После оставления Льгова штабы остановились на станции Деревеньки. 3-го числа был организован десантный отряд из штабных команд и 2-й роты 1-го [Дроздовского] полка и выслан с бронепоездом «Дроздовец» к Льгову с заданием выяснить положение и вывести, если окажется возможным, брошенные составы. При подходе к пересечению Московской, Киевской, Воронежской и Северо-Донецкой железных дорог оказалось, что этот путепроводный мост уже взорван красными и на станцию проникнуть невозможно[81]. У поселков показался противник. Бронепоезд стал обстреливать район станции и город. Поднявшаяся вьюга скрыла от глаз артиллеристов цели, и отряд вернулся обратно. Вечером штаб ушел на станцию Готня. В установлении связи с 1-м [Дроздовским] полком и [1-й кавалерийской] бригадой полковника Барбовича, оставалась неизвестной судьба остальных трех полков [дивизии].

В ночь со 2 (15) на 3 (16) ноября полковник Звягин ночевал со 2-м [Дроздовским] и Самурским полками в районе Нижняя Вабля — Глазово — Старая Вабля. Оба вместе взятых полка едва насчитывали 800 штыков. Утром он выслал один батальон 2-го полка для захвата моста через реку

Сейм у деревни Слушково, севернее станции Лукашевка, отправляя таким образом батальон чрезвычайно слабого состава на 20 верст [в сторону] по району, занятому многочисленной и энергичной конницей противника. К счастью, батальон не смог переправиться через Прут и установил занятие сильными конными частями красных всех деревень по южному берегу. Остальные батальоны полка выступили из Глазово и через Березовец перешли в Малое Городьково. Перед вечером сюда же прибыл Самурский полк. 4 (17) ноября полковник Звягин выступил из Малого Городьково. 2-й [Дроздовский] полк выбил из деревни Мухино значительный конный отряд красных и отбил затем очень смелую конную атаку. Группа продвинулась еще несколько вперед и остановилась в селе Кастельцево. Противник занимал сильными конными частями весь район к югу и юго-западу. С нашей стороны поражает крайняя медлительность и нерешительность. Полковнику Звягину потребовалось два дня, чтобы пройти 15—18 верст от Глазово до Кастельцево. Каждую минуту с севера могли подойти пехотные части красных и поставить этим группу в безвыходное положение.

Вечером установилась связь с 3-м [Дроздовским] полком. 3-й полк после ночного боя в Суходоле, в котором он понес серьезные потери, провел остаток ночи в занятой части деревни и утром 3 (16) ноября начал отходить. Очень слабый состав полка и некоторое расстройство его после тяжелого ночного боя побуждали полковника Манштейна избегать столкновений с противником. Через деревню Волково полк прошел в Гнездилово и захватил в ней квартирьеров красных. Пленные показали, что им приказали разбить квартиры для Латышской дивизии, которая должна [была] скоро прийти. В создавшихся условиях принимать бой с превосходным противником было невозможно, и командир полка решил отойти дальше к Бунино. Разыгрывавшаяся ме-

тель заставила колонну долго блуждать около деревни и только поздно ночью, наконец, почти случайно попасть в Бунино. 4 (17) ноября полк выступил дальше и перешел в Ширково (восточное). Отсюда разъезды вошли в связь с группой полковника Звягина. Полк тоже вошел в его подчинение. По-видимому, главные силы прорвавшейся [красной] конницы сосредоточились в районе Ольшанка — Мармыжи с целью воспрепятствовать отступлению групп полковника Звягина. Путь к Льгову или к станции Лукашевка пришлось бы прокладывать с боями. Слабый состав полков, утомленность людей, обремененность обозами и большим числом раненых, наконец, малый запас огнеприпасов не позволяли полковнику Звягину решиться на это. 5 (18) ноября утром все еще продолжалось нерешительное выжидание. Только днем полковник Звягин приказал частям двинуться в этом направлении. Он решил оторваться от противника, сделав марш к левому флангу Корниловской дивизии и здесь переправиться через Сейм. Весь остаток дня и всю ночь продолжался изнурительный марш. При переходе через одну из балок пушки одной батареи скатились в овраг и их пришлось бросить. На рассвете 6 (19) ноября полки переходили Сейм у станции Дьяконово. Днем со станции была установлена связь по телеграфу со штабом [Дроздовской] дивизии.

Пока происходили эти события у 2-й бригады, у Льгова опять завязался бой. Вечером 4 (17) ноября сильная колонна пехоты красных заняла город. Попытки ее переправиться через Сейм были отбиты 3-м батальоном на позиции у господского двора. В ночь на 5-е число противник стал переправляться у Ширекино и повел наступление на станцию Льгов II. Всю ночь и почти весь день 1-й [Дроздовский] полк вел упорный бой за железнодорожный узел с 1-й бригадой 46-й стрелковой дивизии. Станции Льгов II и I, а один раз даже Львов Северо-Донецкий переходили

из рук в руки. Только к вечеру 5 (18) ноября полку удалось сломить красных и отбросить их за реку. Начальник [Дроздовской] дивизии [генерал Витковский], не желая надрывать последние силы полка в боях с превосходным противником, приказал ему отойти в Верхние Деревеньки. Полк выступил из Льгова уже с наступлением темноты и ночным маршем отошел в указанный ему пункт.

6 (19) ноября все полки [Дроздовской] дивизии вышли из окруженного положения и перешли Сейм. Состояние их не позволяло продолжать оборону. Началось отступление. Отступление дивизии совпало с общим переломом на всем фронте. После взятия Касторной Буденным группа генерала Шкуро отходила к Старому Осколу. Части полковника [А. Н.] Третьякова вели бои восточнее Тима. Левее красные развивали свой прорыв и 4 (17) ноября перехватили железную дорогу из Курска в Белгород у станции Полевой. Корниловская дивизия в этот день еще продолжала удерживать линию разъезда Ноздрачевка — станция Букреевка — деревня Анпилогово. 5 (18) ноября корниловцы были оттеснены непосредственно к Курску, а в ночь на 6-е оставили город. Бронепоезда и эшелоны с ранеными направились к Льгову, где уже не было прохода вследствие взорванного красными моста. 1-й [Дроздовский] полк 6 (19) ноября опять выдвинулся к Льгову и всю ночь производил под прикрытием огня с бронепоезда «Дроздовец» переноску раненых и материальной части в составы, поданные со стороны Готни. Утром 7 (20) ноября перегрузка закончилась, пять наших бронепоездов было взорвано и 1-й [Дроздовской] полк опять отошел в Верхние Деревеньки. Картина гибели лучших бронепоездов производила такое тяжелое впечатление, что командир «Дроздовца», доблестный капитан [В. В. фон] Рипке, под впечатлением ее, покончил с собой выстрелом из револьвера на станции Деревеньки. Левее 5-й кавалерийский корпус оста-

вил Рыльск, Крупец и Батурин. Еще дальше красные заняли станцию Бахмач.

Силы войск были окончательно подорваны, и генеральное сражение окончилось нашим поражением. Советский писатель, подводя итоги, подчеркивает наблюдавшуюся у нас разброску сил на широких фронтах и заключает: «Только то обстоятельство, что в районе Орла действовали крепкие его (генерала Деникина. *[— П. Т.]*) марковцы, дроздовцы и корниловцы, давало возможность развивать то дьявольское упорство, которое мы наблюдали почти в полуторамесячных встречных боях за инициативу между Орлом и Дмитриевым»[82]. С полным правом можно утверждать, что наши войска своей кровью и доблестью заслужили такой отзыв.

Несколько слов в заключение

Генеральное сражение на путях к Москве в истории Белого движения в России является тем переломным моментом, который определил ход дальнейших событий. Были подорваны источники, питавшие и двигавшие борьбу. Мне не под силу судить, что являлось основной причиной такого оборота событий — разброд ли умов определил поражение или поражение создало такое состояние психологии масс, на фоне которого уже не удалось организовать борьбу в широком масштабе. Могу только категорически утверждать, что в линии фронта разложений не было, войска сделали все, что могли, проявили исключительную доблесть и потерпели военное поражение в силу чрезмерного превосходства противника. Почему военная мощь белых на юге оказалась слабее советской — опять вопрос, о котором я не могу судить. Как бы там ни было, но именно военное поражение определило исход борьбы. Расстройство частей после полуторамесячных напряженных боев и отступление в трескучие морозы и вьюги по непролазным снегам настолько ослабили наши войска, что они не могли восстановить вполне своей боеспособности без некоторого отдыха, а главное — без притока свежих бойцов. Пополнения не было, тыл находился в полном расстройстве и не мог удовлетворить самые насущные нужды сражающихся, даже весьма сократившихся в числе.

Советское командование энергично экспроприировало достигнутые успехи, и в его руках это были сред-

ства. Советский писатель свидетельствует, что силы Южного фронта к концу операции значительно возросли по сравнению с началом[I, 83]. Красные вели настойчивое преследование и энергично наседали на наши усталые и слабые войска. Отступление происходило безостановочно с каждодневными изнурительными боями. Некоторые из наших начальников не могли понять, что в их руках уже не старые части, и давали им непосильные задачи, писали неисполнимые приказы; в тактическом отношении совершалась масса грубых ошибок, что в свою очередь подрывало силы войск. Наконец, пространство и разрушение путей сообщения заставили советское командование ослабить энергию преследования на фронте.

Несмотря на громадные потери в боях, страшную эпидемию тифа, моральный кризис, созданный масштабом неудач, тяжелые физические лишения и все прочие испытания, Белое движение сохранило активное и волевое ядро, которое продолжало жестокую борьбу еще целый год, но не нашло сил, которые могли повести за собой для людей достижения победы.

Изучая этапы дальнейшей борьбы, я понял все значения событий, происходивших осенью 1919 года в районе между Орлом и Севском. Судьбе было угодно, чтобы решительная борьба произошла в местах, отмеченных в истории Русской смуты XVII столетия. Путивль, Севск, Кромы — были путем движения самозванца к Москве. Здесь города Дмитриев и Дмитровск носят его имя[II]. На месте деревни Растригино была когда-то степь.

[I] Когда в моих руках был советский источник, я случайно упустил сделать выписку из того места, в котором приводилась цифра возрастания сил Южного советского фронта за время операции. Если меня не обманывает память, то к концу операции силы фронта возросли на 25 000 штыков и сабель.

[II] Современные города Дмитриев (Курская область) и Дмитровск (Орловская область) получили статус городов в XVIII в., происхождение их названий не связано с Русской смутой XVII в.

На этот раз здесь определилась судьба еще одного тяжелого и мрачного периода истории нашей страны, и красный коммунизм восторжествовал над белым знаменем, повергнув Россию в годы разрушений, господства дикого, фанатического деспотизма и оскудения духовного и материального.

Очерк начат в июне 1923 и окончен в сентябре 1925 года.

П.М. Трофимов

Комментарии

[1] Историческая комиссия частей, получивших в годы Гражданской войны именное шефство генерал-майора М. Г. Дроздовского начала свою работу в начале 1920-х гг. в эмиграции. Возглавлял ее последний начальник Дроздовской стрелковой дивизии генерал-майор В. Г. Харжевский. Комиссия активно занималась сбором документов и материалов по истории Гражданской войны и жизни своего шефа-командира. Ее работу прервала Вторая мировая война, не позволившая комиссии завершить главное намеченное дело — написать свою историю. Все собранные документы, хранившиеся в Русском заграничном историческом архиве в Праге, по окончании войны попали в СССР. Эти материалы составили основу фонда В. Г. Харжевского в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5895. В. Г. Харжевский).

Подавляющее большинство воспоминаний дроздовцев, хранящихся в фонде, так и не было опубликовано. Существенную часть фонда составляют записи самого В. Г. Харжевского, относящиеся к Гражданской войне. Начальник Дроздовской дивизии оставил свои воспоминания о времени от начала похода Яссы — Дон, до наступления 1919 г. Их общий объем превышает 600 листов. Отдельные блоки в собрании Харжевского составляют «История Дроздовской артиллерийской бригады в Гражданскую войну» и «Календарь Дроздовцев», составленный капитанами И. В. Виноградовым и П. М. Трофимовым. Многие из дроздовцев оставили свои подробные воспоминания или дневники. Так, в фонде содержатся дневники генерал-лейтенанта В. К. Витковского, штабс-капитана Г. А. Орлова, полковника П. И. Бикса, воспоминания штабс-капитана Ф. П. Бурцева и др. Материалы фонда, насчитывающего свыше 100 единиц хранения, свидетельствуют об огромной работе по сбору и обработке материала, проделанной В. Г. Харжевским и всеми дроздовцами, оказавшимися на чужбине.

Документы дроздовцев отложились не только в этом фонде и архиве. Немало воспоминаний и материалов содержится и в других собраниях ГА РФ. Так, в «Коллекции отдельных документов белогвардейцев» хранятся автобиография генерала В. К. Витковского (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 16. 3 л.), воспоминания Ф. П. Бурцева (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 277. Бурцев Ф. П. Эвакуация 3-го стрелкового генерала Дроздовского полка из Новороссийска в Крым, а из Крыма в Галлиполи в 1920 году. Жизнь в Галлиполи. 38 л.), К. А. Кельнера (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 392. Кельнер К. А. От Ставрополя на Харьков с дроздовцами. 70 л.; Д. 393. Некоторые из маршрутов Добровольческого корпуса. 72 л.; Д. 394. Добровольцы. 34 л.) и др. Материалы о жизни дроздовцев в эмиграции содержит фонд Дроздовского стрелкового полка, в котором сохранились документы за 1921–1936 гг. (ГА РФ. Ф. 6050. Оп. 1. Штаб Дроздовского стрелкового полка. Город София, Болгария. 1921–1936 гг.). Документы 1-го Дроздовского полка и Дроздовской дивизии периода Гражданской войны находятся в Российском государственном военном архиве (РГВА. Ф. 40066. Оп. 1. Штаб 1-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. 1919–1920 гг.; РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Штаб Офицерской генерала Дроздовского дивизии. 1918–1920 гг.).

[2] Дроздовская стрелковая дивизия была образована в 1919 г. на основе кадра 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка, бывшего одной из самых известных частей Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России. Приказом по 1-му армейскому корпусу Добровольческой армии от 29 июля (11 августа) 1919 г. № 215 на базе 3-го батальона 2-го полка, мобилизованных и пленных красноармейцев, был сформирован 4-й (позднее — 2-й) Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. Одновременно с его образованием тем же приказом создавалась Офицерская стрелковая генерала Дроздовского бригада в составе 3-й пехотной дивизии (РГВА. Ф. 39687. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–6 об.). 25 августа (7 сентября) во время наступления Добровольческой армии на Курск — Орел 2-й и 4-й полки были переименованы в 1-й и 2-й соответственно. Из кадра 3-го батальона 1-го полка 21 сентября (4 октября) в Харькове был сформирован и 3-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. 14 (27) октября приказом главнокомандующего Вооруженных сил Юга России генерал-лейтенанта А. И. Деникина на базе 3-й пехотной дивизии была сформирована Офицерская генерала Дроздовского стрелковая дивизия в составе 1-го, 2-го и 3-го полков, запасного батальона, Дроздовской инженерной роты и Дроздовской артилле-

рийской бригады (бывшая 3-я артиллерийская бригада). Позднее были образованы запасные батальоны дроздовских полков (Путеводитель по фондам Белой армии / сост. Н. Д. Егоров, Н. В. Пульченко, Л. М. Чижова. М., 1998. С. 299).

[3] *Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта по ликвидации Деникинской армии (период с 10 октября 1919 г. по 15 февраля 1920 г.) // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии генерального штаба. М., 1921. С. 114–154.

[4] Военная наука и революция: военно-научный журнал. Кн. 1, 2. М., 1921.

[5] Вооруженные силы на Юге России — оперативно-стратегическое объединение белых армий Юга России, существовавшее в 1919–1920 гг. Созданы 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) в результате объединения Добровольческой армии и Донской армии Всевеликого войска Донского для совместной борьбы против советской власти. В приказе № 1 по ВСЮР Деникин объявлял: «По соглашению с атаманами Всевеликого войска Донского и Кубанского сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России». В приказе № 2, отданном донским атаманом П. Н. Красновым «во избежание кривотолков» он писал: «Объявляя этот приказ (приказ ВСЮР № 1. — *Р. Г.*) Донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенантом Деникиным конституция войска Донского, Большим войсковым кругом 15 (28) сентября утвержденная, нарушена не будет. Достояние донских казаков, их земли и недра земельные, условия быта и службы Донских армий затронуты не будут. Единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками» (*Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 81–82; *Краснов П. Н.* Всевеликое войско Донское // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 3: Дон и Добровольческая армия / сост., науч. ред. и коммент. С. В. Карпенко. М., 1992. С. 157). В 1918–1920 гг. вели основные боевые действия против Южного и Юго-Восточного фронтов РККА. В ходе «похода на Москву» добились наивысших успехов, в октябре 1919 г. заняв Орел. После начала контрнаступления войск Красной армии с боями отступили на Дон и Кубань, откуда остатки потерпевших решающее поражение ВСЮР эвакуировались в Крым. 28 апреля (11 мая) 1920 г. новым главкомом ВСЮР генерал-лейте-

нантом П. Н. Врангелем был подписан приказ № 3049 по ВСЮР о наименовании «впредь армии Русской». Формальное переименование Вооруженных сил на Юге России в Русскую армию состоялось позднее, летом 1920 г., после подписания 22 июля (4 августа) Врангелем соглашения с казачьими атаманами. Для придания общероссийского статуса и обоснования распространения власти главнокомандующего на казачьи области приказом от 6 (19) августа № 3504 Врангель объявлял новое наименование главкома ВСЮР, ставшего «главнокомандующим Русской армией» (*Врангель П. Н.* Записки. Ч. 2 // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 5: Последний главком / сост. И. Т. Басилия, науч. ред. и коммент. С. В. Карпенко. М., 1995. С. 171–172, 190–191).

[6] Речь идет о знаменитой «московской директиве» А. И. Деникина. После занятия 20 июня (3 июля) 1919 г. Кавказской армией под командованием генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля Царицына главкомом ВСЮР генерал-лейтенантом А. И. Деникиным была подписана директива № 08878, ознаменовавшая начало «похода на Москву». К середине июня 1919 г. ВСЮР опирались на линию Екатеринослав — Харьков — Царицын. Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесение главного удара по сходящимся к центру направлениям — на Курск и Воронеж, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне.

По словам самого А. И. Деникина, в психологическом отношении директива «ставила ребром перед известной частью колебавшегося казачества вопрос о выходе за пределы казачьих областей. В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной — далекой, заветной цели. "Москва" была, конечно, символом. Все мечтали "идти на Москву", и всем давалась эта надежда» (*Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926. С. 108–109). Схоже оценивал значение «московской директивы» для ВСЮР в эмиграции генерал-лейтенант Б. А. Штейфон, справедливо указывая на необходимость обретения общероссийской властью базы в центральных и южных губерниях России. «Находясь в Донецком бассейне, армия не имела своего тыла. Ее тыл находился в казачьих областях, и это вызывало много осложнений, — писал он. — Нам решительно был необходим простор южнорусских губерний, среди которого Добровольческая армия могла бы чувствовать себя полным и неоспоримым хозяином. Только в областях с неказачьим и нерабочим населением мы могли иметь средства для своего усиления. Таким образом, в те дни для армии, а следовательно, и для генерала Деникина имелись лишь

два решения: или гнать красных, не давая им устраиваться, и тем дать армии средства к ее дальнейшему развитию, или продвигаться осторожно и знать уверенно, что дух армии принизится, прежде чем она усилится численно» (*Штейфон Б.А.* Кризис добровольчества // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 7: Добровольцы и партизаны / сост., науч. ред. и коммент. С.В. Карпенко. М., 1996. С. 268–269).

«Московская директива» получила поддержку не у всего высшего командного состава. В числе ее противников был командующий Кавказской армией генерал-лейтенант П.Н. Врангель и командующий Донской армией генерал-лейтенант В.И. Сидорин. В эмиграции Врангель характеризовал «московскую директиву» как «безграмотную в военном отношении» и как «смертный приговор армиям Юга России». Сидорин предлагал вначале обустроить тыл, «закрепиться на Дону» и подготовить для наступления на Москву соответствующую базу (*Врангель П.Н.* Записки. Ч. 1 // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 4: Кавказская армия / сост. И.Т. Басилия, науч. ред. и коммент. С.В. Карпенко. М., 1995. С. 152–153; 206; Трагедия казачества. Ч. 3. Июнь — декабрь 1919 г. Париж, 1936. С. 120).

[7] 1-й армейский корпус — наиболее известное оперативно-тактическое соединение Вооруженных сил на Юге России; в 1919 — начале 1920 гг. входил в состав Добровольческой армии; после переформирования ВСЮР в Крыму в 1920 г. — в составе Русской армии. Образован 15 (28) ноября 1918 г. в ходе развертывания Добрармии. Командиром корпуса при создании был назначен генерал-лейтенант Б.И. Казанович; 13 (26) января 1919 г. был сменен генерал-майором А.П. Кутеповым. С мая 1919 г. в корпус вошли наиболее боеспособные дивизии белых армий Юга России — 1-я и 3-я пехотные дивизии ВСЮР, состоявшими из так называемых «цветных» полков. К «цветным» в Добровольческой армии — ВСЮР — Русской армии относились полки, получившие в 1918–1919 гг. именное шефство своих первых командиров — генералов С.Л. Маркова и М.Г. Дроздовского, а также основателей Белого движения — генералов Л.Г. Корнилова (Корниловский ударный полк был создан еще во время Первой мировой войны в 1917 г.) и М.В. Алексеева. Появившиеся в самом начале Гражданской войны и ставшие первыми боевыми формированиями белых на Юге России «цветные» полки (первоначально название «цветные», данное за форму с элементами разных цветов, носило иронический характер), по сути, стали гвардией белых армий и отличались высоким боевым духом и стойкостью в бою. К их числу

относились Корниловский ударный, 1-й офицерский генерала Маркова, 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского и Партизанский генерала Алексеева полки. Впоследствии, в 1919–1920 гг., были сформированы одноименные дивизии, в которые вошли созданные 2-е и 3-е именные полки, артиллерийские и инженерные части 1-го армейского корпуса.

[8] В. К. Триандафиллов в своей работе дал обширную характеристику всем армиям ВСЮР, подробно остановившись на Добровольческой армии, находившейся на острие наступления белых на Москву: «Добровольческая армия состояла из 6 пехотных и 2 кавдивизий, сведенных в 2 корпуса (преимущественно пехота) — самая стойкая армия. Устойчивость эту ей придавал офицерский состав, который занимал все командные должности до взводного командира включительно, а в технических частях состоял даже в качестве рядовых бойцов. Дух исключительно контрреволюционный. "Боже царя храни" и "на Москву" — вот ее лозунги. Тем не менее и она уже носила в себе зачатки разложения: тут и дезертирство, и неприязнь солдат к офицерству, раскол среди самого офицерства (добровольцы и мобилизованные) и, наконец, мародерство, развившееся на почве скверного снабжения. Все эти причины в связи с перемешиванием частей и разрушением правильной организации, явившейся следствием безудержного стремления вперед, на Москву, положили начало разложению и этой армии. [...] В глубоком тылу Деникинской армии производились многочисленные формирования из мобилизованных. Правда, мобилизация эта шла плохо, но все же она шла, и часть свежих формирований была брошена на фронт...» (*Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 118).

[9] Одним из значимых успехов ВСЮР в «походе на Москву» стало взятие частями 1-го армейского корпуса Добровольческой армии «красного Вердена» — города Курска. Город занимал важное место в планах обороны командования Южного фронта и не случайно назывался «красной крепостью Курск». 7 (20) сентября 1919 г. Курск был без существенных потерь занят белыми. Большую роль при его взятии сыграли бронепоезда. Об осаде города и его взятии рассказал в своих воспоминаниях князь А. Л. Ратиев: «Подойти близко к городу, преодолев линию окопов, из которых не желающие сопротивляться мобилизованные разбежались при первых же выстрелах, деникинцам удалось еще накануне днем. Дальше идти они не решались. Помог случай. Ночью белым удалось поправить железнодо-

рожное полотно и соединить рельсы. Это дало возможность их специальному тяжелому бронепоезду "Иван Калита" прорваться через пехотное охранение и почти вплотную подойти к бронепоезду красных "Черноморцу", вооруженному только дальнобойными морскими орудиями. Очутившись в таком невыгодном положении, он был лишен возможности ими пользоваться и начал спешно отходить. Противник от него не отставал и ни на минуту не прекращал огня. В таком положении, почти сцепившись, оба бронепоезда проскочили мост над рекой Сеймом, который в случае серьезной опасности предполагалось взорвать, так как дальше, до самого города, никаких других серьезных препятствий уже не имелось. В азарте преследования никому из персонала бронепоезда, по-видимому, не пришло в голову, что в таком глубоком тылу (от моста у Букреевской мельницы через Сейм до Курска не менее десяти верст) без поддержки со стороны пехоты, без согласованных заранее действий они обречены на верную гибель. Стечение обстоятельств, случай и, на первый взгляд, безрассудное удальство решают иначе. Оба поезда, громыхая платформами, один из которых все время ведет интенсивный огонь, почти одновременно вкатываются на Курский вокзал, переполненный толпами, ожидающими отправки на север. Наступает невообразимая паника. "Черноморец", не останавливаясь, откатывается дальше за Курск. Пользуясь тем, что на вокзале не оказалось никакой военной части, способной организовать какой-либо отпор, "Иван Калита" остается хозяином положения почти до самого утра, когда он, прицепив к себе несколько вагонов, приготовленных и нагруженных для эвакуации, уходит обратно» (*Ратиев А.* То, что сохранила мне память. Мемуары / ред. Л. Любенова, Г. Рупчева. Т. 1. София, 1999. С. 300–301).

[10] 3-й Кубанский корпус (3-й конный корпус) — войсковое соединение в составе Добровольческой армии ВСЮР. В созданный 15 (28) мая 1919 г. корпус первоначально вошли 1-я Кавказская и 1-я Терская казачьи дивизии (командир — генерал-лейтенант А. Г. Шкуро; временное командование в отсутствие Шкуро осуществлял генерал от артиллерии В. А. Ирманов). Позднее из состава корпуса была изъята 1-я Терская казачья дивизия, вместо которой в состав корпуса вошли 2-я Кубанская и 1-я Терская пластунские бригады. В сентябре 1919 г. корпус был переброшен во главе со Шкуро в район Белгорода; сыграл роль при взятии Курска; 17 (30) сентября 1919 г. занял Воронеж. В октябре был временно придан Донской армии. Во время «похода на Москву» (Воронежско-Касторненское сражение)

потерпел поражение 11 (24) октября под Воронежем, а в начале ноября 1919 г. был разбит под Касторной. В марте 1920 г. на основе корпуса была создана Сочинская группа войск (с апреля — войска Кавказского побережья).

[11] Войска Киевской области — оперативно-стратегическое объединение войск ВСЮР, действовавшее на территории Киевской губернии (территориально-административной единицы, созданной командованием ВСЮР в августе 1919 г. на основе Киевской, Подольской и Черниговской губерний бывшей Российской империи); сформированы 7 (20) сентября 1919 г. в Киеве, вели бои против войск Красной армии, Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики. Командующим войсками был назначен генерал от кавалерии А. М. Драгомиров. Расформированы во время отступления ВСЮР в декабре 1919 г. Численность войск на 5 октября 1919 г. — 8551 штык и 331 сабля (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. С. 89).

[12] Расчет на «прилив живой силы» при занятии новых областей и последующее увеличение численности ВСЮР были одними из главных в планах их командования. Сам Деникин впоследствии писал об обстановке, при которой была принята «московская директива» и ее результатах: «Директива... потом в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем Югом — населением и армиями. Это чувство нашло отклик там, на севере, за линией фронта, среди масс, придавленных еще большевистским ярмом и с нетерпением, с радостью ждавших избавления. "Кассандры" примолкли тогда. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги». «Поход на Москву» связывался с ростом массового антибольшевистского сопротивления, вызванного политикой военного коммунизма в прилегающих к фронту районах, а вместе с этим — с численным ростом рядов ВСЮР. Белые полки получили крупные пополнения из добровольцев, мобилизованных и пленных: «Мы занимали огромные пространства, потому что, только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно его сил, — писал в эмиграции главком. — Мы отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии. В подъеме, вызванном

победами, в маневре и в инерции поступательного движения была наша сила. ...Только новые районы, новый прилив живой силы могли спасти... организм» армии «от увядания» (*Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. С. 109, 117).

[13] К середине октября Вооруженные силы Юга России численностью всего менее 100 000 человек растянулись огромной дугой от Киева до Орла и Царицына, заняв большую часть территории современной Украины, Воронежскую, Курскую, частично Орловскую губернии. 17 (30) сентября казаками генерала А. Г. Шкуро был взят Воронеж, 30 сентября (13 октября) части Корниловской ударной дивизии вошли в Орел. Конные разъезды корниловцев доходили до Мценска, а Партизанский генерала Алексеева полк, заняв Новосиль, вступил в Тульскую губернию. Беспрерывное отступление с боями частей РККА в течение сентября сильно понизило боеспособность и политико-моральное состояние армий Южного фронта. Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин в июле 1919 г. в своем обращении «Все на борьбу с Деникиным!» (письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии) оценивал ситуацию, сложившуюся в результате наступления ВСЮР, как «один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции». Называя «основную задачу момента», Ленин призывал всех коммунистов, сочувствующих им рабочих и крестьян, «*подтянуться по-военному*, переведя *максимум своей работы*, своих усилий и забот *на непосредственные задачи войны*, на быстрое отражение нашествия Деникина, сокращая и перестраивая, в подчинение этой задаче, всю свою остальную деятельность» (*Ленин В. И.* Все на борьбу с Деникиным! // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М., 1967. С. 4–45). Советский главком С. С. Каменева в 1921 г. писал об обстановке конца лета — осени 1919 г.: «Выражение, что вся страна представляла военный лагерь, особенно в моральном отношении, вполне отвечало действительности» (*Каменев С. С.* Военная доктрина в Красной армии // *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. Избранные статьи. М., 1963. С. 58). Последствия всеобщей мобилизации сил в Советской России уже в скором времени стали ощущаться на фронте.

[14] К середине августа основные силы белого Восточного фронта, потерпев поражения от РККА, отошли за реку Тобол. На этой естественной водной преграде назначенный в июле 1919 г. главнокомандующим генерал-лейтенант М. К. Дитерихс рассчитывал пе-

регруппировать армии и вновь попытаться перехватить инициативу. Несмотря на неудачу весеннего наступления и упорные бои лета 1919 г., Российская армия адмирала А. В. Колчака оставалась еще вполне боеспособной силой. Все проводимые Дитерихсом в это время перемены в военном управлении были направлены на подготовку Восточного фронта к новым боям. Основную задачу сибирских армий Дитерихс видел в том, чтобы «оттянуть возможно больше советских дивизий на свой фронт и этим помочь армиям Деникина» (*Петров П. П.* Роковые годы. 1914–1920 // *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы / сост. С. П. Петров, Л. Ю. Тремсина. М., 2011. С. 428). В середине сентября Дитерихс писал командующим 2-й и 3-й армий: «Как бы ни было нам тяжело, но мы должны проявить максимальное упорство, дабы противник не мог взять ни одного человека с Восточного фронта, а, наоборот, вез свои дивизии на нас. Если за октябрь месяц большевики не усилятся против Деникина, то он к середине октября займет Москву». (Цит. по: *Воробьев В. Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. С. 37–38.)

[15] По состоянию на 7 августа 1919 г. в войсках Северной области насчитывалось по списку 20 716 человек. В это число входили 1029 офицеров, 161 военный чиновник и священник и 19 526 рядовых бойцов. Но налицо в составе армии было несколько меньшее количество чинов — 19 022 бойца: 930 офицеров, 158 военных чиновников и священников и 17 934 солдата. (РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 56. Л. 24–25 об.)

[16] К 30 июля 1919 г. в рядах Северо-Западной армии во главе с генералом от инфантерии Н. Н. Юденичем насчитывалось 13 962 штыка, 487 сабель и 763 офицера (при 46 орудиях и 174 пулеметах) (*Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 153–154, 424–425).

[17] Речь идет о Латвии, Литве и Эстонии; на советско-польском фронте ко времени описываемых событий не велось активных боевых действий. Основные силы Красной армии были сосредоточены на Южном фронте с ВСЮР. После занятия в августе 1919 г. польскими частями Минска и Бобруйска и неудачной попытки контрнаступления Красной армии в октябре было заключено перемирие и боевые действия прекратились до начала 1920 г. Одной из причин начавшихся в октябре советско-польских переговоров была обеспокоенность польских властей успехами ВСЮР против Красной армии в сентябре — октябре 1919 г.

[18] К 5 (18) октября 1919 г., к моменту начала решающих боев на пути к Москве, численность всех частей, входивших во ВСЮР, составляла 153 082 бойца (107 395 штыков и 45 687 сабель), при 2813 пулеметах и 601 орудии, 72 самолетах, 41 бронепоезде, 26 бронеавтомобилях и 38 танках (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. / публ. А. И. Дерябина // Белая Гвардия. № 1. М., 1997. С. 86–92; Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. / публ. Р. Г. Гагкуева // Белая Гвардия. № 2. М., 1998. С. 69–96). Общая численность войск Южного и Юго-Восточного советских фронтов в первой половине октября 1919 г. составляла 176 868 бойцов (155 653 штыков и 21 215 сабель) при 4416 пулеметах и 892 орудиях (История Гражданской войны в СССР. Т. 4: Решающие победы Красной армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюцией (март 1919 – февраль 1920 г.) / ред. кол. тома С. Ф. Найда, Г. Д. Обичкин, А. А. Стучков и др. М., 1959. С. 258). Численность противостоящих сил, приводимая в большинстве боевых расписаний с обеих сторон, как правило, учитывает численность тыловых частей и гарнизонов. В силу этого численность находившихся на фронте частей была несколько ниже (как правило, не менее чем на треть от общей численности).

[19] У меня нет документальных данных для подобного утверждения, но это твердое убеждение и общее впечатление всех фронтовых начальников, с которыми мне приходилось беседовать. *(Примеч. авт.)*

[20] К основным факторам, от которых зависел успех проводимых ВСЮР мобилизаций, относились: 1) наличие устойчивой местной гражданской власти или военной администрации, способной сформировать мобилизационный аппарат и осуществить призыв; 2) положительное отношение местного населения к белым властям, его антипатия к советской власти; 3) наличие большого количества подлежащих призыву в армию лиц и «неистощенность» района боевыми действиями и мобилизациями противника (в большинстве занятых областей Добрармия проводила мобилизацию после Красной армии, а на Украине – в армию Украинской Народной Республики); 4) большое значение имели также временные рамки, в течение которых белые находились в тех или иных областях. Мобилизации, проводимые белыми, более всего затронули территории Всевеликого войска Донского, Кубанского казачьего войска и Северный Кавказ, находившиеся под властью ВСЮР наиболее продолжительное время. Донское войско контролировалось белыми около 22 месяцев (с весны 1918 по февраль 1920 г.), Кубанское

войско и Северный Кавказ — около 18 месяцев (с осени 1918 по январь — февраль 1920 г.).

Казаки Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, чья территория послужила базой для Белого движения, мобилизовались в ряды Вооруженных сил на Юге России приказами своих войсковых правительств. Неказачье население войск призывалось в соответствии с приказами главкома ВСЮР. В регионе с устойчивой белой властью (с весны 1918 г.) призыв проходил относительно благополучно, несмотря на то что большая часть лиц, попадавших под мобилизацию и сочувствовавших программе Белого движения, уже находилась в рядах ВСЮР начиная с лета — осени 1918 г.

Сложнее обстояла ситуация с призывом в ряды ВСЮР горских народов Северного Кавказа. Русское («неказачье») население горских городов Владикавказа, Грозного, Дербента, Назрани, Пятигорска и др. поступало в состав частей ВСЮР добровольцами. Адыги, кабардинцы, карачаевцы, осетины и черкесы без принуждения вступали в части ВСЮР, во многих случаях добровольно. Однако в Нагорном Дагестане, Дигории (северо-западной Осетии), Ингушетии и Нагорной Чечне приказы главкома ВСЮР о мобилизации встретили активное противодействие со стороны горцев и привели к восстаниям. Около двух лет находилась под контролем белых Таврия (включая Крым), также существенно пополнившая части ВСЮР.

Большинство населения Донбасса по отношению к ВСЮР стремилось занять нейтральное положение. Северо-западные районы Донецкого бассейна (Александровский, Бахмутский и Славяносербский уезды Екатеринославской губернии) были настроены против белых — мобилизации проводились здесь несколько раз и не дали больших результатов.

Малороссийские губернии наибольший процент пополнения дали при их занятии частями ВСЮР летом — осенью 1919 г. Наиболее значительный контингент мобилизованных поступал в ряды армии из губернских центров и прилегающих к ним районов, таких как Киев, Полтава, Харьков, которые были одновременно и мобилизационными центрами. Большие пополнения дали также уездные города — многие из них были пунктами сосредоточения запасных частей ВСЮР (Валки, Лубны, Нежин и Сумы), железнодорожные узлы, где сосредоточивались пополнения из близлежащих уездов (Бахмач, Белгород, Ворожба), а также районы с зажиточным крестьянским населением, в наибольшей степени пострадавшим от продовольственной политики советской власти. В целом же малорос-

сийская деревня, уставшая от войны и постоянной смены властей, относилась к проводимым ВСЮР мобилизациям без подъема, будучи в большей степени заинтересована в порядке и как можно меньшем вмешательстве властей в его жизнь.

Совершенно иначе обстояло дело с призывом населения в Центрально-Черноземных областях России. Большую роль здесь сыграло то обстоятельство, что крестьянство в этих губерниях испытало на себе всю тяжесть политики военного коммунизма, проводившейся в 1918–1919 гг. Именно вследствие этого отношение многих крестьян к добровольцам было положительным, несмотря даже на неясность и неопределенность аграрной программы Белого движения. В местах, где уже были крестьянские выступления против политики советской власти, находилось немало желающих записаться добровольцами в состав частей 1-го армейского корпуса ВСЮР. Пополнение этим контингентом могло быть большим, если бы ВСЮР успели провести в Орловской губернии полноценную мобилизацию (даже при учете того, что ранее РККА проводила в прифронтовой полосе мобилизацию мужского населения в возрасте от 17 до 37 лет). Однако за то непродолжительное время, которое ВСЮР занимали Центрально-Черноземные губернии России, не удалось построить ни устойчивого аппарата местной власти, ни создать структуры, способные провести полноценную мобилизацию.

В целом успешному проведению мобилизации — основному источнику пополнения ВСЮР, мешали прежде всего просчеты в военном и государственном строительстве, реализации внутренней политики, способной завоевать симпатии широких народных масс. Отсутствие действенного мобилизационного аппарата приводило как минимум к большим сложностям с призывом населения, а во многих случаях — к провалу мобилизации. Существовавшая на Белом Юге система запасных частей оказалась не в состоянии своевременно и в необходимом объеме восполнять потери частей ВСЮР в непрекращающихся боях конца лета — осени 1919 г. Не были приняты и эффективные меры по борьбе с дезертирством. Отсутствие внятной внутренней политики, фактическая нерешенность вопроса о земле не добавляли популярности белым властям на контролируемой ими территории.

[21] Пополнение военнопленными в 1919 г. стало одним из основных источников комплектования и ВСЮР, и РККА. Несмотря на предпринимаемые командованием противоборствующих стороны меры, ни одна из них не смогла сделать призванных в ряды вооруженных сил солдат по-настоящему надежными. Не желавшие воевать, они не

симпатизировали ни одной из сторон, во многих случаях становясь на сторону тех, кому сопутствовало военное счастье. При этом стоит отметить, что часть бывших красноармейцев, оказавшихся во ВСЮР в 1919 г., продолжала сражаться в рядах белых, несмотря на последовавшие осенью — зимой 1919/1920 г. неудачи и отступление.

[22] По сведениям, хранящимся в Российском государственном военном архиве, благодаря усилиям Совета народных комиссаров и советского командования к началу осени 1919 г. в РККА было призвано 12 возрастов полностью и три частично, «а принято в армию лишь 2 069 810 человек». Благодаря огромной работе по мобилизации, выполненной советскими партийными и государственными органами с июля 1919 по март 1920 г., на военную службу в РККА было зачислено 1 239 865 человек. Это позволило противостоявшим ВСЮР Южному и Юго-Восточному фронтам Красной армии получить в сентябре — ноябре 1919 г. пополнения в составе маршевых рот и батальонов, а также из резерва главкома и переведенных с других фронтов боевых частей и соединений общей численностью 324 894 человека. Из них на один только Южный фронт было направленно 270 111 бойцов. Большая часть пополнения прибыла на фронт в сентябре — октябре 1919 г., — во время подготовки и начала контрнаступления Красной армии против ВСЮР (*Агуреев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 — март 1920 г.). М., 1961. С. 81–82). В сравнении с этими данными о пополнении красных фронтов численность ВСЮР с учетом прибывавших пополнений выглядит уступающей РККА, по крайней мере, в два-три раза.

[23] В первой половине октября 1919 г. на Южный фронт прибыли Конный корпус С.М. Буденного, Латышская стрелковая дивизия, 45-я стрелковая дивизия (в конце октября была выведена из состава Южного фронта, но вскоре возвращена ему), 11-я кавалерийская дивизия, 1-я бригада 20-й стрелковой дивизии, Отдельная стрелковая бригада П.А. Павлова, Эстонская стрелковая бригада, 3-я бригада 54-й стрелковой дивизии, бригада Червонного казачества, 1-й полк всеобуча, 86-й стрелковый полк. Всего – 52 636 человек при 94 орудиях и 760 пулеметах. Кроме того, за это же время на Юго-Восточный фронт были переброшены 22-я стрелковая дивизия (без 3-й стрелковой бригады), 20-я стрелковая дивизия (без 1-й стрелковой бригады), 21-я стрелковая дивизия (без 3-й стрелковой бригады), 1-я бригада 50-й стрелковой дивизии и вторые бригады 24-й и 49 стрелковых дивизий (*Агуреев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина... С. 81–82). Как видно, переброска мобилизованных с одного фронта на другой,

широко использовавшаяся командованием Красной армии, позволяло ему как усилить фронты, на которые приходилась основная тяжесть боевых действий, так и снизить численность дезертиров, оторванных после такой переброски от родных мест. Командование ВСЮР ввиду менее развитой транспортной системы и кризиса железнодорожного транспорта было лишено возможности осуществлять массовые переброски новобранцев и крупных соединений в рамках даже одного Южного фронта Белого движения.

[24] В ноябре 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов рассмотрел и утвердил Устав внутренней службы и Устав гарнизонной службы РККА, а в январе 1919 г. – Строевой и Дисциплинарный уставы Красной армии. С марта 1919 до конца 1920 г. Главная уставная комиссия и ее секции разработали и издали 4 устава и 17 наставлений для РККА (*Ивашов Л.Г., Емелин А.С.* По ленинскому декрету // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 17).

[25] Латышская стрелковая дивизия сформирована в 1916 г. во время Первой мировой войны из латышских стрелковых частей, созданных в 1915 г. (полки первоначально были сведены в две бригады, затем – в дивизию). Полки дивизии оказали поддержку большевикам после их прихода к власти; использовались для поддержания революционного порядка и подавления контрреволюционных выступлений, охраняли СНК в Смольном, во время переезда в Москву, а затем при охране Московского Кремля. 31 марта (13 апреля) 1918 г. была сформирована Латышская стрелковая советская дивизия. В 1918–1919 гг. участвовала в подавлении антисоветских выступлений в тылу, в боях в Поволжье, на Урале, под Царицыным, Архангельском и др. В начале 1919 г. во время боевых действий в Латвии была развернута в армию Советской Латвии (из двух дивизий); после больших потерь армия была сведена в Латышскую стрелковую дивизию. Осенью 1919 г. дивизия участвовала в Орловско-Курской операции, закончившейся отступлением и разгромом ВСЮР. В ходе наступления Южного фронта заняла Белгород и Харьков. В 1920 г. участвовала в боях с Русской армией П.Н. Врангеля, захвате и обороне Каховского плацдарма, штурме Перекопа. Расформирована в ноябре 1920 г.

[26] Эстонская стрелковая дивизия сформирована приказом РВС 7-й армии от 16 февраля (1 марта) 1919 г. из частей 6-й стрелковой дивизии и 3-го Эстонского полка под названием 1-й Эстляндской стрелковой дивизии (вошла в состав Эстляндской армии). 3 (16) июня переформирована в Эстонскую отдельную стрелковую бригаду. С июня

1919 г. последовательно входила в состав 7-й, 15-й, 14-й, затем 13-й армий. Директивой главнокомандующего от 5 (18) октября 1919 г. была вновь развернута в Эстонскую стрелковую дивизию. Осенью 1919 г. участвовала в контрнаступлении против ВСЮР в районах городов Орел, Курск, Ливны, Белгород, Волчанск, Изюм, Бахмут; заняла города Бердянск и Мариуполь; в феврале — марте 1920 г. вела бои на Перекопе. Понеся большие потери 1 (14) марта 1920 г., была расформирована (личный состав влит в 46-ю стрелковую дивизию).

[27] Отдельная Червонно-казачья бригада развернута в июле — августе 1919 г. из 1-го полка Червонного казачества, в 1918 г. участвовавшего в боях против Центральной рады (входил в состав вооруженных сил Украинской Народной Республики Советов). В сентябре 1919 г. вошла в состав вновь сформированной конной дивизии, начальником которой был назначен В. М. Примаков (с декабря 1919 г. — 8-я конная дивизия Червонного казачества); в октябре 1920 г. дивизия вошла в состав 1-го конного корпуса Червонного казачества Юго-Западного фронта под командованием Примакова.

[28] Войска ВОХР (Войска внутренней охраны республики) созданы согласно постановлению Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР от 15 (28) мая 1919 г.

[29] Южный фронт — оперативно-стратегическое объединение РККА; образован 29 августа (11 сентября) 1918 г. приказом РВСР между Западным районом обороны и Восточным фронтом (28 декабря 1918 г. (10 января 1920 г.) директивой главкома переименован в Юго-Западный фронт). В состав фронта вошли войска Западного участка отрядов завесы, Южного участка отрядов завесы, Красной армии Северного Кавказа и Астраханской группы в полосе между Западным районом обороны и Восточным фронтом. В 1918–1920 гг. войска Южного фронта вели боевые действия против Донской и Добровольческой армий, позднее объединенных во ВСЮР. В июле — декабре 1918 г. войска фронта вели оборонительные бои против Донской армии за Царицын и Камышин; в январе — марте 1919 г. перешли в наступление против Донской и Добровольческой армий в Донбассе. В марте — июне 1919 г. действовали против казаков во время Верхне-Донского восстания. После начала в июне 1919 г. «похода на Москву» войска фронта оставили Донбасс и Харьков. В августе — сентябре 1919 г. предприняли неудачную попытку контрнаступления против ВСЮР, после чего продолжили отступление на север, оставив Курск, Воронеж и Орел. Получив подкрепления в октябре 1919 г., войска Южного фронта перешли в контрнаступле-

ние против ВСЮР, проведя Орловско-Курскую (октябрь — ноябрь) и Воронежско-Касторненскую (октябрь — ноябрь 1919 г.) операции, вновь заняв Орел, Воронеж и Курск. Совместно с Юго-Восточным фронтом провели Харьковскую (ноябрь — декабрь), Донбасскую (декабрь) и Ростово-Новочеркасскую (январь 1920 г.) операции, заняв Харьков, Киев, Полтаву, Донбасс и Ростов-на-Дону, разгромив основные силы белых и нанеся ВСЮР решающее поражение.

[30] Западный фронт — оперативно-стратегическое объединение войск РККА; образован согласно директиве главкома от 31 декабря (12 февраля) 1919 г. для объединения действий войск Красной армии на западном и северо-западном направлениях. Войска фронта вели боевые действия на Мурманском, Петрозаводском, Олонецком направлениях и Карельском перешейке (части белой Северной армии и союзные им части интервентов, финские формирования), в Прибалтике и Белоруссии, на Петроградском направлении (эстонские, латышские и литовские формирования, части Северо-Западной армии, польские войска). К середине 1919 г. войска фронта отступили из Прибалтики; августе 1919 г. находились на линии Финский залив — Псков — Полоцк — река Березина. В июне — августе и октябре — ноябре 1919 г. войска фронта успешно отразили два наступления белой Северо-Западной армии на Петроград, нанеся ей осенью 1919 г. решающее поражение. В 1920 г. на Западный фронт была перенесена основная тяжесть боевых действий Красной армии во время Советско-польской войны.

[31] Юго-Восточный фронт — оперативно-стратегическое объединение РККА; образован 17 (30) сентября 1919 г. директивой главкома из Особой группы В. И. Шорина (Южный фронт) (3 (16) января постановлением РВСР переименован в Кавказский фронт). В 1919 г. Юго-Восточный фронт вел боевые действия с частями ВСЮР на Новочеркасском и Царицынском направлениях. С ноября 1919 г. совместно с Южным фронтом части фронта перешли в стратегическое наступление; провели Хопер-Донскую операцию (ноябрь — декабрь), перешли Хопер, заняли Новохоперск, Урюпинскую и Калач; 21 декабря 1919 г. (3 января 1920 г.) вступили в Царицын; в ходе Ростово-Новочеркасской операции нанесли поражение Донской армии ВСЮР, заняв 25 декабря 1919 г. (7 января 1920 г.) Новочеркасск.

[32] 11-я отдельная армия — оперативно-тактическое соединение РККА; создана приказом РВСР от 28 февраля (13 марта) 1919 г.; с мая 1919 г. — в оперативном подчинении Южного фронта; войска армии

располагались в районе Астрахани и вдоль побережья Каспийского моря, вели боевые действия против ВСЮР; выполняла роль связующего звена между Восточным и Южным советскими фронтами. Расформирована постановление РВСР от 22 мая (4 июня) 1919 г. (части переданы в состав 10-й армии).

[33] 10-я армия — оперативно-тактическое соединение РККА; создана приказом РВСР Южного фронта от 20 сентября (3 октября) 1918 г. на основании директивы РВСР от 29 августа (11 сентября) 1918 г. В ее состав вошли части РККА, действовавшие в районе Царицына и Камышина. С мая 1919 г. вела действия против Кавказской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, участвовала в обороне Царицына. После оставления Царицына в составе Юго-Восточного фронта в октябре 1919 г. вела бои в районе Камышина, содействуя контрнаступлению Южного фронта. Во второй половине ноября 1919 г. в составе Юго-Восточного фронта участвовала в общем наступлении РККА против ВСЮР; 21 декабря 1919 г. (3 января 1920 г.) заняла Царицын. В мае 1920 г. переименована в 10-ю Терскую армию Кавказского фронта.

[34] 9-я армия — оперативно-тактическое соединение РККА; сформирована приказом РВСР Южного фронта от 20 сентября (3 октября) 1918 г. на основании директивы РВСР от 29 августа (11 сентября) 1918 г. из частей Поворинского и Балашово-Камышинского участков Южного фронта; входила в состав Южного фронта. Входила в состав Особой группы В. И. Шорина, участвовала в августовском контрнаступлении Южного фронта. С 18 сентября (1 октября) 1919 г. включена в состав Юго-Восточного фронта; в ноябре — декабре 1919 г. участвовала в общем наступлении войск РККА против ВСЮР. В мае 1920 г. переименована 9-ю Кубанскую армию Кавказского фронта.

[35] 8-я армия — оперативно-тактическое соединение РККА; сформирована приказом РВСР от 13 (26) сентября 1918 г. из частей брянского, курского, воронежского участков и евстратовского и калачевского направлений Южного фронта. В составе группы В. И. Селивачева участвовала в августовском контрнаступлении Южного фронта. В октябре 1919 — январе 1920 г. в составе Южного фронта участвовала в общем наступлении войск РККА против ВСЮР (Воронежско-Касторненская, Донбасская, Ростово-Новочеркасская операции); вместе с 1-й конной армией заняла Ростов-на-Дону. В январе — марте 1920 г. участвовала в разгроме войск ВСЮР на Северном Кавказе. В марте 1920 г. управление 8-й армии было обращено на формирование управления Кавказской трудовой

армии, а ее войска переданы в состав 9-й и 10-й армий, а также в резерв Кавказского фронта.

[36] 13-я армия — оперативно-тактическое объединение РККА; сформирована приказом РВСР Южного фронта от 20 февраля (5 марта) 1919 г. на основе группы войск донецкого направления. В составе группы войск В. И. Селивачева участвовала в августовском контрнаступлении Южного фронта 1919 г.; в сентябре — октябре под натиском ВСЮР отступала по линии Курск — Ливны — Орел. В октябре — ноябре 1919 г. участвовала Орловско-Кромской операции Южного фронта, во время которой заняла Малоархангельск и Курск; в ноябре 1919 — январе 1920 г. во время общего наступления войск РККА против ВСЮР вела бои за Донбасс и Мариуполь. 28 декабря 1919 г. (10 января 1920 г.) вышла к Азовскому морю, отрезав тем самым левый фланг ВСЮР (войска Новороссийской и Киевской областей) от основных сил. В феврале — мае 1920 г. безуспешно пыталась овладеть Крымом. В 1920 г. участвовала в действиях против Русской армии П. Н. Врангеля, в том числе Перекопско-Чонгарской операции. Расформирована в ноябре 1920 г.

[37] 14-я армия — оперативно-тактическое соединение РККА; сформирована по постановлению РВСР от 22 мая (4 июня) 1919 г. на базе 2-й Украинской советской армии. Действовала в составе Южного фронта; с июня 1919 г. вела оборонительные бои с частями ВСЮР в Донбассе и на Левобережной Украине. Участвовала в общем наступлении РККА против ВСЮР; в октябре — ноябре 1919 г. участвовала — в Орловско-Курской операции, в ходе которой заняла Кромы, Фатеж, Льгов и Курск; затем — в Харьковской операции; в декабре 1919 — январе 1920 г. вступила в Екатеринослав, отрезав от основных сил левый фланг Добровольческой армии. В январе — феврале 1920 г. заняла Одессу, Тирасполь и большую часть Правобережной Украины. Расформирована в январе 1921 г.

[38] 12-я армия — оперативно-тактическое соединение РККА; сформирована 3 (16) июня 1919 г. на основании постановления РВСР от 22 мая (4 июня) 1919 г. из войск 1-й и 3-й Украинских советских армий. Первоначально входила в состав Западного фронта; с 4 (17) октября — в составе Южного фронта; в сентябре — октябре 1919 г. держала оборону от ВСЮР на север от Киева по обоим берегам Днепра. Участвовала в общем наступлении войск РККА против ВСЮР; в ноябре — декабре 1919 г. вела наступление, заняла Чернигов и Киев. В 1920 г. участвовала в Советско-польской войне. Расформирована в декабре 1920 г.

[39] 1-й конный корпус создан во второй половине июня 1919 г.; в августе 1919 г. во главе с С. М. Буденным вел бои в верховьях Дона с Кавказской армией генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля; осенью переброшен к Воронежу, принял участие в Воронежско-Касторненской операции, в котором вместе с частями 8-й армии нанес поражение 4-му Донскому казачьему корпусу генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова и 3-му Кубанскому казачьему корпусу генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро. Корпус сыграл важную роль в неудаче «похода на Москву» и дальнейшем разгроме ВСЮР. 6 (19) ноября 1919 г. приказом РВСР Южного фронта (по постановлению РВСР от 4 (17) ноября) на основе 1-го конного корпуса была создана 1-я конная армия, командующим которой был назначен С. М. Буденный.

[40] Автор приводит сведения о численности войск РККА на Южном фронте к началу октября 1919 г. по данным, помещенным в статье В. К. Триандафиллова, указывавшего: «В общем силы фронта достигали 80 000 штыков и около 15 000 сабель, 2320 пулеметов и 441 орудий. [...] К концу операции силы фронта с перебрасываемыми частями доходили до 100 000 штыков. Число бойцов к концу операции не только [не] уменьшилось, а увеличилось в среднем на 28 000 бойцов...» (*Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 115, 117).

По сведениям, приведенным К. В. Агуреевым в конце сентября — начале октября 1919 г., ко времени наивысшего продвижения ВСЮР к Москве, на советском Южном фронте было 152 677 штыков и сабель при 3177 пулеметах, 812 орудиях, 4 бронепоездах, 3 бронемашинах и 15 самолетах (*Агуреев К. В.* Разгром белогвардейских войск Деникина... С. 38–39, 62, 82, 91). Советский военный специалист Н. Е. Какурин приводит сведения о численности Южного фронта к октябрю в 140 767 бойцов (113 439 штыков и 27 328 сабель), при 3663 пулеметах и 774 орудиях (*Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920. 2-е изд. М., 1990. С. 276). По данным А. И. Егорова, численность войск Южного фронта к 19 октября составляла 130 030 бойцов (112 540 штыков и 17 490 сабель) при 2689 пулеметах и 599 орудиях (*Егоров А. И.* Разгром Деникина. 1919. М., 1931. С. 142). По другим данным, в первой половине октября численность войск Южного фронта составляла 123 904 бойца (108 164 штыков и 15 740 сабель) при 2696 пулеметах и 630 орудиях (*Галицкий К.* Орловско-Кромское сражение. М., 1932. С. 77, 246–247). Четвертый том «Истории Гражданской войны» дает сведения

о численности Южного фронта к середине октября в 118 922 бойца (104 074 штыков и 14 848 сабель) при 2765 пулеметах и 607 орудиях (История Гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 258). Как видно, по оценке разных авторов, численность одного только Южного фронта Красной армии была по меньшей мере равна численности всех ВСЮР на это время.

[41] Согласно боевому расписанию ВСЮР к 5 (18) октября 1919 г. общая численность частей Донской армии составляла 25 834 штыков и 24 689 сабель (включая части, находившиеся на других фронтах и в тылу) (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. / публ. Р. Г. Гагкуева // Белая Гвардия. М., 1998. № 2. С. 80).

[42] Добровольческая армия — наиболее известное формирование Белого движения. Начала свое формирование в Новочеркасске в ноябре 1917 г. во главе с генералом от инфантерии М. В. Алексеевым как Алексеевская организация; в декабре 1917 г. переименована в Добровольческую армию (М. В. Алексеев стал верховным руководителем армии, а прибывший на Дон генерал от инфантерии Л. К. Корнилов — командующим). Создавалась на добровольческих началах из офицеров, юнкеров, учащейся молодежи и казачества. В феврале 1918 г. численностью до 4 тыс. человек выступила в Первый Кубанский «Ледяной» поход; в ходе похода соединилась с Кубанским отрядом полковника В. Л. Покровского (около 2,5–3 тыс. человек); после неудачного штурма Екатеринодара и гибели Л. Г. Корнилова в командование армией в начале апреля вступил генерал-лейтенант А. И. Деникин, принявший решение об отходе на Дон, где к тому времени началось Донское восстание. В мае 1918 г. в состав армии вошел прибывший с Румынского фронта добровольческий отряд полковника М. Г. Дроздовского численностью свыше 3 тыс. человек. В июне 1918 г., насчитывая, 8–9 тыс. человек, Добровольческая армия выступила во Второй Кубанский поход; начав с лета 1918 г. мобилизацию на занятых территориях армия увеличила свою численность осенью до 35–40 тыс. человек. 10 (23) января 1919 г. была переименована в Кавказскую Добровольческую армию. 8 (21) мая приказом главкома ВСЮР № 815 было проведено разделение Кавказской Добровольческой армии — отряд генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского был выведен из ее состава и переименован в Добровольческую армию. Кавказская Добровольческая армия повела наступление в направлении Царицын — Саратов, а Добровольческая во главе с Май-Маевским — по кратчайшему пути на Москву через

Курск — Орел. Добрармия находилась на острие «похода на Москву» ВСЮР; в состав армии входили наиболее боеспособные «цветные» части белых — Корниловские, Марковские, Дроздовские и Алексеевские полки. Понесла большие потери в ходе «похода на Москву» и последовавшего контрнаступления РККА в октябре 1919 г. В начале 1920 г. отступила за Дон, ввиду больших потерь была сведена в корпус численностью около 5 тыс. человек во главе с генерал-лейтенантом А. П. Кутеповым. В 1920 г. в Крыму части этого корпуса были переименованы в 1-й армейский корпус, составивший основу ВСЮР — Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля.

[43] Согласно боевому расписанию ВСЮР к 5 (18) октября 1919 г. общая численность частей Добровольческой армии составляла 17 791 штык и 2664 сабли, включая части не находившиеся на фронте (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. С. 86).

[44] Численность польской армии приводится автором по статье Триандафиллова (*Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 119).

[45] Подробные сведения о численности ВСЮР летом — осенью 1919 г. приведены в публикациях документов (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. / публ. А. И. Дерябина // Белая Гвардия. № 1. М., 1997. С. 86–92; Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. / публ. Р. Г. Гагкуева // Белая Гвардия. № 2. М., 1998. С. 69–96), а также диссертационном исследовании Ю. Л. Кушера (*Кушер Ю. Л.* Вооруженные формирования Белого движения на Юге России: история строительства. 1917–1920 гг.: дис. канд. ист. наук. М., 2005).

[46] Согласно боевому расписанию ВСЮР к 5 (18) октября 1919 г. общая численность всех белых сил на Юге (включая запасные части и гарнизоны городов) составляла 107 395 штыков и 45 687 сабель при 2813 пулеметах и 601 орудии (всех калибров) (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. С. 96).

[47] См. комментарий 11.

[48] Корниловская ударная, Марковская пехотная и Алексеевская пехотные дивизии — одни из наиболее известных, так называемых «цветных» частей Добровольческой армии — ВСЮР, участвовавшие в гражданской войне на Юге России на всем ее протяжении (1917–1920), сохранившие свой кадр в эмиграции. Образованы путем развертывания в 1919 г. одноименных «цветных» полков во время «похода на Москву» летом — осенью 1919 г. Приказом по 1-му

армейскому корпусу от 29 июля (11 августа) 1919 г. № 215 были созданы вторые Марковский, Корниловский и Дроздовский полки. Одновременно с этим образовывались одноименные бригады (Партизанский генерала Алексеева пехотный полк входил в состав 3-й бригады 1-й пехотной дивизии). На протяжении августа — октября 1919 г. были созданы третьи именные полки «цветных» частей. Приказом главкома ВСЮР от 14 (27) октября № 2544 1-я пехотная дивизия была развернута в две: Корниловскую ударную и Офицерскую генерала Маркова. Этим же приказом из состава 3-й пехотной дивизии выделялась Офицерская генерала Дроздовского стрелковая дивизия и образовывалась Партизанская генерала Алексеева пехотная дивизия (в составе 1-го и 2-го Алексеевских и Самурского полков). С 14 (27) октября, после переформирования дивизий, 1-й армейский корпус включал в себя Корниловскую ударную (три полка), Марковскую офицерскую (три полка), Дроздовскую стрелковую (три полка) и Алексеевскую партизанскую (два полка) пехотные дивизии.

[49] *Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 132.

[50] Автор без ссылки пересказывает часть статьи В. К. Триандафиллова: «Из всех армий, в смысле организации, лучше считалась 14-я, на организацию которой, как ударной, было обращено особое внимание. Армия эта, отходившая по Украине, еще в июле месяце страдала хаотичностью организации, неизжитой партизанщиной (из доклада команд[ующего] Юж[ного фронт]а от 15 июля 1919 г.), но работа, которую над ней проделали за последующие 2½ месяца возродила ее и в октябре она была вполне готова для выполнения возлагаемой на нее задачи. 13-я армия имела сильно потрепанные и недавно пополненные дивизии. 8-я армия, несмотря на большое количество входивших в ее состав дивизий, имела небольшое количество бойцов. Дивизии эти, хотя и имели хорошие кадры, но сильно пострадали во время Мамонтовского набега и были малочисленны. 12-я армия, вынесшая тяжелое отступление, и под влиянием целого ряда других причин специфически украинского характера (партизанство, бандитизм), являла все признаки расстройства и разложения. Вместо постоянных войсковых соединений — отдельные группы разнородных разношерстных остатков разных частей. Группы эти, мало дисциплинированные в политическом отношении, подчас сами склонны были к восстаниям (3-й Пензенский полк). В армии в это время шла большая организационная работа по сведению этих групп в пра-

вильные войсковые соединения и по политическому воспитанию частей. Кон[ный] корпус Буденного хотя и был малочисленный, но пользовался большой боевой репутацией и удалью» (*Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 115–116).

[51] По данным корниловской полковой истории к середине (концу) сентября 1919 г. перед наступлением на Орел численность Корниловских полков составляла: 1-го полка — 2300 человек, 2-го полка — 2250 человек, 3-го полка — 1600 человек (Материалы для истории Корниловского ударного полка / отв. сост. М.Н. Левитов; сост., науч. ред., предисл. и коммент. Р.Г. Гагкуева. М., 2015. С. 402–403).

[52] Шосткинский пороховой завод создан в 1771 г. За годы Первой мировой войны поставил для русской армии более 10,8 тыс. т бездымного и свыше 70 тыс. т дымного пороха. В настоящее время — Шосткинский казенный завод «Звезда», государственное предприятие военно-промышленного комплекса Украины.

[53] Речь идет об офицерской роте 1-го Дроздовского полка. Аналогичные офицерские подразделения на протяжении Гражданской войны существовали во всех «цветных» («коренных») полках Добровольческой армии — ВСЮР, а также некоторых других частях белых на Юге России. Офицеры изначально были одним из главных источников комплектования белых армий Юга России. В 1918 г. их доля в Добровольческой армии колебалась примерно от 50–60% (в первой половине) до около 30% (во второй половине 1918 г.). Снижение численности офицеров в Добрармии была связана с большими потерями и с общим изменением способов и источников комплектования белых вооруженных сил (начало строительства армии на регулярных началах). В составе «цветных» частей Добровольческой армии с июня 1918 г. (начала Второго Кубанского похода) остаются офицерские батальоны, а в большинстве случаев — офицерские роты, в которых офицеры находились на положении рядовых. Нередки были случаи, когда среди «рядовых» были не только обер-, но и штаб-офицеры. Начиная со второй половины 1918 г. «офицерские роты» в большом количестве начинают пополнять не только офицеры. Постепенно доля такого пополнения начинает расти, и отличие «офицерских» рот от основных частей полка и других полков Добровольческой армии — ВСЮР становится не такой большой, как в первой половине 1918 г. В 1919 г. по мере занятия густонаселенных областей во время «похода на Москву» создавались условия для вступле-

ния в армию тех офицеров, которые ранее не могли этого сделать. Но рост количества офицеров во ВСЮР не был пропорционален увеличению общей численности. В результате пополнявшее белые армии офицерство растворилось в массе пленных красноармейцев и мобилизованных, поставленных в строй, и составило не более 10% от общей численности ВСЮР. Несколько большей доля офицеров была в «цветных» частях. Они уже не составляли в них большинство (как в первой половине 1918 г.), и их численность максимально доходила до трети от всего состава, а в большинстве «цветных» полков – около четверти от общей численности. По словам добровольца С. И. Мамонтова, «вначале это были офицерские полки, потом из-за потерь стали солдатскими, но традиции сохранились». Однако в каждом из таких полков продолжали существовать офицерские роты и батальоны, формировавшиеся в 1919 г. в основном из мобилизованных и пленных офицеров, находившихся в них на положении рядовых. Причиной уменьшения численности офицерства стали огромные потери, сокращение пополнения, отток во вновь формируемые части.

В полках Дроздовской дивизии, как и в большинстве других добровольческих частей, существовал институт прикомандирования. В Харькове мобилизованные офицеры зачислялись в дроздовские полки на правах прикомандированных рядовыми без права ношения полковой формы (зачисление офицеров проводилось не только в офицерские, но и в другие роты полков). Прикомандированные офицеры (по аналогии с зачислением армейских офицеров в гвардейские части Русской армии), не сразу становились полноправным кадром полка, не имели права ношения формы и должны были пройти своеобразный испытательный срок, только по прошествии которого зачислялись в списки своей новой части.

[54] В Центрально-Черноземных областях России крестьянство оказало существенную поддержку ВСЮР. Крупные пополнения частям ВСЮР дали Воронежская, Курская и Орловская губернии (несмотря на то что данные регионы всего от двух до менее одного месяца находись под контролем ВСЮР осенью 1919 г., и полноценный мобилизационный аппарат в них создан не был).

[55] По данным А. И. Егорова, командующего Южным фронтом РККА с октября 1919 по январь 1920 г., численность Конного корпуса С. М. Буденного к 27 сентября (10 октября) 1919 г. составляла 6500 сабель и 594 штыков (*Егоров А. И.* Разгром Деникина. 1919. М., 1931. С. 226).

[56] Согласно приведенным в 1960-е гг. К. В. Агуреевым сведениям, с 17 сентября по 2 октября (с 1 по 15 октября) 1919 г. на Южный фронт были переброшены Конный корпус С. М. Буденного, Латышская стрелковая дивизия, 45-я стрелковая дивизия (в конце октября была выведена из состава Южного фронта, но вскоре возвращена ему), 11-я кавалерийская дивизия, 1-я бригада 20-й стрелковой дивизии, Отдельная стрелковая бригада П. А. Павлова, Эстонская стрелковая бригада (позднее — дивизия), 3-я бригада 54-й стрелковой дивизии, бригада Червонного казачества, 1-й полк всеобуча, 86-й стрелковый полк. Всего — 52 636 человек при 94 орудиях и 760 пулеметах. Кроме того, за это же время на Юго-Восточный фронт были переброшены 22-я стрелковая дивизия (без 3-й стрелковой бригады), 20-я стрелковая дивизия (без 1-й стрелковой бригады), 21-я стрелковая дивизия (без 3-й стрелковой бригады), 1-я бригада 50-й стрелковой дивизии и вторые бригады 24-й и 49-й стрелковых дивизий (*Агуреев К. В.* Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 — март 1920 г.). М., 1961. С. 81–82).

[57] В. К. Триандафиллов указывал в своей статье: «Целью предстоящей операции главкомом ставился разгром сил Деникина, действующих против Южного фронта. Командование Южного фронта главное внимание обратило на ядро деникинских сил, на Добровольческую, как на самую стойкую, сильную и способную к сложному маневрированию. Разгром этой армии, по мысли штаюжа, должен был привести к разгрому всех сил Деникина» (*Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 132).

[58] Согласно архивным данным, на 5 (18) октября 1919 г. численность полков Дроздовской дивизии составляла: 1-й полк — 1352 человека; 2-й — 1309; 3-й — 1130; Самурский полк — 1304 человека. Итого — 5095 человек (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. С. 83).

[59] Согласно архивным данным, численность полков Корниловской бригады (дивизии) к началу контрнаступления Южного фронта РККА была еще меньше. К 5 (18) октября численность полков составляла: 1-го полка — 945 человек; 2-го — 1150 и 3-го — 1279 человек. Итого — 3374 человека (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. С. 83).

[60] Согласно боевому расписанию на 5 (18) октября 1919 г. в Корниловской ударной, Дроздовской стрелковой и 1-й кавалерийской дивизиях насчитывалось 10 989 штыков и сабель (без учета запас-

ных частей) (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. С. 83–85).

[61] Согласно архивным данным, на 5 (18) октября 1918 г. в указанных трех дивизиях насчитывалось 34 легких орудий и 17 гаубиц (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. С. 83–85). При этом данные об артиллерии 1-й кавалерийской дивизии отсутствуют.

[62] Численность запасных полков дивизий 1-го армейского корпуса на 5 (18) октября 1919 г. составляла: запасной батальон 1-й пехотной дивизии — 1122 человека; запасной батальон 3-й пехотной дивизии — 850 человек. Итого — 1972 человека (Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 г. С. 83).

[63] *Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 133.

[64] Там же. С. 134.

[65] Вероятно, речь идет о назначенном 23 сентября (6 октября) командующим 14-й армии И. П. Уборевиче (сменившим А. И. Егорова, назначенного тогда же командующим Южным фронтом РККА).

[66] В полковой истории корниловцев, вышедшей в 1974 г., говорится о предложении начальника Корниловской ударной дивизии полковника Н. В. Скоблина предупредить контрнаступление Ударной группы Южного фронта — ударить всей дивизией «по скоплению Красной армии за нашим левым флангом, но ему в этом было отказано» (не указывается, кто отказал — непосредственный начальник — генерал Кутепов, или командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский). Основанием для такого предложения Скоблина своему начальству были полученные корниловцами сведения от сдавшихся им рядовых бойцов и военных специалистов РККА: 19 сентября (2 октября) в районе Фатежа сдались бывший полковник и два ротмистра; 10 (23) октября при занятии Кром был взят в плен бывший полковник Генерального штаба. Все они говорили о готовящемся сильном контрударе красной Ударной группы в стык Корниловской и Дроздовской дивизий. Скоблин предлагал «фронт Алексеевской дивизии растянуть до Орла, а Корниловскую дивизию собрать в кулак и бросить против латышей (Латышская дивизия — одна из наиболее сильных частей сосредоточиваемой красным командованием Ударной группы. — *Р. Г.*). Скоблину было приказано продолжать оборону Орла, не покидая своего фронта перед городом». Левитов, командовавший летом — осенью 1919 г. в чине поручика 1-м батальоном 2-го Корниловского полка писал: «Лич-

но я уверен, что мог бы для Ударной группы получиться и большой конфуз, если бы первоначальная просьба штаба Корниловской ударной дивизии о передаче Орла алексеевцам была удовлетворена, и тогда дивизия в полном составе могла бы обрушиться на советскую Ударную группу. [...] Как жаль, что в битве Орел — Кромы командование не рискнуло использовать против Ударной группы красных все полки дивизии. Обошедший нас тогда противник должен был быть сам обойден. [...] Если бы латыши и эстонцы и не были бы уничтожены, а только отброшены, этим был бы уничтожен порыв всей Красной армии, и тогда 1-я конная армия Буденного не пошла бы на прорыв. Для нас это было все: надежда на приток пополнения и на продолжение с весной похода на Москву. Не было у нас резервов, но бил же красных генерал Май-Маевский в Каменноугольном бассейне и без них, значит, теперь он был далек от действительности нависшей над нами угрозы под Орлом» (Материалы для истории Корниловского ударного полка. С. 412, 439, 447; *Волков-Муромцев Н.В.* В Белой армии // Офицеры российской гвардии в Белой борьбе / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2002. С. 207).

[67] Воспоминания чинов других частей ВСЮР, ведших бои на путях к Москве, говорят о неготовности вновь формируемых полков к активным боевым действиям. П. Я. Сагайдачный, осенью 1919 г. командовавший одним из батальонов 3-го Марковского полка, заключал: «Считаю, что занимать город Орел, выдвигаясь одной дивизией вперед и образуя разрыв в 34–40 верст, было недопустимо. [...] Нельзя было закрыть прорыва полком корниловцев и батальоном 3-го Марковского полка (еще не сформированного и состоявшего из только что взятых пленных)». Вместе с тем он считал возможным отход из Орла для нанесения удара по Латышской стрелковой дивизии: «По обнаружении движения Латышской дивизии полагаю, что более рациональным было бы оставить Орел и всей Корниловской дивизией обрушиться во фланг и тыл Латышской дивизии, что повело бы к разгрому латышей и ликвидации прорыва» (*Сагайдачный П.Я.* Воспоминания о разгроме Добровольческой армии Красной армией под Орлом в октябре 1919 г. // Дроздовский и дроздовцы / сост. Р. Г. Гагкуев, при участии В. Г. Чичерюкина-Мейнгардта, В. Ж. Цветкова и др. 2-е изд. М., 2012. С. 465).

[68] Формирование 3-го Марковского полка велось с сентября 1919 г. в Харькове. Первые пополнения, прибывшие в полк, состояли

целиком из пленных (около 400 человек было влито в полк в Харькове). 12 (25) сентября, после перевода в Курск, полк получил большое пополнение мобилизованными и пленными офицерами и солдатами. Численность полка к 20 сентября (3 октября) составляла всего 459 штыков. В Курске было начато формирование 2-го и 3-го батальонов полка и вспомогательных команд. Общая численность полка к моменту выступления его на фронт 5 (18) октября достигала 618 штыков. Низкое качество пополнения, не прошедшего должной подготовки, отразилось на боеспособности полка и большом количестве понесенных им потерь. Уже к 20 октября (12 ноября) его численность сократилась до 455 штыков. По данным полковой истории, с учетом влитых пополнений 3-й полк уже в ходе первых боев под Орлом потерял около 500 человек личного состава (*Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920. М., 2012. С. 418–419).

[69] Временно командующий 2-м Корниловским ударным полком капитан В. П. Щеглов, рапортуя в октябре 1919 г. командованию о действиях в районе Орла в конце сентября — начале октября, указывал: «За пять суток непрестанных боев с более чем в 10 раз сильнейшим противником полк потерял убитыми и ранеными около 300 человек. У противника же за это время совершенно уничтожены 1-й Киевский, 13-й пограничный и 1-й сводный полки, кроме того, под Коровьим Болотом, Кромами сильно потрепали и другие части, принимавшие участие в боях. По заявлению пленных, маневр 2-го Корниловского полка привлек все внимание латышей и они, оставив пока в стороне план отрезать Корниловскую группу, всецело отдались желанию уничтожить 2-й полк. Латышское командование увлеклось ловлей 2-го полка, разбило свою Ударную группу на части, потеряло много людей и вместо того, чтобы... отрезать группу, удовлетворилось оставленным нами Орлом. Латыши [которые были присланы] сюда из Московского Кремля, последний оплот советской власти. Наша цель уничтожить в корень этот оплот, а города не имеют никакого значения. Сегодня мы отдали Орел, а завтра возьмем его. Важно то, что часть латышей мы разбили, разобьем и остальных. Настроение в полку отличное» (Материалы для истории Корниловского ударного полка... С. 838–839).

[70] О боях 2-го Корниловского полка в районе Коровьего Болота подробнее см. рапорт временно командующего 2-м Корниловским

полком капитана В. П. Щеглова о действиях в районе Орла в конце сентября — начале октября 1919 г. (Материалы для истории Корниловского ударного полка... С. 834–839).

[71] Тет-де-пон (*фр.* tête de pont — «голова моста») — предмостное укрепление, плацдарм.

[72] Город Новосиль (входивший тогда в состав Тульской губернии, а ныне — Орловскую область), занятый Партизанским генерала Алексеева полком, оказался крайней точкой продвижения ВСЮР в наступлении на Москву. До столицы оставалось всего около 250 верст.

[73] *Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 135–136.

[74] Там же. С. 136.

[75] Там же. С. 135.

[76] Речь идет о чинах 19-го Драгунского Архангелогородского полка, восстанавливавшегося во ВСЮР в 1919 г.

[77] Вероятно, речь идет о капитане Н. В. Елецком, адъютанте А. В. Туркула, командира 1-го Дроздовского полка.

[78] Благодаря огромной работе по мобилизации, выполненной советскими партийными и государственными органами с июля 1919 по март 1920 г., на военную службу в РККА были зачислены 1 239 865 человек. Это позволило противостоявшим ВСЮР Южному и Юго-Восточному фронтам Красной армии получить в сентябре — ноябре 1919 г. пополнения в составе маршевых рот и батальонов, а также из резерва главкома и переведенных с других фронтов боевых частей и соединений общей численностью 324 894 человека. Из них на один только Южный фронт было направленно 270 111 бойцов. Большая часть пополнения прибыла на фронт в сентябре — октябре 1919 г., во время подготовки и начала контрнаступления Красной армии против ВСЮР (*Агуреев К. В.* Разгром белогвардейских войск Деникина... С. 82).

[79] Речь идет о командире 4-й роты 1-го Дроздовского полка капитане П. И. Иванове, погибшем 31 октября (13 ноября) 1919 г.

[80] Помимо капитана П. И. Иванова, в боях октября — ноября 1919 г. достоверно известно о еще двух погибших командирах рот 1-го Дроздовского полка: поручике Рябоконь (убит 25 сентября (8 октября) у деревни Голынь) и прапорщике И. И. Усикове (убит в октябре 1919 г. под Дмитриевым).

[81] Взрыв мостов через реку Сейм во Льгове имел катастрофические последствия для бронепоездов ВСЮР. В полковой истории корниловцев гибели бронепоездов посвящено отдельное ме-

сто: «Наши бронепоезда “Иоанн Калита”, “Москва”, “Вперед за Родину” и несколько площадок “Офицера” достались красным. [...] Бронепоезда и эшелоны с ранеными были направлены прорываться на Льгов в то время, когда железная дорога Курск — Льгов была перерезана кавалерией, а сам Льгов был сдан одновременно с Курском. Очевидцы из числа раненых, находившихся в этих эшелонах и спасшихся, рассказывают об этом так: санитарный поезд и несколько товарных направились в ночь сдачи Курска, согласно приказу, под прикрытием трех бронепоездов и двух площадок “Офицера”, прорваться на Льгов. Надежды на благополучный исход задачи не было, так как только что произведенная бронепоездом “Москва” разведка обнаружила большие заносы, но другого выхода тоже не было. Ветка на Белгород была перерезана еще к вечеру 4 ноября. Верст около двадцати бронепоезда прошли с большими остановками и невероятными усилиями. С рассветом были обнаружены непреодолимые заносы, и к тому же пришлось вступить в бой с появившимся уже противником. После долгих и безрезультатных попыток с кем-либо связаться и добыть рабочих из окрестных деревень решено было все бросить и уходить на юг. Бронепоезда были подорваны, некоторым из раненых удалось спастись, а большинство тоже было оставлено» (Материалы для истории Корниловского ударного полка... С. 464–465).

[82] *Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 151.

[83] В. К. Триандафиллов указывает, что Южный фронт «за весь рассматриваемый период получил подкрепления в самом начале наступательной операции в виде резерва главкома, составившего Ударную группу, и к середине ее. К концу операции силы фронта с перебрасываемыми частями доходили до 100 тыс. штыков. Число бойцов к концу операции не только не уменьшилось, а увеличилось в среднем на 28 тыс. бойцов, но увеличение это произошло приходом целых новых дивизий, а не пополнением старых» (*Триандафиллов В. [К.]* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта... С. 117).

Аннотированный именной указатель

А

Андреевский Леонид Иванович (1890–1962). К концу Первой мировой войны — капитан 14-го стрелкового полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. Участник похода Яссы — Дон (командир 2-й роты Сводно-стрелкового полка). В 1918–1919 гг. — в 1-м Дроздовском полку, затем помощник командира 2-го Дроздовского полка; полковник. Эмигрировал в Югославию; во время Второй мировой войны служил в Русском корпусе. После 1945 г. — в США. *6, 10, 18*

Апрелев Георгий Петрович (1889–1964). Полковник (1919). В начале Первой мировой войны — поручика в составе лейб-гвардии Кирасирского полка; с начала 1915 г. — исполняющий должность старшего адъютанта штаба сначала 1-й гвардейской кавалерийской, затем Кавказской кавалерийской дивизий; в конце 1915 г. вернулся в свой полк, ротмистр; с лета 1917 г. — в отделе связи Ставки Главковерха. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. С ноября 1917 г. в Добровольческой армии; участник Первого Кубанского похода; с мая 1918 г. — в штабе Добрармии, затем адъютант генерал-лейтенанта А. И. Деникина, офицер отдела связи при штабе Добрармии. В апреле 1919 г. откомандирован в штаб группы генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, офицер для поручений. В сентябре 1919 — марте 1920 г. — командир Сводно-уланского полка. В 1920 г. командовал полком в Гвардейском отряде. Эмигрировал в Китай, затем во Францию. *157*

Б

Барбович Иван Гаврилович (1874–1947). Генерал-лейтенант (1920). На фронт Первой мировой войны вышел командиром 2-го эскадрона 10-го гусарского Ингерманландского полка; полковник (1916); с мая 1917 г. — командир полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В октябре 1918 г. возгла-

вил отряд из 74 гусар своего полка, с которым выступил из Чугуева на соединение с Добрармией. В январе 1919 г. зачислен в Добровольческую армию; с марта — командир 2-го конного генерала Дроздовского полка; с июня — командир Отдельной кавалерийской бригады (позднее переименована во 2-ю кавалерийскую дивизию) 3-го армейского корпуса; с декабря 1919 г. — командующий 5-м кавалерийским корпусом (вскоре сведен в Сводную кавалерийскую бригаду, затем развернут в дивизию). В 1920 г. — начальник 1-й кавалерийской дивизии; с августа 1920 г. — командующий Конным корпусом, инспектор конницы Русской армии. В эмиграции жил в Югославии; с 1933 г. — начальник 4-го отдела Русского общевоинского союза (РОВС); с 1939 г.— 2-й заместитель председателя РОВСа. В октябре 1944 г. переехал в Германию. *110, 114–119, 124–126, 132–134, 137–140, 143, 151, 160, 161, 167–169, 171, 186, 189, 198–200*

Буденный Семен Михайлович (1883–1973). Советский военный деятель, маршал Советского Союза (1935). Участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер 18-го Драгунского Северского полка. В Гражданскую войну в РККА. В феврале 1918 г. сформировал конный отряд (позднее развернут в бригаду, а затем в дивизию), с которым начал боевые действия против белых. В июне 1919 г. части Буденного были развернуты в Конный корпус, а в ноябре — в 1-ю конную армию. С 1923 г. — помощник главкома РККА по кавалерии, член Реввоенсовета СССР. В 1924–1937 гг. — инспектор кавалерии РККА. С 1937 г. — командующий войсками Московского военного округа. С августа 1940 г. — первый заместитель министра обороны. Во время Великой Отечественной войны входил в состав Ставки Верховного главнокомандования; в июле — сентябре 1941 г. — главком войск Юго-Западного направления; в сентябре — октябре — командующий Резервным фронтом; в апреле — мае 1942 г. — главком Северо-Кавказским направлением, в мае — августе — командующий Северо-Кавказским фронтом; с 1943 г. — командующий кавалерией РККА, члена Высшего военного совета Наркомата обороны. В 1947–1953 гг. — заместитель министра сельского хозяйства СССР по коневодству. *25, 28, 73, 74, 100, 112, 113, 140, 141, 221, 227, 231, 233, 235*

В

Виноградов Иван Васильевич (1895–1981). Капитан (1918). В сентябре 1914 г. поступил в Императорскую духовную академию; в 1916 г. призван

на военную службу; по окончании Владимирского военного училища выпущен прапорщиком в 179-й пехотный запасной полк; с июня 1917 г. — в рядах 460-го пехотного Тимского полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В январе 1918 г. вступил в отряд полковника М. Г. Дроздовского. Участник похода Яссы — Дон. Участник Белого движения на Юге России в рядах Дроздовской дивизии. В 1927 г. принял монашеский постриг с именем Исаакия; служил в Праге в сане архимандрита, сотрудничал с РОВСом. В мае 1945 г. арестован, вывезен в СССР. В 1945–1947 гг. отбывал срок в лагерях в Казахской ССР. По освобождению служил в храмах в Алма-Ате; с 1958 г. — в Ельце. *9, 208*

Витковский Владимир Константинович (1885–1978). Генерал-лейтенант (1920). На фронт Первой мировой войны выступил в составе лейб-гвардии Кексгольмского полка; в 1917 г. — полковник, командир 199-го пехотного Кронштадтского полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В апреле 1918 г. вступил в отряд полковника М. Г. Дроздовского; с июня 1918 г. — командир 2-го Офицерского стрелкового полка; с ноября — командир бригады 3-й дивизии; с февраля 1919 г. — начальник дивизии; с августа 1920 г. — командир 1-го армейского корпуса. Эмигрировал во Францию, после Второй мировой войны — в США. *10, 17, 26, 31, 60, 62, 142, 169, 182, 203, 208, 209*

Волочков, капитан 2-го Дроздовского полка. *17*

Г

Голубятников Алексей Фиогниевич (?–1930). Полковник. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В 1919–1920 гг. — преподаватель Корниловского военного училища; осенью 1919 г. — командир 2-го Дроздовского полка. Эмигрировал во Францию. *30, 42*

Д

Деникин Антон Иванович (1872–1947). Военный и политический деятель, один из лидеров Белого движения, генерал-лейтенант (1916). В Первую мировую войну — начальник 4-й «железной» стрелковой бригады (с сентября 1914), развернутой в августе 1915 г. в дивизию; командир 8-го корпуса (с сентября 1916); помощник начальника штаба верховного главнокомандующего (с марта 1917); временно исполняющий должность начальника (с апреля) и начальник штаба главковерха; главнокомандующий армиями Западного (с мая) и Юго-Западного фронтов (с августа). За поддержку вы-

ступления генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 г. отстранен от должности и арестован; находился в заключении в Быхове. Один из организаторов Добровольческой армии в конце 1917 — начале 1918 г. Участник Первого Кубанского похода Добрармии; возглавил армию после гибели генерала Корнилова весной 1918 г. С осени 1918 г. — главком Вооруженными силами на Юге России, с июня 1919 г. — заместитель Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. В марте 1920 г., после военного совета в Севастополе, сдал должность главкома ВСЮР генералу П. Н. Врангелю и выехал за границу. Проживал в Великобритании, Бельгии, Венгрии, Франции, США. В зарубежье отошел от активной политической жизни, работал над пятитомным изданием «Очерков русской смуты» (1921–1926), воспоминаниями «Старая армия» (1929–1931), автобиографической повестью «Путь русского офицера» (издана в 1953 г.) и другими работами, посвященными истории Русской армии и Гражданской войны. *6, 7, 20, 24–27, 204, 210–212, 215–217, 228*

Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919). Генерал-майор (1918). К началу Первой мировой войны — капитан; с началом мобилизации — исполняющий должность помощника начальника общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главкома армиями Северо-Западного фронта; с сентября 1914 г. — обер-офицер для поручений штаба 27-го армейского корпуса; с декабря — исполняющий должность штаб-офицера (позднее утвержден) для поручений при штабе 26-го армейского корпуса. С апреля 1915 г. — исполняющий должность начальника штаба 64-й пехотной дивизии; в октябре — ноябре 1915 г. — временно исполняющий должность начальника штаба 26-го армейского корпуса; в начале 1917 г. — исполняющий должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии; с апреля 1917 г. — командир 60-го пехотного Замосцкого полка. Участник Белого движения на Юге России. В конце 1917 г. сформировал в Яссах отряд добровольцев (1-я отдельная бригада русских добровольцев) Румынского фронта численностью около 1 тыс. человек, выступивший в феврале 1918 г. на Дон для соединения с Добрармией; под командованием Дроздовского отряд совершил 1200-верстный поход Яссы — Дон; в мае 1918 г. соединился с Добровольческой армией; начальник 3-й пехотной дивизии (созданной на основе отряда). В октябре 1918 г. ранен, скончался от заражения крови 1 января 1919 г. *7, 208, 209, 210, 212, 213, 228*

Е

Егоров Александр Ильич (1883–1939). Советский военный деятель, маршал Советского Союза (1935). К концу Первой мировой войны — полковник, командир 132-го пехотного Бендерского полка. В Гражданскую войну в РККА. С мая 1918 г. — комиссар Всероссийского главного штаба, председатель Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров в Красную армию. С августа 1918 г. — командующий 9-й, с декабря — 10-й, с июля 1919 г.— 14-й армией. С октября — командующий Южным фронтом, действовавшим против основной группировки ВСЮР. В январе — декабре 1920 г. командовал Юго-Западным фронтом. С января 1921 г. командовал Киевским, с апреля 1921 г. — Петроградским военным округом; одновременно в сентябре 1921 — январе 1922 г. — командующий Западным фронтом; позднее возглавлял Кавказскую армию, войска Украины и Крыма. В 1925–1926 гг. — военный атташе в Китае. С 1927 г. — командующий Белорусским военным округом. С 1931 г. — начальник Генерального штаба РККА. С мая 1937 г. — первый заместитель наркома обороны СССР. В 1938 г. арестован, обвинен в участии в военном заговоре; в 1939 г. расстрелян, реабилитирован в 1956 г. *80, 136, 140, 227, 233*

Ж

Житкевич Дмитрий Венедиктович (1885–1931). Капитан (1919). К концу Первой мировой войны — штабс-капитан. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В 1918–1920 гг. — в Самурском полку, командир батальона, затем полка. В эмиграции жил в Болгарии. В 1922 г. вернулся в СССР. В 1930 г. арестован, расстрелян в Москве. *32*

З

Звягин Михаил Андреевич (?–1945). Генерал-майор (1920). В Первую мировую войну — полковник, командир 108-го пехотного Саратовского полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В октябре — декабре 1918 г. — командир Самурского полка; в апреле 1920 г. — командир Алексеевской пехотной бригады, затем начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции жил в Болгарии, затем в Югославии. Во время Второй мировой войны служил в Русском корпусе, скончался от ран. *17, 84, 143, 169, 171, 173, 180, 190, 200–202*

Зеленин Евгений Ильич (1885–1931). Генерал-майор (1920). В Первую мировую войну подполковник, командир 720-го пехотного Рудниковского полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России.

В 1918 г. — в Самурском полку, командир батальона, в декабре 1918 — апреле 1920 г. — командир полка; позднее командир бригады 6-й пехотной дивизии. В эмиграции жил в Болгарии. Вернулся в СССР. В 1930 г. арестован, расстрелян в Москве. *30*

И

Ионов (?–1919), бывший штабс-капитан, командир 414-го стрелкового полка РККА. *178, 179*

К

Камлач Иван Климентьевич (?–1979). Полковник. В Первую мировую войну — поручик артиллерии. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В составе отряда М. Г. Дроздовского проделал поход Яссы — Дон. В 1919 г. — штабс-капитан, капитан Дроздовской артиллерийской бригады, командир 7-й гаубичной батареи. В 1920 г. — старший офицер 7-й батареи, командир 4-й батареи бригады. В эмиграции жил в Болгарии, после 1945 г. в США. Во время Второй мировой войны служил в Русском корпусе. *156*

Кельнер Константин Александрович (1879–1969). Генерал-майор (1920). К концу Первой мировой войны полковник, командир 9-го стрелкового полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В составе отряда М. Г. Дроздовского проделал поход Яссы — Дон. В июне — июле 1918 г. — командир Солдатского батальона, развернутого затем в Самурский полк; с января 1919 г. — командир 2-го офицерского полка, в сентябре — ноябре — командир 1-й бригады 3-й пехотной дивизии; с мая 1920 г. — помощник начальника Дроздовской дивизии, в июле — августе — временно исполняющий обязанности начальника дивизии. В эмиграции жил в Болгарии, затем в Югославии; по окончании Второй мировой войны переехал в Венесуэлу. *30, 44, 130, 189, 196*

Колосовский Николай Николаевич (1891–1973). Полковник (1920). К концу Первой мировой войны — капитан. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В составе отряда М. Г. Дроздовского совершил поход Яссы — Дон. В 1918–1920 гг. в составе 3-й пехотной, затем Дроздовской дивизий; в 1919 г. — командир 1-го батальона 2-го Дроздовского полка. В эмиграции жил в Болгарии, затем в Германии. *10, 18*

Колчак Александр Васильевич (1874–1920). Русский военачальник и политический деятель, адмирал (1918), один из вождей Белого движения. С началом Первой мировой войны — один из разработчиков минной блокады немецких военно-морских баз на Балтий-

ском море. С июля 1916 г. — вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. В июне 1917 г. вышел в отставку, назначен начальником Российской военно-морской миссии в США. Осенью 1918 г. прибыл в Омск; в ноябре назначен на должность военного и морского министра в составе Совета министров Директории (объединенного антибольшевистского правительства). После переворота 18 ноября 1918 г. и ареста Директории избран Советом министров верховным правителем России; принял звание верховного главнокомандующего. Весной 1919 г. армии Колчака повели успешное наступление на Москву, но к лету основная группировка была разбита превосходящими силами РККА. Потерпев поражение, передал власть А. И. Деникину и атаману Г. М. Семенову, а командование Восточным фронтом — генералу В. О. Каппелю. 15 января 1920 г. был арестован войсками Чехословацкого корпуса, затем передан его эсеро-меньшевистскому Политическому центру в Иркутске. После перехода власти в городе к большевистскому Военно-революционному комитету расстрелян в ночь с 6 на 7 февраля 1920 г. *21, 217*

Кутепов Александр Павлович (1882–1930). Генерал от инфантерии (1920). В Первую мировую войну в составе лейб-гвардии Преображенского полка; к концу войны — полковник, командир полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России; с декабря 1917 г. в Добровольческой армии. Участник Первого Кубанского похода; с марта 1918 г. — командир Корниловского ударного полка; с июня — начальник 1-й пехотной дивизии; в июле — командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. С августа 1918 г. — Черноморский военный губернатор. С января 1919 г. — командир 1-го (Добровольческого) корпуса Кавказской Добровольческой армии. В мае 1919 г. вступил в командование 1-м армейским корпусом в Донецком бассейне. С декабря 1919 г. — командир Добровольческого корпуса, в который была сведена Добрармия. С апреля 1920 г. — командир 1-го армейского корпуса; с сентября 1920 г. — командующий 1-й армии. В Галлиполи — командир 1-го армейского корпуса. В РОВСе руководил разведывательно-диверсионной деятельностью против СССР. В 1924 г. освобожден от этой должности; в Париже организовал и возглавил тайную работу на Россию. С 1928 г. — председатель РОВС. 26 января 1930 г. похищен в Париже агентами ОГПУ СССР. Дальнейшая судьба неизвестна. *8, 9, 26, 164, 212, 229, 234*

М

Май-Маевский Владимир Зенонович (186–1920). Генерал-лейтенант (1919). В Первую мировую войну — командир полка, начальник дивизии, командир 1-го гвардейского корпуса, генерал-майор. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В Добровольческой армии с 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С ноября 1918 г. — начальник 3-й пехотой дивизии. С февраля 1919 г. — командир 2-го армейского корпуса; с апреля — командующий Донецкой группой войск; в мае — ноябре — командующий Добровольческой армией. С ноября 1919 г. в распоряжении главнокомандующего ВСЮР. *25, 228, 229, 234*

Мамантов Константин Константинович (1869–1920). Генерал-лейтенант (1919). В начале Первой мировой войны — помощник командира 1-го Донского казачьего полка; с августа 1914 г. — командующий 19-м Донским казачьим полком; с апреля 1915 по апрель 1917 г. — командир 6-го Донского казачьего полка; в апреле 1917 — январе 1918 г. — командир бригады 6-й Донской казачьей дивизии. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. Участник «Степного» похода генерала П. Х. Попова в начале 1918 г.; в апреле 1918 — июле 1919 г. — командир конной группы Донской армии; в июле — декабре 1919 г. — командир 4-го Сводного казачьего корпуса ВСЮР. Под его командованием в августе корпус совершил рейд по тылам РККА, в ходе которого были заняты Тамбов, Лебедянь, Елец, Воронеж (последний совместно с частями под командованием А. Г. Шкуро). В ноябре 1919 г. снят с должности командира корпуса новым командующим Добровольческой армии генералом П. Н. Врангелем (т. к. корпус к тому времени был передан из Добровольческой армии в Донскую, формально остался в должности). Умер от тифа в феврале 1920 г. *227*

Манштейн Владимир Владимирович фон (1894–1928). Генерал-майор (1920). В Первую мировую войну в составе 7-го пехотного Ревельского полка; к концу войны — капитан. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В марте 1918 г. вступил рядовым в отряд М. Г. Дроздовского. Участник похода Яссы — Дон. В апреле назначен командиром роты Сводно-стрелкового полка; с осени командовал 3-м батальоном полка; октябрь 1919 — лето 1920 г. — командир 3-го Дроздовского полка; с сентября 1920 г. — помощник начальника Дроздовской дивизии. Эмигрировал в Болгарию. Покончил жизнь самоубий-

ством. *10, 17, 119, 125, 153, 162, 170, 201*

Мартусевич Антон Антонович (1863–1944). Генерал-майор (1915), советский военный деятель. Окончил военное училище (1883). В Первую мировую войну вступил командующим 14-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригадой (в октябре 1915 г. утвержден в должности комбрига); с марта 1917 г. — командующий 110-й пехотной дивизией. В декабре 1917 г. — выборный начальник дивизии, позднее начальник мобилизационного подотдела Военного отдела исполкома Рижского совета. В Гражданскую войну в РККА. Начдив 1-й стрелковой дивизии армии советской Латвии. В 1919 г. — начдив Латышской стрелковой дивизии, командующий ударной группой войск 13-й армии в Орловско-Курской операции. Снят с должности в октябре 1919 г. за недостаточные результаты действий ударной группы. В 1919–1920 гг. — военный руководитель Военного комиссариата советской Латвии. В 1920 г. уволен из РККА по болезни. *80–83*

Михаил Александрович (1878–1918). Великий князь, четвертый сын Александра III, младший брат Николая II. Генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант (1916); член Государственного совета (1901–1917). В начале Первой мировой войны командовал Кавказской туземной конной дивизией; с февраля 1916 г.— 2-м Кавалерийским корпусом; с января 1917 г. — генерал-инспектор кавалерии. После отречения от престола императора Николая II и переговоров с представителями Государственной думы отказался от принятия власти и призвал к подчинению Временному правительству. В 1917 г. проживал в Гатчине (с августа — под арестом). В марте 1918 г. выслан большевиками в ссылку в Пермскую губернию; убит в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. сотрудниками местной ЧК. *106*

О

Оленич (Аленич) Михаил Евграфович (1866–1938). Генерал-майор (1917). В Первую мировую войну вступил в чине полковника, командира эскадрона 18-го гусарского Нежинского полка. С октября 1915 г. — командир 16-го Новоархангельского уланского полка; с августа 1917 г. — командир лейб-гвардии Конного полка; осенью 1917 г. — командир 2-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. С января 1919 г. — в резерве чинов при штабе главкома ВСЮР. Весной 1919 г. — начальник 1-й Кубанской конной дивизии; с мая — командир 1-й бригады Сводно-горской дивизии; в ок-

тябре — декабре — командир 2-й, затем 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В марте 1920 г. — командир 2-й бригады Сводно-кавалерийской дивизии. В эмиграции жил в Югославии, затем в Румынии. *108, 111, 115, 117, 121, 123, 126, 130, 132, 136, 153, 154, 157, 160*

П

Павлов Павел Андреевич (1892–1924). Советский военный деятель, штабс-капитан. Участник Первой мировой войны, к концу войны — штабс-капитан. Активный участник революционных событий в армии, избирался в состав полкового, дивизионного, корпусного, армейского и фронтового комитетов. В Гражданскую войну в РККА. В 1918 г. командовал повстанческим отрядом, участвовавшим в боях против германских и гетманских войск на Украине. В 1919 г. — киевский губвоенрук и губвоенком, в августе того же года — командующий правобережной группы 12-й армии; осенью — во главе Отдельной стрелковой бригады в составе ударной группы Южного фронта (в ноябре она была включена в состав Эстонской дивизии). В 1920–1921 гг. командовал Сводно-курсантской дивизией в боях против Русской армии П. Н. Врангеля, а затем повстанческой армии Н. И. Махно. С 1922 г. помощник, затем командующий Бухарской группой войск. С марта 1923 г. командовал 13-м корпусом при разгроме басмачей в Восточной Бухаре. *23, 72, 73, 77, 80, 82, 100, 101*

Петерс Евгений Борисович (?–1922). Полковник (1919). На фронт Первой мировой войны вышел в 1915 г. в чине прапорщика в состав 268-го пехотного Новоржевского полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В 1919 г. — командир 2-й роты 1-го Дроздовского полка; в декабре — командир 1-го батальона полка. В эмиграции жил в Болгарии. Покончил жизнь самоубийством. *178*

Примаков Виталий Маркович (1897–1937). Советский партийный и военный деятель. В 1914 г. вступил в РСДРП, большевик; в 1915 г. за распространение антивоенных прокламаций осужден на пожизненное поселение в Восточной Сибири; освобожден после Февральской революции. В 1917 г. — член Киевского комитета РСДРП(б). Участвовал в «штурме» Зимнего дворца, затем в подавлении выступления П. Н. Краснова. В Гражданскую войну в РККА. В январе 1918 г. сформировал 1-й полк Червонного казачества; позднее командовал казачьим полком, дивизией. С октября 1920 г. — командир 1-го корпуса Червонного казаче-

ства. В 1924–1925 гг. — начальник Высшей кавалерийской школы в Ленинграде. В 1925–1926 гг. — военный советник в Китае. В 1927–1930 гг. — военный атташе в Афганистане и Японии. В 1931–1933 гг. командовал корпусом; в 1933–1935 гг. — заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом. С 1935 г. — заместитель командующего Ленинградским военным округом. В 1936 г. арестован по обвинению в участии в военном заговоре. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1957 г. *23, 72, 73, 77, 80, 82, 98, 194, 223*

Р

Рипке Владимир Владимирович фон (?–1919). Капитан (1919). В Первую мировую войну офицер 2-й батареи 26-й артиллерийской бригады. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В составе отряда М. Г. Дроздовского совершил поход Яссы — Дон. В 1918–1919 гг. — в 1-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады, командир бронепоезда «Дроздовец». Застрелился в сентябре 1919 г. под Льговым. *203*

Руммель Владимир Адольфович (1888–1920). Полковник (1919). Участник Первой мировой войны в составе 266-го пехотного Пореченского полка; к концу войны — подполковник. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. Участник похода Яссы — Дон. В июне 1918 г. — командир батальона 2-го офицерского стрелкового полка; в январе — октябре 1919 г. — командир 1-го Дроздовского полка, затем командир 2-го Дроздовского полка. Умер от тифа. *69, 128*

Рябоконь (?–1919). Поручик, командир роты в 1-м Дроздовском полку. *66, 238*

С

Саблин Юрий Владимирович (1897–1937). Советский военный деятель, комдив (1935). Участник Первой мировой войны; в 1916 г. добровольцем ушел на фронт; в 1917 г. окончил школу прапорщиков. После Февральской революции 1917 г. вошел в число членов ЦИК; активный участник Московского вооруженного восстания. Назначен командиром 1-го московского революционного отряда. В Гражданскую войну в РККА. В 1918 г. — командующий 4-й армией Украинского фронта, затем комиссар Московского района Западной завесы и член ВЦИК. В октябре — ноябре 1919 г. — командующий войсками 14-й армии; в ноябре 1919 — январе 1920 г. — начальник 41-й стрелковой дивизии, в феврале — марте — Эстонской стрелковой дивизии; в апреле — июле — 46-й стрелковой дивизий. С июля 1920 г. — командую-

щий войсками Правобережной группы войск 13-й армии; в августе — сентябре — начальник Сводной стрелковой дивизии; в октябре — ноябре — командир Отдельной кавалерийской бригады 6-й армии. В декабре 1920 — апреле 1921 г. — начальник 16-й кавалерийской дивизии. В 1936 г. арестован, в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. *10, 41, 46, 52, 53, 77, 82–84, 86, 94, 114*

Т

Тимановский Николай Степанович (1889–1919). Генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны в составе 13-го стрелкового полка; к концу войны — полковник. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. С декабря 1917 г. в Добровольческой армии. С февраля 1918 г. — помощник командира Сводно-офицерского полка; с марта — начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая — командир Офицерского полка; с октября — командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. В марте 1919 г. возглавил Отдельную Одесскую стрелковую бригаду. С июня 1919 г. — начальник 1-й пехотной дивизии; с октября — начальник Офицерской генерала Маркова дивизии. Умер от тифа. *26*

Титов Всеволод Степанович (?–1962). Полковник (1919). В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В январе 1920 г. — командир 2-го Дроздовского полка. В эмиграции жил в Болгарии, затем в Германии. *10, 18*

Третьяков Александр Николаевич (1877–1920). Генерал-майор (1918). Участник Первой мировой войны; в 1914 г. — полковник, командир 3-й батареи в лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде; позднее — командир лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. С января 1918 г. в Добровольческой армии. Участник Первого Кубанского похода. В 1919 г. — командир 1-й артиллерийской генерала Маркова бригады; с июня — командир бригады в Марковской дивизии; с октября — командир Алексеевской пехотной бригады. В марте 1920 г. назначен начальником Марковской пехотной дивизии. *203*

Триандафиллов Владимир Кириакович (1894–1931). Советский военный деятель и теоретик. К концу Первой мировой войны — штабс-капитан, командир батальона 6-го Финляндского стрелкового полка. Активный участник революционных событий в армии; избран солдатами командиром своего полка, разогнал армейский комитет и организовал революционный комитет 7-й армии; позднее был избран командую-

щим 7-й армией. С июня 1918 г. в Красной армии; командир роты, позднее батальона. Участвовал в боевых действиях на востоке и юге России. Командир бригады в 27-й стрелковой дивизии, затем в 41-й стрелковой дивизии. Участник боев под Перекопом. В 1924 г. назначен начальником первого отдела, затем Оперативного управления штаба РККА. С 1928 г. — заместитель начальника штаба РККА. Погиб в авиакатастрофе. Автор ряда работ по военной теории («Размах операций современных армий» (1926), «Возможная численность будущих армий» (1927), «Характер операций современных армий» (1929) и др.). *10, 16, 27, 213, 227, 229, 233, 239*

Туркул Антон Васильевич (1892–1957). Генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны в составе 75-го пехотного Севастопольского полка; к концу войны штабс-капитан. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. Участник похода Яссы — Дон. С декабря 1918 г. — командир 1-го батальона 2-го Офицерского стрелкового полка; в сентябре — октябре 1919 г. — командир 2-го Дроздовского полка; с 11 октября 1919 по август 1920 г. — командир 1-го Дроздовского полка; с августа — временно исполняющий должность начальника Дроздовской дивизии (позднее утвержден). В годы Второй мировой войны участвовал в формировании Русской освободительной армии; командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 г. жил в Германии. *10, 17, 40, 44, 50, 51, 56, 58, 59, 61, 65, 96, 97, 99, 101–103, 108–110, 114–124, 128, 147–150, 152, 156, 157, 160, 172, 174, 175, 178, 183, 188, 196, 199, 237*

Ф

Фридман Александр Карлович (1876–1945). Участник Первой мировой войны, в которую выступил в составе 12-го стрелкового полка; к концу войны — полковник, командир 494-го пехотного Верейского полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. Участник похода Яссы — Дон. В 1919 г. — помощник командира 1-го Дроздовского стрелкового полка. В эмиграции жил в Болгарии, затем в Чехословакии. В мае 1945 г. арестован советскими органами. Умер по дороге в СССР. *10, 17, 30, 56, 60, 61*

Х

Харжевский Владимир Григорьевич (1892–1981). Генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны в составе 269-го пехотного Новоржевского полка, капитан. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. Участник похода Яссы —

Дон. С декабря 1919 г. — командир 2-го Дроздовского полка. С октября 1920 г. — начальник Дроздовской стрелковой дивизии. В эмиграции жил в Чехословакии, Болгарии, Германии, Марокко, с 1956 г. — в США. *10, 11, 17, 52, 64, 70, 90, 208, 209*

Ц

Цуриков Николай Александрович (1886–1957). Общественно-политический деятель, публицист и литературовед. Участник Первой мировой войны; в 1915–1918 гг. — в германском плену. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В эмиграции жил в Чехословакии, после 1945 г. — в Германии. *5, 8, 9, 11*

Ч

Чекотовский Игнатий Игнатьевич (1875–1941). Генерал-майор (1918). Участник Первой мировой войны на фронт которой вышел ротмистром 35-го драгунского Белгородского полка; к концу войны — полковник, командир 12-го драгунского Стародубовского полка. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. С июня 1918 г. в Добровольческой армии, во 2-м конном полку; с июля — командир полка; с октября — командир бригады. Летом — осенью 1919 г. — начальник 1-й кавалерийской дивизии; в ноябре — декабре — временно исполняющий должность командира 5-го кавалерийского корпуса. В 1920 г. — в распоряжении главкома. В эмиграции жил в Югославии, затем во Франции. *128, 130, 147, 148, 151*

Чесноков Николай Владимирович (1880–1944). Генерал-майор (1919). Участник Первой мировой войны в составе 2-го мортирного артиллерийского дивизиона; к концу войны — полковник. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В августе — сентябре 1919 г. — командир 3-й батареи в 3-й артиллерийской бригаде; в декабре — командир 1-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. С сентября 1920 г. — командир 1-го Дроздовского полка. В эмиграции жил в Югославии. *59, 120*

Ш

Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947). Генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны; командир 2-го линейного полка Кубанского казачьего войска; в 1915 г. — командир Отряда особого назначения для действий в тылу противника; в 1917 г. — командир отряда в конном корпусе генерала Н. Н. Баратова в Персии; полковник. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. В июне 1918 г. сформировал на Кубани партизанскую дивизию, соединившуюся с До-

брармией; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады; с ноября — начальник Кавказской конной дивизии; до апреля 1919 г. — начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии; с мая — командир 3-го Кубанского казачьего корпуса. В январе — марте 1920 г. — командующий Кубанской армией. В эмиграции жил во Франции. В годы Второй мировой войны участвовал в формировании антисоветских казачьих частей, подчиненных германскому командованию. В мае 1945 г. выдан английскими оккупационными властями советскому командованию. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР казнен в Москве в январе 1947 г. *21, 26, 27, 140, 166, 195, 203, 214–216, 227*

Ю

Юзефович Яков Давыдович (1872–1929). Генерал-лейтенант (1917). В начале Первой мировой войны — начальник штаба Туземной дивизии; в 1915 г. — начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса; в 1917 г. — командир 26-го армейского корпуса. В Гражданскую войну в составе белых армий Юга России. С середины 1918 г. в Добровольческой армии; с января 1919 г. — начальник штаба Кавказской Добровольческой армии; летом — осенью — командир 5-го конного корпуса. В мае 1920 г. — инспектор кавалерии. В эмиграции жил в Германии, затем в Польше. *147*

Содержание

Р.Г. Гагкуев. Капитан Трофимов о генеральном сражении белых и красных на путях к Москве в 1919 году 5

ДРОЗДОВСКАЯ ДИВИЗИЯ
В ГЕНЕРАЛЬНОМ СРАЖЕНИИ
НА ПУТЯХ К МОСКВЕ ОСЕНЬЮ 1919 ГОДА

По поводу очерка «Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года» 15

Вступление 20
Наступление Дроздовской дивизии от реки Сейма к реке Нерусе 29
Переход красных в наступление и встречные бои севернее города Дмитровска 72
Борьба за инициативу 94
1. Первый период 94
2. Второй период 112
3. Третий период. Севская операция 138
Переход к обороне 165
Начало отступления 193
Несколько слов в заключение 205

Комментарии 208
Аннотированный именной указатель 239

П. М. Трофимов

Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года

Редактор *В. Е. Климанов*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Корректор *О. А. Артюшина*
Компьютерная верстка *А. И. Седяева*

ООО «Кучково поле»
123022, Москва, ул. Красная Пресня, д. 28, стр. 2, оф. 307
Редакционно-издательский отдел: +7 499 253 90 01
kpolemuzeon@gmail.com
www.kpole.ru

119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Отдел реализации: +7 495 256 04 56 (доб. 1)
info@kpole.ru

Подписано в печать 13.11.2018.
Формат 125 × 200 мм
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9950-0901-6

16+

Заказ № 10865
Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (499) 270 73 59
sales@chpd.ru
www.chpd.ru

9 785995 009016

• КУЧКОВО ПОЛЕ •